

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (856)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

3

Issue (856)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

LINGUISTIC

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3(856)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. Белозёров

Ответственный редактор
М. В. Пупышева

Ответственный секретарь
А. А. Азаренкова

доктор политических наук, профессор

кандидат политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, доцент (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3 (856)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Vasilij Belozyorov

Executive Editor
Maria Pupysheva

Executive Secretary
Alina Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor

PhD in Political Sciences

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil.) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Associate Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Изменения в научно-образовательных контактах Турции со странами Центральной Азии ВЕЛИЕВА Л.	9
Концепция политической войны: подходы Запада и Китая КОЖУХОВА К. Е.	17
Особенности развития турецкой и китайской концепции «умной силы» в Сербии МОСКАЛЬЧУК Д. А.	23
Специфика американо-израильских отношений в период администраций Д. Трампа и Дж. Байдена САВЧЕНКО Е. О.	31
Политические аспекты функционирования частных военных компаний в сегменте национальной безопасности ЦВЯК А. А.	40
«Стратегическое поражение России» как константа политики США в конфликте на Украине ШИШКОВ В. В.	47

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Не числом, а умением. Как русский штык прорвался сквозь Альпы БЕЛОЗЁРОВ В. К.	56
Проблемы трудовых ресурсов в строительстве в СССР ГОРЛОВ В. Н., АРТЕМОВ С. Н.	66
Исторический опыт развития физической подготовки и спорта в войсках НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) ЗАБРОДЧЕНКО Г. Е., АЛЕСКЕРОВ Р. Р.	74
Трансформация идеологии Сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов и ее основные факторы КУЛЬПИНОВ С. С.	83
Институт вакфа в России на примере округа Оренбургского Магометанского Духовного Собрания: исторические аспекты и перспективы возрождения МУХАМЕТЗАРИПОВ И. А.	91

Тема алавитов в турецких исследованиях

САУТОВ В. Н. 99

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Институционализация социального партнерства гражданского общества
и военной организации государства в Российской Федерации

ГОРЕЛИКОВ Е. С. 107

К вопросу о классификации методов формирования выборок
в социологических исследованиях

ПРИМАКОВ В. Л. 114

Финансовая культура как новое качество участников финансовых отношений
в современной России

САБЛУКОВ А. В. 122

Учитель иностранного языка: социальный портрет на фоне изменений
в школьном образовании

СМИРНОВА Ю. А. 128

Переводческая социология: новая отрасль социологической науки или
перспективное направление исследований?

СТАНЕВИЧ А. Ю. 137

POLITICAL SCIENCES

Changes in Scientific and Educational Contacts between Turkey and the Countries of Central Asia VELIEVA L.	9
The Concept of Political War: Approaches of West and East KOZHUKHOVA K. E.	17
Specifics of the Development of the Turkish and Chinese Concept of “Smart Power” in Serbia MOSKALCHUK D. A.	23
The Key Features of US-Israel Relations at Current Stage of the World Political System SAVCHENKO E. O.	31
Political Aspects of the Functioning of Private Military Companies in the National Security Segment TSVYAK A. A.	40
“Russia’s Strategic Defeat” as a Constant of US Policy in the Conflict in Ukraine SHISHKOV V. V.	47

HISTORICAL SCIENCES

Not by Quantity, but by Skill. How the Russian Bayonet Broke through the Alps BELOZEROV V. K.	56
Problems of Labor Resources in Construction in the USSR GORLOV V. N., ARTEMOV S. N.	66
Historical Experience of the Development of Physical Training and Sports in the Troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945) ZABRODCHENKO G. E., ALESKEROV R. R.	74
The Transformation of the Ideology of Siberian Renovationism in the Second Half of the 1920s and Its Main Factors KULPINOV S. S.	83

CONTENTS

The Institution of waqf in Russia on the Example of the District of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly: Historical Aspects and Prospects for Revival MUKHAMETZARIPOV I. A.	91
--	----

The Alawite Topic in Turkish Studies SAUTOV V. N.	99
---	----

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Institutionalization of Social Partnership between Civil Society and Military Organization of the State in Russian Federation GORELIKOV E. S.	107
---	-----

On the Issue of Classification of Sampling Methods in Sociological Research PRIMAKOV V. L.	114
--	-----

Financial Culture as a New Quality of Participants in Financial Relations in Modern Russia SABLUKOV A. V.	122
---	-----

Social Portrait of a Foreign Language Teacher in the Context of Changing School Education SMIRNOVA Yu. A.	128
---	-----

Translation Sociology: a New Branch of Sociological Science or a Promising Area of Research? STANEVICH A. Yu.	137
---	-----

Изменения в научно-образовательных контактах Турции со странами Центральной Азии

Л. Велиева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
lala.ve@yandex.ru

Аннотация. Роль науки и образования в международных отношениях неуклонно растет. Научно-образовательные связи являются одними из наиболее важных инструментов общественной дипломатии. Сегодня такие контакты являются уже коммерческим продуктом с растущим числом учебных заведений. Научно-образовательные контакты Турции с странами Центральной Азии имеют тридцатилетнюю историю. Но в этой статье будут проанализированы некоторые новые моменты данного аспекта сотрудничества детально относительно каждой страны региона.

Ключевые слова: наука, образование, научно-образовательный, Турция, Центральная Азия

Для цитирования: Велиева Л. Изменения в научно-образовательных контактах Турции со странами Центральной Азии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 9–16

Original article

Changes in Scientific and Educational Contacts between Turkey and the Countries of Central Asia

Lala Velieva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
lala.ve@yandex.ru

Abstract. The role of science and education in international relations is steadily growing. Scientific and educational ties are one of the most important tools of public diplomacy. Today, such contacts are already a commercial product with a growing number of educational institutions. Turkey's scientific and educational contacts with the countries of Central Asia have a thirty-year history. But this article will analyze some new aspects of this aspect of cooperation in detail relative to each country in the region.

Keywords: science, education, scientific and educational relations, Turkey, Central Asia

For citation: Velieva, L. (2024). Changes in Scientific and Educational Contacts between Turkey and the countries of Central Asia. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3 (856), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Роль науки и образования в международных и межгосударственных отношениях неуклонно растет. Это область в дисциплине международных отношений, которой следует уделять повышенное внимание. Научно-образовательные связи являются одними из наиболее важных инструментов общественной дипломатии, используемых акторами международных отношений при осуществлении своих внешнеполитических задач. Помимо этого, сегодня такие контакты являются уже коммерческим продуктом с растущим числом учебных заведений. Многие страны придают данному аспекту сотрудничества большое значение, проводя институциональные и функциональные преобразования своей внутренней и внешней политики. В этом отношении Турецкая Республика не является исключением, давно уже имея всеобъемлющую и гибкую политику по продвижению турецких научно-образовательных стандартов по всему миру, в частности, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Научно-образовательные контакты Турции с странами Центральной Азии имеют тридцатилетнюю историю [Kiliçoğlu, 2018]. В настоящей статье будут проанализированы некоторые новые факторы сотрудничества Турции со странами означенного ареала в сфере образования и науки.

Представляется целесообразным начать исследование с рассмотрения самой специфики, ключевых аспектов научно-образовательных контактов Турции с центральноазиатскими странами. Их можно условно рассмотреть детально по трем направлениям.

1. Образовательные программы. Общие образовательные программы взаимодействия между Турцией и странами Центральной Азии наделены повышенной значимостью. Турция активно развивает образовательные программы для студентов из Центральной Азии, предлагая стипендии, обучение на английском и турецком языках в высших учебных заведениях по всем уровням получения образования. Ежегодно растет количество программ двойных дипломов. Расширяется сеть различных программ обмена студентами, преподавателями и исследователями. Не малую популярность в последние годы обрели турецкие программы краткосрочных и долгосрочных стажировок и курсов повышения квалификации для представителей стран центральноазиатского региона в различных областях, таких как медицина, инженерия, экономика, искусство и другие [Kelkitli, 2020]. Особенно стоит подчеркнуть и значение турецкого языка и, соответственно, языковых программ и стажировок. Турция активно

поддерживает изучение турецкого языка в Центральной Азии.

2. Сотрудничество в научной сфере. Исследователи из Турции и стран Центральной Азии работают вместе над различными научными проектами в области гуманитарных, технических наук, медицины. В регионе функционируют совместные научно-исследовательские институты на базе высших учебных заведений.

3. Техническая поддержка. Турция оказывает техническую помощь в модернизации образовательных систем стран Центральной Азии. Она включает в себя разработку программ обучения, внедрение новых технологий в образовательный процесс и обучение педагогов. На примере каждой из стран региона ниже будут рассмотрены все эти области.

Всё вышеперечисленное реализуется через такие структуры, как Институт Юнуса Эмре, Международная тюркская академия, Управление по делам тюрок за рубежом и родственных сообществ (YTB), Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), просветительский Фонд Маариф, **Совет Турции по научно-техническим исследованиям (TÜBİTAK)** и др.

После обзора научно-образовательных контактов Турции со странами Центральной Азии [Sharipov, 2020], представляется необходимым детально рассмотреть эту область сотрудничества в каждой из стран региона.

КАЗАХСТАН

По данным Совета по высшему образованию Турции (тур. Yüksek öğretim kurumu, YÖK), в 2024 году Турция вошла в десятку стран по количеству иностранных студентов в своих учебных заведениях. Данная цифра, по данным Совета, составляет 338,161 студентов со всего мира¹. А первая десятка «стран-экспортеров» студентов выглядит следующим образом: Сирия, Азербайджан, Туркменистан, Иран, Ирак, Казахстан, Египет, Афганистан, Сомали и Йемен. Как видно из списка, Казахстан входит в топ стран, чья молодежь предпочитает Турцию в качестве страны для получения образования и повышения квалификации. Для сравнения, если ещё в 2019 году в вузах Турции проходили обучение 2900 студентов из Казахстана, то в 2023 году, по информации посольства Казахстана в Турции, 8219 казахстанцев обучались в вузах Турции². Из них 190 человек обучались в рамках программ

¹Hurriyet // Yabancı öğrencide ilk 10'dayız URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/nuran-cakmakci/yabanci-ogrencide-ilk-10dayiz-42425251>

²Tengri news // Турецкие вузы планируют открыть филиалы в Казахстане URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/turetskie-vuzyi-planiruyut-otkryit-filialyi-v-kazakhstane-510063/

межвузовской мобильности. Данные показатели были обсуждены и высоко оценены и во время официального визита главы МИД Турции Хакана Фидана в Казахстан в конце сентября 2023 года. На сегодняшний день эта цифра стала еще больше, несмотря на экономический кризис в Турции. В текущем году в рамках квотной компании стипендиальной программы Türkiye bursları (Турецкие стипендии), которая ежегодно проходит в январе-феврале, молодежь из Казахстана продемонстрировала высокий интерес к обучению в турецких вузах, подав рекордное количество заявок на стипендиальную программу, реализуемую Управлением по делам турок за рубежом и родственных сообществ (YTB) Турции. Так, в этом году количество поданных заявок из Казахстана через эту программу перевалило за 20 тыс. человек. Это рекорд для данной программы¹.

Сегодня на повестке дня в диалоге между рассматриваемыми странами стоит вопрос также об открытии филиалов ведущих университетов Турции в Казахстане. Эта тема стала подниматься всё чаще. Так, в ходе вышеупомянутого визита главы МИД Турции в Казахстан осенью 2023 года и в рамках двусторонней встречи Посла Казахстана Еркебулана Сапиева с председателем Совета высшего образования Турции Эролом Озваром в феврале 2024 года были достигнуты предварительные договоренности по открытию филиалов ведущих университетов Турции в Казахстане. Стоит отметить, что сегодня в Турции функционирует филиал Казахского национального университета им. аль-Фараби (КНУ). А в казахском городе Туркестан вот уже 32 года работает Международный казахско-турецкий университет имени Ахмеда Ясави². За время своего существования университет преобразился и на сегодняшний день он представляет собой широкопрофильный вуз, где обучение ведется на 10 факультетах на четырех языках: турецком, казахском, русском и английском. Вуз на равных финансируется турецкой и казахской стороной, но председатель попечительского совета назначается указом президента Турции. Сегодня университет представляет собой также современную площадку, на которой проводятся многочисленные совместные форумы, круглые столы, конгрессы и другие научно-просветительские мероприятия. На базе университета функционирует семь научно-исследовательских институтов, в том числе по тюркологии, куда

периодически приезжают ученые из Турции для обмена опыта с казахстанскими коллегами³. И в условиях сегодняшних реалий университет имеет важное идеологическое значение как духовно объединяющий тюркоязычный мир образовательный центр.

Сегодня между казахскими и турецкими вузами есть множество программ двойных дипломов, совместных магистерских программ. В качестве примера представляется интересным привести новую совместную магистерскую программу «Национальная история» между Стамбульским университетом и КНУ имени аль-Фараби⁴. Стороны совместно утверждают условия обмена магистрантами, учебный план, экзамены и оценки, требования к окончанию, выдаваемые дипломы, стоимость обучения и другие вопросы.

Говоря про новые турецко-казахские научно-образовательные контакты, необходимо упомянуть и про «Общество выпускников турецких ВУЗов», которое открылось в Астане в конце 2022 года при поддержке турецкого Управления по делам турок за рубежом и родственных сообществ (YTB), директор которого Абдуллах Эрен лично присутствовал на церемонии открытия. Это стало еще одним значимым шагом двустороннего научно-образовательного взаимодействия между Казахстаном и Турцией, так как вместе с открытием Общества, был подписан ряд соглашений в данной области, в частности, соглашение о тесном взаимодействии между турецким YTB и казахским Фондом Отандастар при МИД Казахстана, основным предметом деятельности которого является обеспечение поддержки зарубежных и прибывших в Республику Казахстан этнических казахов.

Новой ступенью в развитии турецко-казахских контактов в области науки и образования стало издание в 2020 году единого школьного учебника «Общая история тюрков». Учебник был сразу введен в учебные программы в Турции, Казахстане и Азербайджане. Спустя два года, в 2022 году, научный совет Международной тюркской академии утвердил школьные учебники и по таким предметам, как «География тюркского мира» и «Общая литература тюркских народов». В школах трех стран началось обучение по этим учебникам [Сви-стунова, 2023].

¹Anadolu // Казахстанская молодежь проявила высокий интерес к образованию в Турции URL: <https://www.aa.com.tr/ru/образование/казахстанская-молодежь-продолжает-проявлять-интерес-к-образованию-в-турции/2881980>

²Университет Ахмеда Ясави URL: <https://ayu.edu.kz/ru/>

³Научно-исследовательский институт тюркологии // Университет Ахмеда Ясави URL: <https://ayu.edu.kz/birimler/ru/5-turkoloji-arastirma-enstitusu>

⁴Istanbul Üniversitesi // İstanbul Üniversitesi ve Al Farabi Kazakistan Devlet Üniversitesi arasında eğitim alanında iş birliği URL: <https://www.istanbul.edu.tr/tr/haber/istanbul-universitesi-ve-al-farabi-kazakistan-devlet-universitesi-arasinda-egiti-7100580068004700740076005A00610037004F0059003100>

КИРГИЗИЯ

Научно-образовательные связи Турции с Киргизией развиты в некоторой степени глубже чем с Казахстаном. Связано это с большим низким экономическим уровнем Республики. Она больше нуждается в донорской помощи, в том числе и сфере науки и образования. Образовательная политика Турции в Киргизии осуществляется сегодня как с помощью государственных проектов (к ним относится создание в Бишкеке Университета «Манас»), так и коммерческих образовательных проектов, представленных сетью лицеев, школ и вузов.

Киргизия является единственной страной в Центральной Азии, на территории которой сегодня активно работает турецкий фонд «Маариф». В 2020 году были достигнуты и подписаны соглашения между правительством Киргизии и представителями «Маариф» о создании в Бишкеке юридического лица и появлении отделения фонда¹. И уже сентябре 2021 года в Бишкеке при участии главы МИД Киргизии Руслана Казакбаева и президента фонда «Маариф» Бирол Акгюна открылся образовательный комплекс «Маариф»². Примечательно, что обучение в данном центре ведется согласно государственным образовательным стандартам Киргизии на кыргызском и русском языках. Так, на сегодняшний день в столице Республики активно функционирует полноценная школа, на базе которой имеется детский сад, подготовительная, начальная и средняя школы под предводительством фонда. То есть, как видно, Турция к вопросу о продвижении в сфере образования в Киргизии подходит достаточно системно и готова вкладываться финансово и дальше. В подтверждение можно привести недавние заявления Посла Республики в Анкаре (бывший глава МИДа Киргизии) Руслана Казакбаева о необходимости расширения сетей турецких учебных заведений и в других областях Киргизии, в частности, Баткенской, Джалалабадской и Ошской.

Кроме этого, сегодня в Киргизии все еще сильны позиции, связанной с движением Ф. Гюлена организации «Сапат», которая объединяет 14 киргизско-турецких лицеев, Международный университет «Ататюрк-Алатоо», Международную школу «Silk Road», а также Центр изучения языков и компьютерной грамотности.

¹Kirgizistan Maarif eğitim kompleksi Cumhurbaşkanı yardımcısı Oktay tarafından açıldı // Türkiye Maarif Vakfı URL: <https://turkiyemaarif.org/news/kirgizistan-maarif-egitim-kompleksi-cumhurbaskani-yardimcisi-oktay-tarafindan-acildi>

²Образовательный комплекс МААРИФ // Турецкий просветительский фонд Маариф URL: <https://maarif.edu.kg/o-nas-2/>

Активно развивается и межвузовское сотрудничество. Яркими примерами являются тесные контакты между Анкарским университетом, Бишкекским гуманитарным университетом и Ошским государственным университетом, а также между турецким Университетом Мармара и Национальным университетом им. Ж. Баласагына. Это крупнейшие вузы Турции и Киргизии.

На сегодняшний день, по данным УТВ, в вузах Турции по программе Турецких стипендий обучается в общей сложности 4 тыс. студентов из Киргизской Республики, в то время как еще в 2019 году это было 1937 человек³.

УЗБЕКИСТАН

Турецкие-узбекские отношения, в том числе, и в сфере науки и образования, не всегда развивались равномерно, чего нельзя сказать, например, об отношениях Казахстана и Киргизии. Но в последние годы они начали наращаться и углубляться ускоренными темпами и сегодня достигли уже значительных показателей. Количество научно-просветительских и исследовательских мероприятий (круглые столы, семинары, форумы, конгрессы, визиты делегаций), посвященных двусторонним турецко-узбекским контактам в этой области, значительно. В качестве примера можно указать ежегодный узбекско-турецкий образовательный форум с участием гостей высокого уровня⁴. На повестке дня нередко стоят вопросы посвященные тюркологии, турецкому языку и литературе, узбекскому языку и литературе, регионоведению, истории народов Центральной Азии. Так, на втором узбекско-турецком образовательном форуме, который состоялся в ноябре 2023 года, было принято решение расширить круг обсуждаемых вопросов. Форум был организован в Самарканде под главенством председателя Республиканского совета высшего образования Республики Узбекистан Одиля Абдурахманова и руководителя Совета высшего образования Турецкой Республики Эрала Озвара.

Необходимо упомянуть еще одну немаловажную площадку, существующую в рамках узбекско-турецких научно-образовательных связей. Международный университет туризма и культурного наследия «Шелковый путь» в Самарканде

³Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB), yükseköğrenimlerini Türkiye'de tamamlayan Kirgizistanlı mezunları buluşturdu // Türkiye mezunları URL: <https://www.turkiyemezunlari.gov.tr/haberler/kirgizistan-da-turkiye-mezunlari-bulusmasi-gerceklestirildi-2023-12-29T16-26-55>

⁴Второй Узбекско-турецкий образовательный форум URL: <https://yuz.uz/ru/news/mejdu-universitetami-navoiyskoy-oblasti-i-turtsii-podpisan-memorandum-o-sotrudnichestve>

принимает активное участие. Большинство мероприятий, проводимых в университете, становятся платформой для обсуждения идей и инициатив, направленных на дальнейшее углубление двусторонних отношений. Осенью 2021 года был подписан Меморандум о сотрудничестве между Международным Университетом Туризма «Шелковый путь» и Фондом Тюркской культуры и истории¹. Сегодня Фонд предоставляет доступ к литературе. Развивается сотрудничество по обмену изданиями, проводятся совместные научно-исследовательские работы по изучению документов, обучающиеся мероприятия, стажировки и взаимные визиты по повышению квалификации и обмена опытом. Кроме того, достигнуты договоренности о пополнении Фондом библиотеки Международного Университета «Шелковый путь» специализированной печатной и электронной литературой с архивом свыше ста тысяч копий редких книжных изданий, периодических изданий из стран тюркского мира.

Контакты установлены и по линии межвузовского сотрудничества. Подписан меморандум о сотрудничестве между Высшим медресе Мир Араб в Узбекистане и такими турецкими учебными заведениями, как Университет Ибн Халдуна, Стамбульский Университет, Университет Сабихаттина Займа, Университет Кастамону². В 2019 году в рамках рабочей поездки в Турцию делегации Кокандского государственного педагогического института заключен меморандум о сотрудничестве с Университетом Карабюк. На более высоком уровне продолжается сотрудничество и между Академиями наук Узбекистана и академическими структурами Турции, двустороннее Соглашение о котором было подписано в мае 2022 года в Стамбуле³.

С 2021 года ведутся переговоры об открытии филиалов турецких вузов в Узбекистане. В частности, речь идет об открытии филиала Университета Бахчешехир в Узбекистане, а также учреждения Ферганской высшей школы туризма совместно с университетом имени Ходжи Байрама Вали.

Стоит принять во внимание и количество студентов из Узбекистана, обучающихся в высших учебных заведениях Турции. Если в 2019 году их было около 800, то на сегодняшний день эта цифра, по данным Совета высшего образования

Турции, составляет около 2500⁴. Проведенный анализ показывает: это меньше, чем в Казахстане и Киргизии, но тем не менее, это значительный показатель.

Сегодня турецко-узбекские контакты углубляются и области точных наук и инноваций. Здесь основным актором выступает **Совет Турции по научно-техническим исследованиям (TÜBİTAK)**, который вместе с Министерством инновационного развития Республики Узбекистан в 2022 году провел международный конкурс совместных научных проектов «Узбекистан – Турция». Помимо этого, в рамках проекта TÜBİTAK BILGEM Совет предоставляет молодым ученым из разных стран, в том числе из Узбекистана, стажировки.

ТУРКМЕНИСТАН

Анализируя турецко-туркменские научно-образовательные связи, стоит начать с того, что сегодня на территории Туркменистана, в Ашхабаде, успешно действует совместная туркмено-турецкая средняя школа, где обучение ведется на четырех языках: турецком, туркменском, английском и русском. По данным Министерства образования Турции, в школе обучаются 442 ученика и 34 учителя⁵. Школа периодически становится местом встреч высокого уровня. Так, к примеру, школу посещала лично Эмине Эрдоган вместе с министром образования Турции Махмутом Озером. В ходе визита турецкой стороной школе были переданы в дар 5 тыс. книг.

Ежегодно Министерством образования Туркменистана публикуется «Список ведущих учебных заведений мира». Интересно, что количество турецких высших учебных заведений в нем неуклонно растет. Если в 2021 году в этом списке было 43 университета из Турции, то в 2022 их количество достигло 54. А в 2023–2024 учебном году количество турецких вузов с действующими в Туркменистане дипломами еще больше увеличилось, достигнув 61⁶. Растет и число студентов, обучающихся в Турции как через программу «Турецких стипендий», так и за счет собственных средств. По последним данным УТВ, на сегодняшний день

¹Организации, связанные с ТЮРКСОЙ // TÜRKSOY URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/chasto-zadavaemye-voprosy>.

²Türkiye ile Özbekistan arasında eğitimde iş birliği // TimeTürk haber URL: <https://www.timeturk.com/ajans/turkiye-ile-ozbekistan-arasinda-egitimde-is-birligi/-haber-908802>.

³Узбекистан-Турция: на пути к расширению научного сотрудничества // Академия Наук Республики Узбекистан URL: <https://academy.uz/ru/news/ozbekiston-turkiya-ilmiy-hamkorlikni-kengaytirish-yolida>.

⁴Узбекистан – Турция: масштабное сотрудничество в сфере образования // Национальное информационное агентство Узбекистана. URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-turciya-masshtabnoe-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya_340237.

⁵T.C. Milli Eğitim Bakanlığı // Emine Erdoğan ve Bakan Özer, Aşkabat'ta Türkmen-Türk okulunu ziyaret etti URL: <https://baae.meb.gov.tr/emine-erdogan-ve-bakan-oz-askabatta-turkmen-turk-okulunu-ziyaret-etti/-haber/24699/tr>.

⁶Türkmenistan'ın onayladığı Türk üniversiteleri // Информационное Агентство Atavatan-Turkmenistan URL: <https://www.atavatan-turkmenistan.com/tr/turkmenistanin-onayladigi-turk-universiteleri2022/ru>

в Турции обучается более 12 тыс. туркменских студентов¹. Как видим, их больше, нежели студентов из других центрально-азиатских стран.

ТАДЖИКИСТАН

В случае с Таджикистаном ситуация обстоит иначе в силу того, что страна не входит в тюркскую языковую группу. Так, здесь во взаимодействии с Турцией образовательные контакты не имеют такого масштаба как в других странах Центральной Азии. Однако хорошо налажены и выстроены контакты по линии сотрудничества в научной сфере и в области технической поддержки. И особую роль в этом плане играет ТІКА [Колесникова, 2019]. Работая со всеми слоями населения, Агентство реализовало свыше сотни проектов в Таджикистане, от организации медицинских центров до строительства школ и расширения прав и возможностей женщин, инвалидов. В настоящее время основными приоритетными направлениями, на которых фокусируется внимание Агентства, являются развитие человеческих ресурсов, улучшение инфраструктуры в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства².

ТІКА оборудовало теплицу Таджикскому аграрному университету для проведения научных исследований в области сельского хозяйства. По линии агентства на территории Таджикского аграрного университета на участке площадью в 450 квадратных метров была установлена современная учебная теплица в целях поддержки сельскохозяйственного сектора страны. Кроме того, в Таджикистан периодически приезжают специалисты, которые в рамках курсов проводят мастер-классы, обучение о выращивании растений в тепличных условиях.

Одним из последних значимых проектов, реализованных ТІКА, является компьютерный класс для несовершеннолетних в **исправительной колонии** в Душанбе в 2023 году³. Проект реализован в рамках программы обучения программистов в Таджикистане, которая осуществляется с 2021 года в рамках сотрудничества Турецкого Агентства по Сотрудничеству и Координации с компаниями «Алиф Академия» и «Илмхона». Примечательно, что на церемонии открытия присутствовали заместитель министра юстиции Таджикистана

Мансурджона Умарова, Чрезвычайный и Полномочный посол Турции в Таджикистане Умут Аджар и вице-президента ТІКА Умит Наджи Йорулмас. Проект нацелен на укрепление инфраструктуры детской колонии и предоставление возможности получения знаний и навыков в сфере компьютерных технологий во время отбывания наказания. Помимо этого, планируется проведение курсов для несовершеннолетних в течение 9 месяцев по компьютерной грамотности, программированию, графическому дизайну и бухгалтерскому учету.

По линии университетов ТІКА сотрудничает и с Таджикским государственным университетом. Агентство оказывает техническую поддержку университету, отремонтировав здания Университета⁴. Другим примером может послужить и то, что организация в сотрудничестве с Таджикским сельскохозяйственным университетом им. Шириншох Шохтемура создает фруктовый сад на территории учебно-научно-исследовательской фермы в Гисаре, принадлежащей университету, который будет использоваться в обучении студентов⁵. Это, безусловно, оказывает большую поддержку прикладного образования таджикских студентов и вносит вклад в образовательные и научные исследования университета и в развитие сельскохозяйственной отрасли Республики Таджикистан.

Как показывает проведенный анализ, деятельность организации в Таджикистане носит более прикладной характер. По сути, это и есть то, в чем нуждается сегодня страна. Это новые учебные центры, техническая помощь учебным заведениям, различные курсы по повышению квалификации и тому подобное. Например, курсы по сапожному делу, кулинии, в области текстильной промышленности.

Рассматривая турецко-таджикские научно-образовательные связи, стоит упомянуть и то, что запрашиваются контакты и в сфере военного образования. Между министерствами внутренних дел вышеупомянутых стран есть соглашение, согласно которому Турция ежегодно принимает абитуриентов на учебные курсы в Академию жандармерии и охраны побережья Турции. Основная цель этой образовательной программы заключается в подготовке кадров в сфере охраны и управления безопасностью по уровням среднего профессионального образования сроком 3 года (1 год

¹Uluslararası öğrenciler // Yurtdışı türkler ve akraba topluluklar başkanlığı (YTB) URL: <https://ytb.gov.tr/daireler/uluslararasi-ogrenciler>.

²2019–2023 Yılı Faaliyet Raporu // Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı (TİKA) URL: <https://www.ktb.gov.tr/Eklenti/98901,tikastratejikplanpdf.pdf?0>.

³2019–2023 Yılı Faaliyet Raporu // Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı (TİKA) URL: <https://www.ktb.gov.tr/Eklenti/98901,tikastratejikplanpdf.pdf?0>.

⁴Сотрудничество между Таджикским Государственным Университетом и Турецким Агентством по Сотрудничеству и Координации «ТІКА» в Таджикистане // Таджикский национальный университет URL: <https://tnu.tj/index.php/ru/sotrudnichestvo-mezhdu-tadzhikskim-gos/>.

⁵Программы садоводства ТІКА в Таджикистане // Сеть водохозяйственных организаций стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии URL: <http://www.eecca-water.net/content/view/28326/51/lang.ru/>.

подготовки и 2 года обучения) и бакалавриата сроком 5 лет (1 год подготовки и изучения турецкого языка и 4 года бакалавра) для Министерства внутренних дел Республики Таджикистан¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав некоторые новые моменты научно-образовательных контактов Турции со странами Центральной Азии, представляется логичным сделать следующие выводы.

Из приведенной статистики видно, что есть тенденции к увеличению, расширению сотрудничества в данной области. Это и ежегодное увеличение количества квот для студентов из стран региона на обучение в Турции, и расширение сетей контактов по линии межвузовского сотрудничества, постоянные контакты на высшем уровне по обсуждению вопросов о науке и образования.

¹Объявление об обучении в Турецкой Республике // Официальный сайт МВД Республики Таджикистан URL: <https://www.vkd.tj/index.php/ru/sobytiya/36457-e-lon-baroi-ta-sil-ba-um-urii-turkiya-2>.

Новым фактором научно-образовательной деятельности в вышеозначенном географическом ареале является и налаживание турецко-узбекских отношений. Как показывает количество и масштаб реализуемых совместных проектов, процесс выстраивания новых научно-образовательных связей пошел ускоренными темпами, несмотря на то, что в отличие от Казахстана и Киргизии, в узбекско-турецкие отношения долгие годы не были быстроразвивающимися.

В случае с Киргизией достаточно новым и интересным моментом можно считать то, что проекты и программы, продвигаемые и поддерживаемые официальной турецкой властью, в сфере науки и образования в Киргизии начали реализовываться не вместо, а вместе, то есть параллельно с так называемыми гюленовскими образовательными учреждениями и программами. Так, в остальных республиках рассматриваемого региона, данные заведения были ликвидированы.

В целом, наблюдается активизация гуманитарного сотрудничества Турции со странами Центральной Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kiliçoğlu G., Yılmaz A. Türkiye'nin Orta Asya'daki yumuşak gücü ve kamu diplomasisi uygulamalarının analizi // Türk dünyası araştırmaları. 2018. № 139. P. 154–169.
2. Kelkitli F. The Role of International Educational Exchange in Turkish Foreign Policy as a Reconstructed Soft Power Tool // All Azimuth. 2020. № 1. P. 41–58
3. Sharipov A. The role of Turkish soft power diplomacy in the current development of Central Asia // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2020. № 17(7). P. 7730–7736.
4. Свистунова И. Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. 2023. № III (LX). С. 45–54.
5. Колесникова М. А. ТИКА как основной инструмент турецкой «мягкой силы» в Африке // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 220–224.

REFERENCES

1. Kiliçoğlu, G., Yılmaz, A. (2018). Türkiye'nin Orta Asya'daki yumuşak gücü ve kamu diplomasisi uygulamalarının analizi = Analysis of the "Soft power" and indicators of public diplomacy of Turkey in Central Asia. Türk dünyası araştırmaları, 139, 154–169
2. Kelkitli, F. (2020) The Role of International Educational Exchange in Turkish Foreign Policy as a Reconstructed Soft Power Tool. All Azimuth, 1, 41–58.
3. Sharipov, A. (2020) The role of Turkish soft power diplomacy in the current development of Central Asia. Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology, 17(7), 7730–7736.
3. Svistunova, I. (2023). Turecko-kazakhskie otnosheniya na sovremennom etape = Turkish-Kazakh relations at the present stage. Russia and the new states of Eurasia, 3 (60), 45–54. (In Russ.)
3. Kolesnikova, M. A. (2019). TIKa kak osnovnoj instrument tureckoj «mjagkoj sily» v Afrike = TIKa as the main tool of Turkish "soft power" in Africa. Sovremennaja Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (pp. 220–224). Moscow: FGBOU VO MGLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Велиева Лала

аспирант кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Velieva Lala

Postgraduate Student

Department of International Humanitarian Relations School of International Relations

St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию	07.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.06.2024	approved after reviewing
принята к публикации	10.06.2024	accepted for publication

Концепция политической войны: подходы Запада и Китая

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепция политической войны. Автор исследует теоретические основы концепции, сформулированные учеными стран Запада, а также понимание политической войны в современной философии политики Китайской Народной Республики. Особое внимание уделяется роли концепции войны в достижении политических целей Китая, не требующих применения военной силы.

Ключевые слова: политическая война, Запад, Китай, международные отношения, внешняя политика, политическая коммуникация.

Для цитирования: Кожухова К. Е. Концепция политической войны: подходы Запада и Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 17–22.

Original article

The Concept of Political War: Approaches of West and East

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract. The article discusses the concept of political warfare. The author explores the theoretical foundations of the concept formulated by Western scientists, as well as the understanding of political warfare in the modern philosophy of politics of the People's Republic of China. Special attention is paid to the role of the concept in achieving China's political goals without the use of military force.

Keywords: political warfare, West, China, foreign policy, international relations, political communication

For citation: Kozhukhova, K.E. (2024). The concept of political war: approaches of West and East. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 17–22. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика современных государств становится всё более сложной и многогранной под влиянием международно-политической среды. В условиях глобализации и усиления конкуренции между странами, нарастания сложносоставных этнополитических и территориальных конфликтов, как например тайваньский, украинский и израильско-палестинский, государства вынуждены разрабатывать новые подходы к реализации своих внешнеполитических целей, при этом не используя или «проксируя» свои военные методы ведения международной деятельности. Одним из таких подходов является политическая война, которая активно используется в современной китайской философии политики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В Европе к проблеме политической войны исследователи обращались уже в начале XIX века. Так, К. фон Клаузевиц еще в молодые годы утверждал, что «политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называется такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который себе подготовил для этой цели. Даю ли на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет»¹.

Современная же концепция «политической войны» была предложена в США дипломатом Дж. Кеннаном в 1948 году. Она стала теоретической основой глобального политического противостояния между США и СССР во время «холодной войны». Так называемая «политическая война» в основном относится к использованию политической стратегии для интеграции экономических, военных, культурных, дипломатических и других ресурсов с целью сдерживания войны или победы в войне в форме невоенной борьбы. Как утверждал американский политолог П.А. Смит, термин «политическая» в данном контексте описывает взаимодействие между *правительством* и целевой аудиторией, включая правительство другого государства, вооруженные силы и/или население в целом [Smith, 1989, с. 7].

¹Клаузевиц К. фон. О войне. 2007. URL: https://hrguru.ucoz.ru/_ld/0/9_2Aw.pdf.

Западный исследователь Г. Симмонс, цитируя своего коллегу А. Кодевиллу, отмечает, что «политическая война есть мобилизация человеческой поддержки или оппозиции для достижения победы в войне или в кровопролитных конфликтах, столь же серьезных, как война» [Simons, 2020, с. 76]. В отличие от своего физического аналога политическая война происходит в формате неоткрытого латентного насилия: сочетания систематического кризиса, структурной открытости и коллективных действий, которые возникают в результате пересечения международных, экономических, политических и символических факторов.

Таким образом, в основе теории политической войны лежит представление о том, что политические цели могут быть достигнуты путем использования различных невоенных стратегий и тактик. Например, начальник генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В. В. Герасимов в своем получившем известность докладе 2013 года отмечал, что в современных конфликтах соотношение невоенных и военных мер составляет 4:1. Кроме того, по его мнению, «в XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись, идут не по привычному нам шаблону. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения»².

Западными исследователями допускается, что в политической войне используются все доступные нации инструменты, кроме военных, для достижения своих национальных целей. Лучшим инструментом политической войны является открытая политика, подкрепленная силой [Codevilla, 2009]. Но, как объяснил один из ведущих исследователей в области пропаганды Дж. М. Валлер, к политической войне прибегают, когда заявления по связям с общественностью и мягкое убеждение в стиле публичной дипломатии не помогают завоевать необходимые настроения и действия³. Основным способом ведения

²«Доктрина Герасимова» и пугало «гибридной войны» России // РИА, 2017. URL: <https://ria.ru/20170628/1497445931.html>.

³Waller J. M. Getting serious about strategic influence: How to move beyond the State Department's legacy of failure. URL: <https://centerforsecuritypolicy.org/getting-serious-about-strategic-influence-how-to-move-beyond-the-state-departments-legacy-of-failure/6/>.

политической войны является пропаганда. Ее суть может быть как открытой, так и скрытой [Codevilla, Paul, 2006, с. 2019].

Политическая война также включает агрессивные действия одного субъекта с целью получения относительного преимущества или контроля над другим. Как отмечает американский ученый П. У. Блэксток, в отношениях между национальными государствами она может закончиться захватом власти или открытой ассимиляцией пострадавшего государства в политическую систему или властный комплекс агрессора. Подобные отношения в координатах «агрессор – жертва» наблюдаются и между соперниками внутри государства и могут включать в себя такие тактические приемы, как убийство, деятельность военизированных формирований, саботаж, государственный переворот, мятеж, революцию, партизанскую войну и гражданскую войну, что вызывает феномен паноплии войны [Курочко, 2014].

Иностранное вторжение или «освобождение народа» происходит, когда правительство свергается в результате иностранной военной или дипломатической интервенции или с помощью тайных средств. Конечная цель такой кампании – установить контроль над политической и социальной структурой другой страны. Кампанию могут возглавлять национальные силы агрессора или политическая фракция, поддерживающая агрессора в другом государстве [Blackstock, 1964].

Эти стратегии и тактики позволяют государствам оказывать влияние на политические процессы в других странах и регионах, а также защищать национальные интересы и ценности. Концепция политической войны является важным инструментом внешней политики многих государств. Она позволяет им достигать своих целей, не прибегая к открытому насилию и конфронтации.

Подобную практику описывал известный немецкий правовед и политический теоретик К. Шмитт в XX веке, продолжая идеи военного теоретика К. фон Клаузевица [прив. по: Белозёров, 2015]. К. Шмитт в своей работе «Теория партизанской войны» рассматривает концепцию партизанской войны в контексте политических отношений. Партизанская война, по мнению Шмитта, является одним из способов ведения войны, который может быть использован как в международных, так и во внутренних конфликтах. Партизанская война отличается от традиционных военных действий тем, что она ведется нерегулярными вооруженными формированиями и не имеет четкой линии фронта. Партизаны действуют в тылу противника, используя тактику внезапных нападений и засад. Они стремятся вызвать хаос и создать дезорганизацию

в рядах противника, а также подорвать его моральный дух [Шмитт, 2007; Белозёров, 2020].

Несмотря на кажущееся различие с вышеописанной политической войной, концепция партизанской войны Шмитта может быть связана с концепцией политической войны в том смысле, что обе они предполагают использование нетрадиционных методов и тактик для достижения политических целей. Однако если партизанская война является преимущественно батальным понятием, то политическая война охватывает более широкий спектр инструментов и методов, включая дипломатические, экономические, информационные и другие аспекты внешней политики [Freudenberg, 2019].

Так, Шмитт утверждал, что «важнейшие для нашей темы формулировки Мао Цзэдуна встречаются в работе 1938 году "Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков"» [Шмитт, 2007, с. 88]. Он отмечал, что на вопрос о партизанстве китайской революции Мао Цзэдун «отвечает ясными цифрами: революционная война – на девять десятых неоткрытая, иррегулярная война, и на одну десятую – открытая война военных» [Шмитт, 2007, с. 94]. К. Шмитт так комментирует иррегулярную военную практику китайцев: «Исходя из собственного опыта, они разработали доктрину психологической, подрывной и повстанческой войны» [Шмитт, 2007, с. 96], о чем будет сказано ниже.

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ – ТРАДИЦИЯ «СЕРОГО КАРДИНАЛА»?

Необходимо признать, что идеи Мао Цзэдуна оказали значительное влияние на формирование и развитие концепции политической войны в китайской внешней политике.

Мао Цзэдун был одним из основателей Китайской Народной Республики и ее первым руководителем. Он разработал и внедрил в жизнь ряд политических и экономических реформ, которые оказали огромное влияние на развитие Китая. Идеи Мао Цзэдуна, такие как теория народной войны, идея о том, что революция может быть осуществлена только через народную войну, оказали большое влияние на формирование в китайском видении концепции политической войны. Эти идеи были направлены на мобилизацию народных масс и использование их в качестве основной силы в борьбе за власть, как пишут в работе «Практическое воплощение политического, военного и стратегического мышления Мао Цзэдуна», опубликованной на сайте КПК КНР, китайские политологи Цай Сюэцин, Ван

Е и Цао Вэньхуэй¹. Отметим, что идеи Мао Цзэдуна сохраняются и развиваются в китайском обществе до сих пор, что показывает интерес населения к философии великого кормчего.

Мао Цзэдун уделял большое внимание идеологической борьбе. Он считал, что идеологическая борьба является ключевым фактором в победе над врагом. Эти идеи также оказали влияние на формирование концепции политической войны, которая предполагает использование идеологических инструментов для достижения политических целей.

Кроме того, Мао Цзэдун считал, что Китай должен быть независимым и самодостаточным государством. Эти идеи оказали влияние на формирование концепции политической войны, которая предполагает использование различных инструментов для защиты национальных интересов Китая и его независимости².

Таким образом, идеи Мао Цзэдуна оказали значительное влияние на формирование и развитие концепции политической войны в китайской внешней политике. Эта концепция предполагает использование различных инструментов и методов для достижения политических целей, защиты национальных интересов и обеспечения независимости Китая.

Вообще, концепция политической войны имеет глубокие корни в китайской истории и культуре. Она основана на принципах китайской философии, к числу которых относятся гармония, баланс и взаимность [Титаренко, 1997]. Опора на эти принципы позволяет Китаю использовать различные инструменты и методы для достижения своих политических целей, не прибегая к насилию и конфронтации.

В основе китайского видения политической войны лежит идея о том, что политические цели могут быть достигнуты посредством использования различных стратегий и тактик. Последние могут включать в себя следующие постулаты, сформулированные Цай Сюэцинем, Ван Е и Цао Вэньхуэем.

- 1) Всегда думать о военных вопросах с политической точки зрения. «Если вы не понимаете ее положения, ее природы и ее связи с другими вещами, вы не будете знать законов войны, вы не будете знать, как управлять войной, и вы не сможете выиграть

войну», — утверждал Мао Цзэдун в своей работе «Стратегические проблемы революционной войны в Китае» 1936 года³.

- 2) Активно стремиться к политической инициативе. Если ранее успешную революцию великий лидер Мао хотел видеть на своей Родине в виде образования КНР, то сейчас революционный подход усматривается в создании системы мирового порядка с учетом китайских интересов.
- 3) Вооружить революционные ряды прогрессивным политическим духом. В настоящее время это есть инициатива создания сообщества единой судьбы человечества.
- 4) Придерживаться комплексного проведения политических и военных операций. Здесь подразумевается уметь анализировать военные вопросы и планировать военные операции с учетом общей национальной политической и дипломатической ситуации и национальной стратегической ситуации⁴.
- 5) Названные постулаты позволяют Китаю оказывать влияние на политические процессы в других странах и регионах, а также защищать свои интересы и ценности, что соответствует китайской стратегической культуре. Последняя представляет собой совокупность ценностей, убеждений и норм, которые определяют восприятие угроз, выбор стратегий и поведение страны на международной арене. При этом одной из основных черт стратегической культуры Китая является стремление к сохранению мира и стабильности в регионе. Китайская сторона предпочитает использовать дипломатические и экономические инструменты для достижения своих целей, избегая применения военной силы. Это обусловлено историческими традициями Китая, его опытом участия в войнах и пониманием последствий вооруженных конфликтов [Кочеров, 2019].

Другой важной чертой стратегической культуры Китая является демонстрация уважения к суверенитету и территориальной целостности других государств. Китай стремится к формированию партнерских отношений с другими странами на основе взаимного уважения и сотрудничества.

¹蔡雪芹, 王焱, 曹文惠. 毛泽东政治军事战略思想的现实启示 = Цай Сюэцинь, Ван Е, Цао Вэньхуэй. Реалистическое просвещение политических и военно-стратегических мыслей Мао Цзэдуна. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0206/c443712-40174135.html>. (На кит.)

²唐家璇. 新中国外交的光辉历程 = Тан Цзясюань. Славный курс дипломатии нового Китая. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200012/t20001220_7950084.shtml. (На кит.)

³毛泽东. 中国革命战争的战略问题 = Мао Цзэдун. Стратегические проблемы революционной войны в Китае. URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193612.htm>. (На кит.)

⁴蔡雪芹, 王焱, 曹文惠. 毛泽东政治军事战略思想的现实启示 = Цай Сюэцинь, Ван Е, Цао Вэньхуэй. Реалистическое просвещение политических и военно-стратегических мыслей Мао Цзэдуна. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0206/c443712-40174135.html>. (На кит.)

Это позволяет ему избегать конфликтов с соседями и укреплять свои позиции в регионе¹.

Стратегическая культура Китая характеризуется и стремлением к защите национальных интересов. Китай активно использует экономические инструменты, такие как инвестиции, торговля и сотрудничество в области инфраструктуры, для укрепления своих позиций в мире [Адамова, Денисов, 2022]. Это позволяет ему оказывать влияние на политические процессы и формировать благоприятный имидж страны.

Следование концепции политической войны позволяет современному Китаю добиваться своих стратегических целей. Указанная концепция предполагает использование различных методов, таких как дипломатия, экономика, культура и информация, для достижения политических целей. Стратегическая культура Китая предопределяет выбор этих методов и их применение во внешней политике.

¹Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Российская газета, 2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-knr-ob-uglublenii-otnoshenij-vseobemliushchego-partnerstva-i-strategicheskogo-vzaimodejstviia-vstupaiushchih-v-novuiu-epohu.html>.

Таким образом, концепция политической войны Китая отражает национальную стратегическую культуру, выступает как ее проявление. В соответствии с ней осуществляется выбор стратегий, методов и инструментов, которые используются Китаем для достижения своих целей на международной арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, концепция политической войны является важной частью внешней политики КНР. Она позволяет Китаю достигать своих целей, не прибегая к открытому насилию и конфронтации. Китай продолжает развивать и совершенствовать эту концепцию, что позволяет ему оставаться одним из ведущих игроков на мировой арене.

Концепция политической войны основана на принципах китайской философии, таких как гармония, баланс и взаимность. Эти принципы позволяют Китаю использовать различные инструменты и методы для достижения своих политических целей, не прибегая к насилию и конфронтации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Smith P.A. On Political War. Washington: National Defense University Press, 1989.
2. Simons G. The Evolution of Regime Change and Information Warfare in the 21st Century // Journal of International Analytics. 2020. Vol. 11, No. 4. P. 72–90.
3. Codevilla A. Political Warfare: A Set of Means for Achieving Political Ends // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Washington, DC: Institute of World Politics Press, 2009. P. 206–223.
4. Codevilla A, Seabury P. War: Ends and Means. 2nd ed. Potomac Books, Inc.; 2006.
5. Курочко М. М. Панолия войны: готова ли Россия к современным войнам // Гуманитарный вестник. 2014. № 2(29). С. 195–199.
6. Blackstock P. W. The strategy of subversion: manipulating the politics of other nations. Quadrangle Books, Chicago, 1964.
7. Белозёров В. К. Клаузевиц как теоретик партизанства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 1 (50). С. 169–173.
8. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007.
9. Белозёров В. К. Политология войны в системе научного знания // Философские науки. 2020. № 63 (11). С. 74–90.
10. Freudenberg D. Mao Tse-tungs Ansatz irregulärer Kriegführung im Lichte der Theorie des Carl von Clausewitz. Kieler Analysen zur Sicherheitspolitik. Nr. 50. Kiel, Januar 2019.
11. Титаренко М. Л. Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация: сборник статей. М., 1997.
12. Кочеров О. С. Китайская стратегическая культура и «Дао дэ цзин» // Международные отношения. 2019. № 4. С. 31–47.
13. Адамова Д. Л., Денисов И. Е. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина // Ориенталистика. 2022. Т. 5. № 4. С. 839–856.

REFERENCES

1. Smith, P.A. (1989). On Political War. Washington: National Defense University Press.
2. Simons, G. (2020). The Evolution of Regime Change and Information Warfare in the 21st Century. Journal of International Analytics, 11, 4, 72–90.
3. Codevilla, A. (2009). Political Warfare: A Set of Means for Achieving Political Ends. Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Washington, DC: Institute of World Politics Press, 206–223.

4. Codevilla, A., Seabury, P. (2006). War: Ends and Means. 2nd ed. Potomac Books, Inc.
5. Kurochko, M. M. (2014). The panoply of war: whether Russia is ready to modern wars. Humanitarian Bulletin, 2(29), 195–199. (In Russ.)
6. Blackstock, P.W. (1964). The strategy of subversion: manipulating the politics of other nations. Quadrangle Books, Chicago.
7. Belozero, V. K. (2015). Clausewitz as theorist guerilla warfare. Bulletin of the Academy of Military Sciences, 1(50), 169–173. (In Russ.)
8. Schmitt, K. (2007). Teoriya partizana = The theory of the partisan. Moscow, Praxis. (In Russ.)
9. Belozero, V. K. (2020). The Political Science of War in the System of Scientific Knowledge. Russian Journal of Philosophical Sciences, 63(11), 74–90. (In Russ.)
10. Freudenberg, D. (2019, Januar). Mao Tse-tungs Ansatz irregulärer Kriegführung im Lichte der Theorie des Carl von Clausewitz. Kieler Analysen zur Sicherheitspolitik, 50. Kiel.
11. Titarenko, M. L. (1997). Kitajskaja filosofija i budushhee kitajskoj civilizacii = Chinese philosophy and the future of Chinese civilization. Kitajskaja filosofija i sovremennaja civilizacija: sbornik statej. Moscow. (In Russ.)
12. Kocherov, O. S. (2019). Chinese strategic culture and “Tao te ching”. International relations, 4, 31–47. (In Russ.)
13. Adamova, D. L., Denisov, I. E. (2022). “Period of Strategic Opportunities”: the Chinese Foresight Experience and Beijing’s Foreign Policy Perspectives. Orientalistica, 5(4), 839–856. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgenievna

PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	10.04.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	18.05.2024	
	08.07.2024	

Особенности развития турецкой и китайской концепции «умной силы» в Сербии

Д. А. Москальчук

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
danila_moskalchuk@mail.ru

Аннотация. В статье ставятся и решаются межэтнические вопросы. Внимание исследователя сосредоточено на формировании моделей «умной силы» Турции и Китая как средства реализации национальных интересов Сербии. В работе проводится анализ основных направлений и тенденций турецко-сербских и китайско-сербских отношений в контексте регионального развития.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Китайская Народная Республика, Сербия, публичная дипломатия, «умная сила», Европейский союз

Для цитирования: Москальчук Д. А. Сербия между турецкой и китайской моделью «умной силы» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 23–30.

Original article

Specifics of the Development of the Turkish and Chinese Concept of “Smart Power” in Serbia

Danila A. Moskalchuk

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
danila_moskalchuk@mail.ru

Abstract: The research focuses on the formation of smart power models of Turkey and China as a means of promoting national interests in Serbia. The paper analyzes the main directions and trends of Turkish-Serbian and Chinese-Serbian relations in the context of regional development.

Keywords: Republic of Turkey, People's Republic of China, Serbia, public diplomacy, “smart power”, European Union

For citation: Moskalchuk, D. A. (2024). Serbia between the Turkish and Chinese model of “smart power”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3 (856), 23–30.

ВВЕДЕНИЕ

Балканы, обладающие уникальным географическими и политическим положением, вновь оказались в центре внимания мирового сообщества. Находясь на стыке цивилизаций, полуостров стал местом, где пересекаются интересы как традиционных, так и новых для региона внешнеполитических акторов. Примером тому является продвижение интересов Турции и Китая.

Целью данного исследования является сопоставление турецкой и китайской моделей «умной силы», объектом которой является Сербия. Китай и Турция постепенно расширяют зоны своего влияния на Балканах и становятся одними из главных партнеров Республики Сербия в регионе. Однако «китайская» и «турецкая» модели кардинально отличаются друг от друга.

Пекин, не имея исторических и культурных связей с регионом, начал с форсирования торгово-финансовых отношений с Белградом, заложив основу для расширения гуманитарного сотрудничества двух географических ареалов, что отражает тенденцию последних лет, согласно которой китайский политический истеблишмент делает ставку на «умную силу», комбинируя применение инструментов экономического принуждения и развития публичной дипломатии.

Турция, в свою очередь, на протяжении нескольких десятилетий плавно «возвращалась» на Балканы. После распада СФРЮ образовалась идеологическая и культурная лакуна, которую постепенно стали заполнять турецкие НКО, финансируемые государством. Благодаря такому подходу, имидж Турецкой Республики улучшился не только среди мусульманских или турецких общин на Балканах, но и в Сербии, которая традиционно видела в Турции стратегического противника. Преодолев барьер исторического соперничества, обе страны стали развивать экономические отношения, которые демонстрируют большой потенциал и выгоду для обеих сторон.

Между тем Сербия – одно из немногих европейских государств, не внесенных РФ в список недружественных стран после начала СВО. Из-за давления со стороны Европейского союза Белграду с трудом удается сохранять дружественный нейтралитет по отношению к Российской Федерации. Благодаря развивающемуся сотрудничеству с Пекином и Анкарой у Сербии появляется возможность для проведения более гибкого внешнеполитического курса. Переориентация с европейского рынка на Восток постепенно лишает Брюссель экономического рычага воздействия на принятие внешнеполитических решений правительством.

В этой связи возникает особый интерес изучения китайской и турецкой моделей «умной силы» как способа расширения и укрепления экономических и культурных связей с Сербией. Учитывая тот факт, что российско-сербские отношения строятся на нарративе историко-культурного родства, уходящего корнями глубоко в прошлое, подобное исследование имеет практикоориентированное значение. Применение инструментов «умной силы» во многом могут оказать положительное воздействие на продвижение российских инициатив как в Сербии, так и на Балканах в целом.

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В СЕРБИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕГИОН

Современная история взаимоотношений между Китаем и Балканами начинается с оформления экономической «Инициативы 17/14 + 1» – стратегия взаимовыгодного сотрудничества Китая со странами Центральной, Восточной и Южной Европы. Несмотря на противоречивую оценку влияния Инициативы на государства ЦВЕ, китайское присутствие на Балканах с годами становится ощутимее. Одним из локомотивов китайских интересов в регионе сегодня является Сербия.

КНР в качестве основного инструмента развития взаимоотношений с Сербией выбрала проекты экономически выгодные, прежде всего, для Белграда¹. Согласно данным исследовательского агентства BIRN за 2013–2021 годы, общая сумма китайских инвестиций в экономику стран Западных Балкан и Греции составила 32,2 млрд евро², 60 % которых приходятся на долю сербской экономики.

Таблица 1

Страна	Количество проектов	Сумма инвестиций (млрд евро)
Сербия	61	18,8
Босния и Герцеговина	29	5,3
Греция	14	4,4
Черногория	9	2,5
Македония	15	0,7
Албания	8	0,7

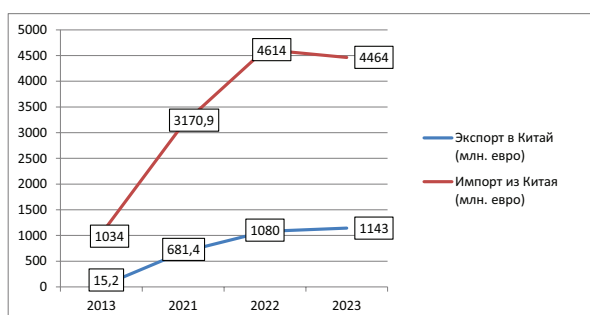
¹В 2016 году китайская HeSteel Group купила за 42 миллиона евро убыточный сталелитейный завод в Смедерево. Китайская компания обязалась также инвестировать в проект 300 миллионов евро, благодаря чему были сохранены рабочие места, что в условиях высокой безработицы улучшило имидж Пекина среди населения Сербии.

²China in the Balkans. URL: <https://china.balkaninsight.com/>.

Белград является наиболее привлекательным партнером Пекина на Балканах благодаря своему географическому и политическому положению. Сербия не является членом Европейского союза, что в некоторой степени облегчает возможность входа на ее внутренний рынок китайских товаров и услуг. Кроме того, сербская экономика наиболее сильная среди стран бывшей Югославии. На территории республики сосредоточены крупные промышленные предприятия, а беспошлинный режим торговли с ЕС, Турцией, EFTA и CEFTA, позволяет выходить на рынок, где общая сумма потребителей приблизительно равна 850 млн.

Благодаря развивающемуся партнерству между странами, растет внешнеторговый оборот. Если в 2013 году он составлял 1,05 млрд евро, то спустя 10 лет он вырос в пять раз, а доля сербского экспорта в Китай увеличилась в 76 раз.

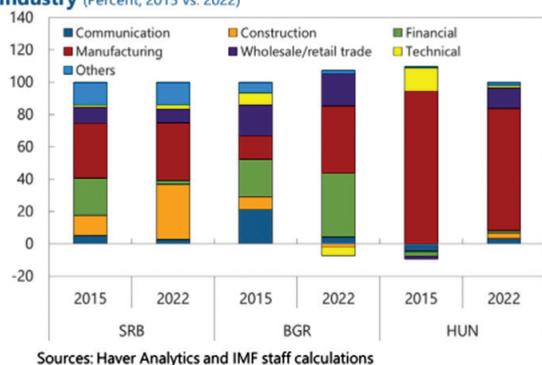
Таблица 2

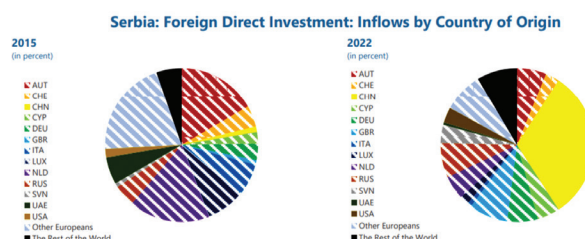
Согласно данным Международного валютного фонда, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в сербскую экономику направлены в основном на промышленность и инфраструктуру. Наиболее наглядно динамику прямых китайских инвестиций в экономику Сербии можно отметить на диаграмме, приведенной ниже. Эксперты отмечают, что на сегодняшний день Сербия демонстрирует стабильные макроэкономические показатели, благодаря которым страна становится привлекательной для ПИИ.

Таблица 3

Serbia: Foreign Direct Investment, Inflows by Industry (Percent; 2015 vs. 2022)

Sources: Haver Analytics and IMF staff calculations

Ключевыми преимуществами Сербии являются высокий уровень образования рабочей силы и относительно низкая стоимость энергии. Наряду с этим ПИИ пользуются политической поддержкой на высшем уровне, что также играет важную роль в привлечении крупных притоков китайских инвестиций. Сербские власти предлагают многочисленные льготы инвесторам из КНР, включая денежные гранты, субсидии на землю под строительство, 10-летние каникулы по налогу на прибыль корпораций и льготы по налогу на заработную плату. «Слабой» стороной инвестирования в сербскую экономику эксперты МВФ называют непрозрачную налоговую ставку, коррупцию и сложную бюрократическую систему. Однако подобные минусы положительно влияют именно на сербско-китайское сотрудничество. Негативные факторы «отсекают» ПИИ из Европы, в то время как китайские инвесторы пользуются этими недостатками для общей выгоды. В свою очередь, Пекин демонстрирует активную стратегию расширения в Сербии, которая заключается в предоставлении дешевых кредитов. Сербские компании в таком случае имеют агрессивную структуру капитала, благодаря чему обороты растут большими темпами¹.

Простота получения средств стала важной движущей силой выбора Пекина в качестве основного иностранного инвестора Сербии. Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве установило упрощенный процесс реализации проекта в обход обычных процедур due diligence. Согласно данным, на сегодняшний день долг Сербии Китаю составляет 3,5 млрд евро (12 % ВВП), и в соответствие с тенденцией к расширению сотрудничества стран можно предположить, что сумма долга будет постепенно расти. В начале 2020-х годов Белград обозначил расширение сфер сотрудничества с Пекином в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики. В октябре 2023 года делегация правительства Сербии подписала с китайскими коллегами целый ряд соглашений в области экономики, культуры и финансов. Кульминацией встречи стало заключение Соглашения

¹Republic of Serbia // International Monetary Fund. Country Report No. 2023/243/ 2024, March 4. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/06/30/Republic-of-Serbia-2023-Article-IV-Consultation-First-Review-Under-the-Stand-By-Arrangement-535483>.

о свободной торговле, которое снижает или отменяет таможенные сборы. Поэтому Соглашение позитивно отразится на взаимном торговом балансе.¹

Инвестиции и кредиты открыли Пекину возможность распространять «мягкую силу» в Сербии. Основными каналами публичной дипломатии КНР являются образовательные программы, СМИ и туризм. Одним из ключевых проводников китайской «мягкой силы» является Институт Конфуция в Белграде и Нови-Саде. Сотрудники института проводят культурные мероприятия, гостями которых становятся члены правительства и представители крупного бизнеса. Кроме того, в 60 государственных школах страны осуществляется преподавание китайского языка; открываются языковые курсы, слушателям которых предоставляются стипендии, финансируемые Коммунистической партией Китая. Главным мотивом обучения в Китае для сербской молодежи, помимо престижа высшего образования КНР, является возможность получить работу на одном из совместных проектов внутри страны. На сегодняшний день Пекин предоставляет гранты для обучения в 300 вузах на более чем 1000 программ.

Наряду с образовательными программами Китай умело использует СМИ в качестве инструмента продвижения национального имиджа. Китайские медиа-холдинги отказались от грубой пропаганды в пользу мягкого продвижения собственной точки зрения. Многие подконтрольные Пекину интернет-издания предпочитают давать о Китае объективную информацию, пропущенную через самоцензуру. Благодаря этому образ КНР в государственных и проправительственных СМИ Сербии складывается преимущественно позитивный, а китайские новостные источники пользуются авторитетом.

Туризм стал одной из самых быстроразвивающихся сфер сотрудничества между странами. С 2017 года между Белградом и Пекином было заключено соглашение о безвизовом режиме, положившее начало большому притоку китайских туристов в Сербию. Согласно статистическим данным, в 2019 году количество путешественников из КНР составило более 100 тысяч человек, что в 30 раз больше по сравнению с 2012 годом. Несмотря на то, что в результате пандемии COVID-19 туристический сектор испытал серьезный кризис, данные за 2023 год показали, что количество туристов из Китая вернулось к доковидным значениям².

¹Potpisan Sporazum o slobodnoj trgovini sa Narodnom Republikom Kinom. URL: <https://www.paragraf.rs/dnevne-vesti/191023/191023-vest8.html>.

²The number of Chinese tourists in Serbia increased by as much as 230 percent. URL: <https://serbia-business.eu/the-number-of-chinese-tourists-in-serbia-increased-by-as-much-as-230-percent/>.

Одним из важных элементов «умной силы» КНР стала «масочная» дипломатия во время COVID-19. На фоне отказа Брюсселя предоставить помощь Белграду в борьбе с пандемией Пекин направил в Сербию более полутора миллионов вакцин Sinopharm, благодаря чему позитивный образ КНР упрочился, а сербско-китайские отношения вышли на новый уровень [Моуриц, 2020].

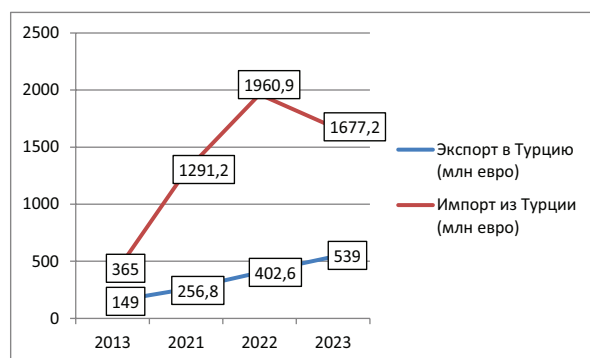
В качестве иллюстрации отношения жителей Сербии к Китаю стоит привести результаты социологического опроса, проведенного Белградским центром политики безопасности (BCSP) в 2020 году. Согласно результатам опроса, 87 % респондентов положительно оценили сотрудничество Пекина и Белграда, в то время как в 2005 году на этот вопрос подобный ответ дали лишь 3 %. Другим примером, демонстрирующим растущее значение Китая в стране, может являться критика Евросоюзом китайских инвестиций в Сербию. Европейский парламент неоднократно призывал Белград приводить регламент взаимодействия с компаниями из КНР в соответствие с национальным законодательством и политикой ЕС в сфере экологии. Такая «ревность» обусловлена тем, что Китай становится соперником ЕС, продвигающим альтернативные формы управления в регионе.

Динамика развития сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Сербией является примером того, как экономические инвестиции и участие иностранного бизнеса могут стать фундаментом для сближения двух стран с разным историческим и культурным фоном. Сербия рассматривает Китай в качестве важнейшего торгового и политического партнера. Сегодня покровительство Пекина позволяет Белграду иметь гибкий внешнеполитический курс в регионе и за его пределами. Взаимное признание суверенитета на спорных территориях (Косово и Тайвань) только способствует укреплению этого диалога. Сербия с 2012 года является официальным кандидатом в члены Евросоюза. Однако ряд серьезных разногласий, одним из которых является позиция по косовскому вопросу, отдаляют перспективу Сербии войти в ЕС. Благодаря развитию торговых связей с КНР, диктат со стороны Брюсселя, как и его экономическое влияние на Сербию, постепенно ослабевают. С другой стороны, активизировалось политическое давление ЕС, которое выражается в эскалации обстановки на севере края Косово и Метохия.

«УМНАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В СЕРБИИ – ОСНОВА ВЗАИМОВЫГОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В последнее время торгово-экономическое партнерство занимает важное место в развитии отношений между Турцией и Сербией, о чем свидетельствуют публичные заявления политических элит обоих государств¹. На протяжении десяти лет торговый баланс стран демонстрирует положительную динамику, увеличиваясь с каждым годом. В отличие от китайского сценария, где инвестиции и экономические связи стали фундаментом «умной силы» Пекина, Турция демонстрирует обратную модель – институты публичной дипломатии за годы своей деятельности стали мостом между турецким и сербским бизнесом.

Таблица 4

На протяжении многих лет администрация Эрдогана проводила гибкую гуманитарную и культурную политику по отношению к Белграду. Система инструментов «умной силы» Турции в Сербии представляет собой сложную структуру организаций, деятельность которых спонсируется правительством и Администрацией Президента ТР. Учитывая незначительный процент мусульманского и турецкого меньшинств в Сербии, основным направлением публичной дипломатии является популяризация турецкой культуры и языка среди населения страны. Особое внимание уделяется образовательным программам и стажировкам, курируемым УТВ (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı), Институтом Юнуса Эмре и TİKA (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı). Благодаря активной деятельности турецких органов публичной дипломатии образ Турции в глазах сербов значительно улучшился, что впоследствии открыло новые возможности для наращивания потенциала

¹Minister Dacic in talks with the Turkish Foreign Minister on the margins of the Antalya Diplomacy Forum. URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/press-service/statements/minister-dacic-talks-turkish-foreign-minister-margins-antalya-diplomacy-forum>.

взаимовыгодных экономических связей. Частные турецкие компании стали исполнителям гуманитарных проектов в Сербии, занимая место посредника между политическими центрами. [Москальчук, 2023].

Заложив базу для позитивного климата в отношениях между странами, Анкара со второй половины 2010-х годов начала активно осваивать внутренние рынки Сербии, делая торговлю неотъемлемым элементом турецкой публичной дипломатии [Yavuz, Duygulu Elcim, 2020]. Предлагая более дешевую альтернативу продукции из ЕС, Турция постепенно стала инвестировать в строительство, промышленность и инфраструктуру. Общий объем турецких инвестиций по данным за 2022 год превышает 300 млн долл. США, в то время как в 2012 году эти показатели были в 300 раз меньше². Соглашение о свободной торговле, подписанное в 2010 году и расширенное в 2019 году, определило множество льгот для ведения трансграничного бизнеса, что способствовало росту взаимного торгового баланса.

Все это говорит о том, что с развитием транснационального бизнеса и общих торгово-экономических интересов оттепель затронула и политические круги обеих стран. Правительства Турции и Сербии за последние несколько лет значительно увеличили интенсивность переговоров и встреч, что доказывает взаимный интерес Сербии и Турции друг к другу. С нарушением логистических цепочек во всем мире на фоне COVID-19 и санкций в отношении Российской Федерации после начала СВО Турция с новой силой продолжила наращивать темпы и объемы торговли с Сербией. В сентябре 2022 года во время официального визита Р. Т. Эрдогана и делегации правительства ТР в Серию стороны подписали ряд дополнительных соглашений и договоров, направленных на укрепление гуманитарного и торгового сотрудничества³.

Не менее важным аспектом двусторонних отношений выступает энергетическая дипломатия. Анкара рассматривает Белград важным партнером в вопросе транзита газа в Европу через вспомогательную ветку «Турецкого потока» – «Балканский поток». Выполняя роль посредника между Россией, Азией и Европой, Анкара стремится сосредоточить на подконтрольных ей территориях максимальное количество трубопроводов и НПЗ. Энергетическая инфраструктура, расположенная на Балканах,

²Türkiye, Serbia taking firm steps to expand bilateral trade to \$5B. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkiye-serbia-taking-firm-steps-to-expand-bilateral-trade-to-5b/2615592>.

³Лазович М. Возвращение Турции на Балканы. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-turtsii-na-balkany/>

в частности в Сербии, позволяет Турции транспортировать газ в страны Евросоюза с минимальными затратами. Белград в свою очередь заинтересован в привлечении турецких инвестиций в сектор¹. Кроме того, Турция выступает одним из инициаторов развития «зеленой» энергетики в Сербии, занимая лакуну, освобожденную ЕС. Турецкий производитель возобновляемых источников энергии Fortis Energy запустил масштабный проект по созданию экологически чистых источников энергии в четырех странах Балкан, одна из которых – Сербия. В феврале 2024 года Fortis Energy открыл первую электростанцию в Воеводине, мощность которой составляет 3 МВт в год². Учитывая дороговизну проектов и высокие риски, стремление обеих стран выстроить взаимовыгодное сотрудничество в энергетическом секторе является очередной иллюстрацией степени сближения Анкары и Белграда. Основными участниками энергетической дипломатии выступают крупные корпорации и компании, аффилированные с правительственными структурами (Нафтна индустрија Србије и BOTAŠ).

Реализация крупных проектов и инициатив нуждается в довольно прочном фундаменте двустороннего сотрудничества. Однако в турецко-сербских отношениях всё еще сохраняются «красные линии». Несмотря на позитивную динамику экономического и гуманитарного сотрудничества, между странами до сих пор возникают моменты напряженности, связанные с Косово. С одной стороны, Анкара позиционирует себя в качестве миротворца в решении «косовского вопроса», декларируя свой нейтралитет и пытаясь находить компромисс с обеими сторонами конфликта. С другой стороны, администрация Эрдогана последовательно выступает на стороне сепаратистов, и поддерживает Приштину, в то время как Сербия считает это нарушением суверенитета³.

Турецко-сербское сотрудничество на современном этапе демонстрирует пример того, как «умная сила» становится основой для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества. Анкара сделала публичную дипломатию главным инструментом для продвижения собственных интересов на Балканах, ярким примером

чего является ее сотрудничество с Белградом. Еще в начале XXI века риторика обеих стран по отношению друг к другу была радикальной, но по прошествии 20 лет Республика Сербия и Турецкая Республика видят большие перспективы в двустороннем партнерстве [Bülent, 2022].

Гуманитарное сотрудничество открыло сербские рынки для турецкого бизнеса, благодаря чему взаимный торговый оборот вырос в несколько раз. Турецкие компании стали чаще инвестировать в сербскую экономику, тем самым делая Турцию одним из важнейших партнеров Сербии. Ценность Анкары заключается еще и в том, что Белград имеет возможность диверсифицировать экономические связи и снизить влияние Европейского союза на внутреннюю политику. Власти Сербии получили возможность для совершения политических маневров, не боясь тотальных санкций со стороны Запада, парализующих национальную экономику, что имело место на рубеже 1990–2000-х годов.

Потенциал турецко-сербского сотрудничества находится не только в плоскости торгово-экономических выгод. Обе страны видят друг в друге инструмент достижения внешнеполитических выгод, общей из которых является стабильное развитие региона. Между тем, несмотря на положительную динамику, в отношениях между Анкарой и Белградом существует проблема, препятствующая более глубокому сотрудничеству – «косовский вопрос». Радикально противоположные взгляды обеих стран на существование непризнанной республики Косово являются чуть ли не единственным барьером на пути к расширению сфер сотрудничества. Однако обе стороны готовы продолжать диалог, направленный на взаимное упрочнение в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнивая китайскую и турецкую стратегии «умной силы» в Сербии, можно прийти к следующим выводам.

Балканы с традиционной нестабильной политической ситуацией, сегодня являются одним из объектов внешней политики КНР. Китайская стратегия «умной силы» в Сербии во многом основывается на выгодных кредитных условиях и проектах, привлекающих для страны-реципиента. Такой подход не требует больших затрат с принимающей стороны и гарантирует высокую доходность. Между тем, расширяя сферу и степень партнерства в регионе с нестабильной политической ситуацией, Пекин постепенно переходит от использования только экономических инструментов, усложняя и расширяя инструментарий внешнеполитического влияния. Развитие гуманитарной и публичной дипломатии

¹Azerbaycan-Sirbistan Enerji Anlaşması // Ankasam. 2023, November 20. URL: https://www.ankasam.org/azerbaycan-sirbistan-enerji-anlas-masi/?lang=ru#_edn1

²Turkey's Fortis Energy launches 3 MW biogas plant in Serbia // SeeNews. 2024, February 12. URL: <https://seenews.com/news/turkeys-fortis-energy-launches-3-mw-biogas-plant-in-serbia-848304>

³Türkiye'nin denge siyaseti; Kosova'da Sırların hakkının korunması // dikgazete.com/ 2023, August 11. URL: <https://www.dikgazete.com/yazi/turkiye-nin-denge-siyaseti-kosova-da-sirlarin-hakkinin-korunmasi-5947.html>

позволило Китаю достичь сближения с сербской политической элитой Сербии в короткие сроки, благодаря чему Пекин получает более выгодные условия ведения бизнеса и имеет возможность продвигать более дорогостоящие и высокорисковые проекты с наименьшими затратами.

Турецкая стратегия «умной силы» в большей степени отличается от китайского подхода. Апеллируя к общему историческому прошлому, Анкара использовала публичную дипломатию в качестве платформы для сближения с Белградом. С расширением сфер гуманитарного сотрудничества турецкий бизнес стал активнее проникать в Сербию. Прежде всего, это касалось строительного сектора, который был наиболее вовлечен в гуманитарные проекты. Вместе с этим, торговый оборот обеих стран постепенно рос и до сих пор демонстрирует позитивную динамику. Расширение сфер сотрудничества стало поводом к сближению политических кругов Белграда и Анкары. Обе стороны, несмотря на имеющиеся разногласия, рассматривают друг друга в качестве партнеров по стабилизации региона и разрешению конфликтов, которые до сих пор имеют место на Западных Балканах.

Несмотря на концептуальные различия, китайская и турецкая стратегия «умной силы»

во многом преследуют общие цели, главной из которых является продвижение национальных интересов на Балканах. Сербия, являясь наиболее стабильным и выгодным партнером КНР и Турции на Западных Балканах, получает не только экономические, но и политические преференции от сотрудничества с Пекином и Анкарой. На фоне растущей дестабилизации обстановки на севере Косова правительство Сербии ищет возможность политического маневра за счет партнеров «с Востока», стараясь снизить зависимость от Брюсселя и получить карт-бланш на проведение собственной внешней политики.

В контексте укрепления и развития региональных интересов Российской Федерации анализ китайской и турецкой стратегий «умной силы» представляет особый интерес. В условиях санкций российский инструментарий значительно ограничен, что побуждает искать новые формы и методы продвижения национального имиджа на Балканах. Между тем существующие торгово-экономические и политические связи между Москвой и Белградом, а также историческая близость народов России и Сербии являются прочным фундаментом для расширения и углубления российской «умной силы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Моуриц Ф. Последствия пандемии COVID-19 для китайской инициативы «Один пояс, один путь» // *Connections QJ*. 2020. Вып. 2 (19). С. 129–139.
2. Москальчук Д. А. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Турции на Балканах: на примере Сербии, Косово и Боснии и Герцеговины // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2023. Вып. 4 (853). С. 31–39.
3. Yavuz T., Duygulu Elcim Ş. Turkey's Soft Power and Public Diplomacy: The Case of Serbia Between 2002–2019. *Nitel Sosyal Bilimler*. 2020. No. 2(1). P. 74–89.
4. Bülent E. Use of Smart Power as an Instrument of Public Diplomacy // *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*. 2022. Vol. 1. P. 247–270.

REFERENCES:

1. Mouritz, F. (2020). Posledstviya pandemii COVID-19 dlya kitajskoj iniciativy «Odin poyas, odin put'» = Consequences of the COVID-19 pandemic for the Chinese “The Belt and Road Initiative”. *Connections QJ*. 19 (2), 129–139. (In Russ.)
2. Moskalchuk, D. A. (2023). «Myagkaya sila» kak instrument vneshej politiki Turcii na Balkanakh: na primere Serbii, Kosovo i Bosnii i Gercegoviny = “Soft power” as an instrument of Turkey's Foreign Policy in the Balkans: the case of Serbia, Kosovo and Bosnia and Herzegovina. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(853), 31–39. (In Russ.)
3. Yavuz, T., Duygulu Elcim, Ş. (2020). Turkey's Soft Power and Public Diplomacy: The Case of Serbia Between 2002–2019. *Nitel Sosyal Bilimler*, 2(1), 74–89.
4. Bülent, E. (2022). Use of Smart Power as an Instrument of Public Diplomacy // *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*, 1, 247–270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Москальчук Данила Александрович

аспирант кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Moskalchuk Danila Aleksandrovich

Postgraduate student, Department of International Humanitarian Relations,
School of International Relations, St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию	22.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.06.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.06.2024	accepted for publication

Специфика американо-израильских отношений в период администраций Д. Трампа и Дж. Байдена

Е. О. Савченко

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия
savchenko_eugene@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль Израиля в системе внешнеполитических приоритетов США на ближневосточном направлении и ее особенности. На основании данных по помощи США странам Ближнего Востока и общей характеристики текущей ситуации подчеркивается важность Израиля с точки зрения как текущего, так и перспективного военно-политического присутствия США на Ближнем Востоке. Отмечается заинтересованность и необходимость для США в продолжении оказания помощи Израилю, несмотря на ухудшение международного положения последнего вследствие войны против ХАМАС.

Ключевые слова: внешняя политика США, Ближний Восток, Израиль, Джо Байден, Дональд Трамп

Для цитирования: Савченко Е. О. Специфика американо-израильских отношений на современном этапе развития мировой политической системы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 31–40.

Original article

The Key Features of US-Israel Relations at Current Stage of the World Political System

Evgenii O. Savchenko

Smolensk State University, Smolensk, Russia
savchenko_eugene@mail.ru

Abstract. The paper considers the role of Israel in a system of the US foreign policy priorities in the Middle East and identification of its features. Based on the data on the US assistance to the countries of the Middle East and general characteristics of current situation, the importance of Israel is substantiated from the point of view of both current and prospective US military and political presence in the Middle East. As a conclusion, the interest and the need for the United States to continue providing assistance to Israel are noted.

Keywords: US foreign policy, Middle East, Israel, Joe Biden, Donald Trump

For citation: Savchenko, E. O. (2024). The key features of US-Israel relations at current stage of the world political system. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 31–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Геополитические изменения 2022 года и события октября 2023 года на Ближнем Востоке привели к ускорению трансформации мировой политической системы, к которым можно отнести и снижение роли Ближнего Востока (в рамках Госдепартамента США данный регион обозначается как БВСА (Ближний Восток и Северная Африка)) во внешней политике Вашингтона (к ее проявлениям можно отнести сворачивание активности в Ираке, Сирии, а также ограниченная поддержка Израиля в войне против ХАМАС и т. п.).

Еще первая администрация Барака Обамы рассматривала вопрос существенного снижения присутствия на Ближнем Востоке, что, в частности, можно объяснить высокими затратами на кампании в Ираке и Афганистане и недостижением запланированных целей. Так, Нил Куиллиам из аналитического центра Chatam House отмечал, что «с момента президентства Б. Обамы США четко дали понять, что больше не хотят играть роль единственного внешнего поставщика безопасности» в регионе [Bazoobandi, 2020].

Отказ США от интервенции в Сирию в 2013 году и нежелание более активно вмешиваться в дела стран региона привели, по мнению Н. Куиллиама, к «вакууму власти», который был заполнен РФ и КНР [Bazoobandi, 2020]. Но вряд ли можно говорить о вакууме, поскольку присутствие США в регионе сохранялось (свидетельством чему, например, является создание международной коалиции против группировки «Исламское государство» («ИГ»¹)), хотя имела место его переконфигурация. Как показывают данные по выделяемой помощи, речь, в частности, идет о росте роли Иордании и снижении роли Египта, а отношения с Израилем сохранили приоритетный характер – и продолжают сохранять таковой, даже несмотря на то, что Израиль, по сути, отказался следовать мирным инициативам Вашингтона.

Но «арабская весна», обострение ситуации в Ираке в начале 2010-х годов, Сирии и ряде других стран региона воспрепятствовали снижению присутствия США в БВСА, а Д. Трамп после своего прихода к власти попытался наладить отношения с традиционными союзниками США (в том числе и с Израилем, который предыдущая администрация публично критиковала по ряду вопросов) и в то же время, следуя курсу предшественника, ограничить военные обязательства (примером можно назвать снижение активности вокруг Сирии). Соответственно, цель данного исследования заключается в рассмотрении специфики американо-израильских

отношений в период правления Д. Трампа и Дж. Байдена. Исследование основано, прежде всего, на следующем материале – статданных Агентства США по международному развитию (USAID), докладах Службы исследований Конгресса США (CRS) и ином фактологическом материале. Применяются методы изучения и анализа документов (сбор информации с помощью документальных источников), измерения и анализа количественных данных (для обработки показателей и выявления тенденций), сравнения.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОМОЩИ США ИЗРАИЛЮ В 2016–2024 ФИНАНСОВЫХ ГОДАХ

Приступая к рассмотрению помощи США Израилю следует отметить, что для внешней политики США в БВСА на текущем этапе Израиль важен в следующих аспектах:

1. Потивостояния с Ираном, который обладает значительным влиянием в регионе. Эксперт CRS Дж. Занотти признает, что в 2010-х годах премьер Израиля Беньямин Нетаньяху предпринимал попытки повлиять на правительство США с целью недопущения ядерной сделки и что последующие правительства Израиля также выступали против нее [Zanotti, 2023]. Перспективы возобновления действия данной сделки находятся под вопросом – в частности, в силу роста вероятности прихода в Белый дом Д. Трампа, который отказался от нее;
2. Обеспечения региональной безопасности, включая палестинскую проблему, отношения Израиля с арабскими странами и т. д. На данном направлении наблюдается рост нестабильности, вызванный нападением ХАМАС 7 октября 2023 года и последующим объявлением Израилем войны против ХАМАС. В значительной степени, достижения США по нормализации отношений между Израилем и арабскими странами оказались перечеркнутыми.

С целью укрепления отношений с союзниками в БВСА и купирования негативных тенденций, которые, по мнению администрации Д. Трампа, имели место в регионе в период администрации Б. Обамы, свой первый зарубежный визит на посту президента (конец мая 2017 года) Д. Трамп совершил на Ближний Восток, посетив в том числе и Израиль. Именно при нем в 2017 финансовом году произошел резкий рост помощи странам региона – более чем на 15 % превышающий показатели предшествующего периода (соответствующий закон был подписан

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

Таблица 1

ДИНАМИКА ПОМОЩИ США КЛЮЧЕВЫМ СОЮЗНИКАМ БВСА (2016–2024)
(в тек. ценах, обязательства млн долл. США)

Страна	2016 фин. г.	2017 фин. г.	2018 фин. г.	2019 фин. г.	2020 фин. г.	2021 фин. г.	2022 фин. г.	2023 фин. г.	2024 фин. г.
Египет	1259,80	1353,54	1413,67	1419,30	1430,50	1430,15	1430,30	1430,00	1430,00
Израиль	3116,00	3175,00	3100,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00
Иордания	1231,70	1319,83	1525,01	1524,99	1525,00	1650,00	1650,00	1450,00	1450,00
Др. страны	1683,10	3523,21	1269,87	1039,71	1076,50	1105,85	1065,70	1266,00	1266,00
Итого	7290,6	8392,32	7308,55	7284	7332	7486	7446	7446	7446

Примечание: данные по Иордании включают только следующие направления и программы: ESF, FMF, IMET, NADR. Данные по Израилю – только программу FMF; не включены обязательства США по выделению средств на программы противоракетной обороны в размере 500 млн долл. в год. Фактический размер помощи со стороны США может быть выше. Источник: Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request, Washington, 2021, p. 9. Источник данных за 2016 фин. г. – Foreignassistance.gov. Источник данных за 2022 фин. г. по первым трем странам – Consolidated Appropriations Act, 2022. Источник данных по первым трем странам за 2023 фин. г. – Consolidated Appropriations Act, 2023. Итоговый показатель за 2023 фин. г. и данные аз 2024 фин. г. являются прогнозными.

Таблица 2

ДИНАМИКА ПОМОЩИ США КЛЮЧЕВЫМ СОЮЗНИКАМ БВСА (2016–2024)
(в % от общего объема помощи по региону)

страна	2016 фин. г.	2017 фин. г.	2018 фин. г.	2019 фин. г.	2020 фин. г.	2021 фин. г.	2022 фин. г.	2023 фин. г.	2024 фин. г.
Египет	17,3%	16,1%	19,3%	19,5%	19,5%	19,1%	19,2%	19,2%	19,2%
Израиль	42,7%	37,8%	42,4%	45,3%	45,0%	44,1%	44,3%	44,3%	44,3%
Иордания	16,9%	15,7%	20,9%	20,9%	20,8%	22,0%	22,2%	19,5%	19,5%
Др. страны	23,1%	30,3%	17,4%	14,3%	14,7%	14,8%	14,3%	17,0%	17,0%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Примечание: таблица составлена на основе данных таблицы 1.

Д. Трампом 5 мая 2017 года, накануне визита) [Sharp, Humud, Collins, 2021]. Но уже в 2018 финансовом году произошло ее значительное сокращение (почти на 13 % по сравнению с предшествующим периодом) за счет других стран (и до сих пор размер помощи не восстановился до значения 2017 финансового года). Объемы помощи Израилю, Египту и Иордании сокращены не были, что указывает на сохранение их приоритета для внешней политики США в регионе (см. табл. 1, табл. 2).

Показатель помощи позволяет суммарно оценить значение той или иной страны для внешней политики США – можно говорить, что чем он выше, тем более важным и значимым является для США данное направление или страна.

В 2016–2024 финансовых годах рост помощи странам БВСА составил примерно 2,1 %, однако он был неоднородным. Если в 2017 финансовом году рост по сравнению с предшествующим периодом превысил 15 %, то после него, в 2018 финансовом году, наблюдалось резкое падение (порядка 13 %) с дальнейшей стабилизацией показателя на уровне \$7,28–7,45 млрд в год.

Отсутствие роста помощи после 2018 финансового года может указывать на снижение значимости БВСА (но не его отдельных стран). Учитывая текущую динамику развития ситуации и ранее подписанные документы о предоставлении помощи ряду стран региона, можно говорить о том, что в кратко- и среднесрочной перспективе размер

помощи БВСА со стороны США, как минимум, сохранится на текущем уровне с потенциалом снижения государствам, не входящим в первую тройку ее реципиентов.

Изменение структуры, оказываемой США помощи указывает на рост значения отдельных стран (в частности, Иордании). Что касается Израиля, то при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена среди получателей помощи в БВСА он сохранил первое место как в абсолютном, так и в относительном выражении. Размер помощи США Израилю составляет порядка \$3,3 млрд в год (не считая средств на развитие программ противоракетной обороны и иных выплат).

В 2023–2024 финансовых годах доля Израиля в общем объеме помощи странам БВСА незначительно выросла по сравнению с 2016 финансовым годом – на 1,6 % пункта (с 42,7 % до 44,3 %). Размер оказываемой ему помощи в номинальном выражении вырос в 2023–2024 финансовых годах на 6 % по сравнению с 2016 финансовым годом. Что касается других ведущих реципиентов помощи США в БВСА, то в 2018 финансовым году Египет опустился со второго на третье место, уступив Иордании. Данная ситуация сохраняется по состоянию на 2023–2024 финансовых годов.

Несмотря на публичную критику со стороны администрации Дж. Байдена, Израиль сохранил первое место по показателю помощи – он остается крупнейшим ее получателем со Второй Мировой войны [Sharp, 2023]. Это обусловлено историческими связями между странами и общими целями в регионе. Указанное свидетельствует, что США продолжают считать Израиль важным партнером на Ближнем Востоке [Бобкин, 2020], и вряд ли такая ситуация изменится после прихода новой администрации США. Следует отметить, что особенностью помощи США Израилю является предоставление только оружия. Экономическая помощь не предоставляется Израилю в связи с его экономической развитостью.

Несмотря на прохладные отношения администрации Б. Обамы с Израилем, именно последняя в сентябре 2016 года подписала новый 10-летний меморандум, в рамках которого произошло существенное увеличение выделяемой помощи (до \$3,8 млрд в год, на 26,6 % выше по сравнению с предыдущим аналогичным документом). Администрации Д. Трампа и Дж. Байдена сохранили его действие, не став обуславливать ее дальнейшее выделение, что говорит о преемственности курса.

Приход к власти в Израиле Б. Нетаньяху в конце 2022 года не привел к сокращению запланированного финансирования, несмотря на рост напряженности в двухсторонних отношениях. Наоборот,

война против ХАМАС привела к его внеплановому увеличению (оно проходит по разным статьям, поэтому подсчитать общий объем затруднительно. По сообщению Reuters от 30 марта 2024 года, США согласовали Израилю новые поставки бомб и военных самолетов общим объемом в несколько миллиардов долларов).

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ ИЗРАИЛЯ

Юридической основой политики администрации Дж. Байдена в отношениях с Израилем можно назвать следующие документы:

1. 10-летний меморандум о выделении помощи со сроком действия до 2028 финансового года (что является исключением для США – обычно такого рода документы подписываются на 3 года. Данный документ не является юридически обязывающим и, следовательно, не требует ратификации Сената США. Как правило, размер одобряемой Конгрессом США Израилю помощи в рамках ежегодного бюджета соответствует установленному в меморандуме размеру). Он предполагает ежегодное выделение \$3,3 млрд по Программе оказания финансовой военной помощи зарубежным государствам (Foreign Military Financing, FMF), а также дополнительно \$500 млн на совместные ракетные программы. Он также предусматривает и выделение дофинансирования¹. Вместе с тем, Израиль лишился права расходовать 26 % направляемой США помощи на приобретение собственной оборонной продукции.
2. Закон об иностранной помощи от 1961 года (Foreign Assistance Act).
3. Закон о контроле над экспортом вооружений от 1976 года (Arms Export Control Act, AECA), предусматривающий, что продажа систем вооружений странам Ближнего Востока не окажет негативного влияния на качественное военное преимущество Израиля.
4. Закон о передаче военно-морских судов от 2008 года (Naval Vessel Transfer Act of 2008) – в него были включены положения о том, что Израиль должен обладать «качественным военным преимуществом» (QME).
5. Закон о стратегическом партнерстве между США и Израилем от 2014 года (U.S.–Israel Strategic Partnership Act).

¹Так, в марте 2022 года Конгресс США дополнительно выделил \$1 млрд до конца 2024 финансового года на развитие противоракетной системы «Железный купол» [Sharp, 2023].

6. Закон о нормализации отношений между Израилем и арабскими странами от 2022 года (Israel Relations Normalization Act), принятый после подписания «Соглашений Авраама». Он требует от Госдепартамента США принятия мер по нормализации отношений между Израилем и арабскими странами;
7. бюджет США (Consolidation Appropriations Act), устанавливающий ежегодные объемы помощи Израилю (как в рамках вышеуказанного меморандума, так и вне его) [Consolidated Appropriations Act, 2023].

При этом исследователь Н. Бобкин отмечает, что Израиль никогда «не становился официальной частью системы военных альянсов, таких как НАТО, а также возглавляемой США коалиции международных сил в Ираке и Афганистане. У США и Израиля нет договора или соглашения о взаимной обороне, которые бы обеспечивали официальные гарантии безопасности или определяли характер и размеры военного и военно-технического сотрудничества» [Бобкин, 2020, с. 7].

Эксперт указывает, что «если у администрации США будет политическая воля, прямая военная помощь в любом конфликте или войне Израиля может быть оказана даже без существования официального договора об обороне» [Бобкин, 2020, с. 16]. Это, собственно, и произошло после нападения ХАМАС в октябре 2023 года, когда США направили в районе Израиля военные корабли и самолеты, а также начали поставлять военную технику и боеприпасы.

Следует добавить, что с сентября 2021 года Израиль (согласно ранее принятому решению президента Д. Трампа) официально вошел в зону ответственности Центрального командования США (CENTCOM) с целью повышения взаимодействия в военной сфере. С тех пор представители Израиля принимали участие в ряде военных учений с арабскими странами – партнерами по CENTCOM, включая Саудовскую Аравию и др.

Проследивая динамику американо-израильских отношений за последние примерно 10 лет, можно отметить их потепление после прихода к власти администрации Д. Трампа, которая предприняла ряд дружественных шагов. Так, США вышли из ядерной сделки с Ираном, признали Иерусалим столицей Израиля и перевели туда посольство, снизили финансирование палестинцев, поддержали практику расширения израильских поселений и т. д.

Кроме того, при посредничестве США в 2020 году были подписаны т. н. «Соглашения Авраама» о нормализации отношений между Израилем

и ОАЭ, к которым впоследствии присоединились и другие страны БВСА. Исследователь М. Сингх полагает, что такой шаг может привести к трансформации Ближнего Востока [Singh, 2022]. Однако, учитывая динамику событий в регионе и позицию нового правительства Израиля в отношении расширения поселений и палестинцев, дальнейшее расширение «Соглашений Авраама» как в количественном, так и качественном аспекте следует признать маловероятным, несмотря на соответствующую риторику Госдепартамента США и принятые законодательные акты.

В качестве косвенного индикатора резкого изменения тенденции следует указать на решение нижней палаты парламента Омана в конце 2022 года расширить бойкот Израиля в связи с политикой кабинета Б. Нетаньяху касательно Палестины. После начала войны Израиля против ХАМАС отношения между Израилем и странами региона ухудшились, и данная тенденция сохранится как в кратко-, так и долгосрочной перспективе.

При администрации Дж. Байдена, несмотря на традиционное охлаждение отношений между Израилем и США в период демократических администраций последнего времени и усиление публичной критики израильского правительства, результаты заложенного Д. Трампом курса были, с одной стороны, сохранены. Но, с другой, был увеличен размер оказываемой палестинской стороне помощи, при этом более серьезные шаги на данном направлении реализованы не были.

Администрация Дж. Байдена подтвердила приверженность к соблюдению «Соглашений Авраама», а также продолжила прилагать усилия по нормализации отношений между Израилем и странами региона (в октябре 2022 года между Израилем и Ливаном было достигнуто соглашение по морским границам), однако приоритет Израиля с точки зрения внешней политики США снизился.

Краткое рассмотрение первой внешнеполитической речи Дж. Байдена от 4 февраля 2021 года показывает, что новую администрацию беспокоили другие вопросы – так, президент заявил, что «руководство США должно противостоять этому новому импульсу продвижения авторитаризма, включая растущие амбиции Китая выступать соперником Соединенных Штатов и решимость России нанести ущерб нашей демократии и подорвать ее» [Remarks by President Biden on America's Place in the World, 2021]. Как отмечает И. В. Шумилина, «в первые месяцы пребывания в Белом доме администрации Джо Байдена ближневосточная проблематика не была обозначена в качестве приоритета ее внешней политики» [Шумилина, 2021, с. 24].

Однако постепенно роль БВСА и Израиля во внешнеполитической повестке США восстанавливалась. Так, в марте 2022 года Конгресс США принял Закон о нормализации отношений с Израилем с целью нормализации отношений между Израилем и арабскими странами. Он требует от госсекретаря США ежегодно представлять на утверждение стратегию укрепления отношений между Израилем и ними, «Соглашений Авраама», а также годовой отчет с указанием того, какие страны Лиги Арабских государств (ЛАГ) с юридической или практической точки зрения ограничивают отношения с Израилем и не стремятся к их нормализации. Следует отметить, что наблюдаемое примерно с середины 2022 года усиление негативных тенденций в регионе не позволяет говорить о потенциале достижения поставленных в его рамках целей.

Важным дипломатическим событием стал саммит в пустыне Негев в марте 2022 года с участием госсекретаря США Энтони Блинкена и представителей арабских стран, которые обсудили ряд вопросов и возможных направлений сотрудничества, включая обмен разведданных в режиме реального времени и приобретение израильских систем ПВО [Zanotti, 2023].

В июле 2022 года состоялся визит Дж. Байдена в Израиль, по итогам которого была подписана совместная Иерусалимская декларация, предусматривающая обязательство США никогда не позволить Ирану получить ядерное оружие. Также в июле 2022 года между США и Израилем был запущен Стратегический диалог высокого уровня по технологическим вопросам.

Однако война Израиля против ХАМАС в значительной степени перечеркнула указанные достижения и привела к охлаждению отношений как между США и Израилем, так и между Израилем и остальным миром. США и Израиль оказались все более изолированными на мировой арене на фоне растущих призывов к прекращению огня. Однако власти Израиля отвергли предложенный США мирный план, что усилило раскол между странами, а многие международные организации осудили Белый дом за поддержку Израиля. Более того, война Израиля против ХАМАС привела и к расколу общественного мнения США и к усилению поляризации страны.

Дело дошло до того, что по данным «Коммерсанта» от 8 мая 2024 года со ссылкой на New York Times, «Вашингтон приостановил поставки Израилю боеприпасов и критикует планы вторжения в Рафах», а «США отказались поставить Израилю 3,5 тыс. боеприпасов, включая тяжелые бомбы». По состоянию на июль 2024 года ситуация обострилась еще больше, поскольку ЦАХАЛ готовится к наступлению

на позиции группировки «Хезболла» в Ливане, что будет означать эскалацию конфликта.

Подытоживая сказанное, можно выделить следующие основные отличия политики администрации Дж. Байдена от администрации Д. Трампа в отношении Израиля. Во-первых, она предприняла попытку вернуться к ядерной сделке с Ираном, что получило негативную оценку со стороны руководства Израиля. Во-вторых, она активизировала помощь и поддержку палестинцев, возобновив выделение финансовой помощи, уровень которой существенно снизился при Д. Трампе. Между тем, «Аль-Джазира» отмечает, что Дж. Байден не выполнил обещания палестинцам и что его позиция в отношении Палестины ближе к позиции Д. Трампа, нежели Б. Обамы (*Aljazeera*, 12.07.2022). В-третьих, попытки Дж. Байдена заставить Израиль прекратить боевые действия и принять мирный план Белого дома успехом не увенчались. С одной стороны, США не могут отказаться от поддержки Израиля, но с другой – не могут прекратить ее, в то же время предприняв определенные шаги по ее ограничению. То есть давление Вашингтона не приносит результата, что можно рассматривать как один из факторов, еще больше подрывающих глобальные позиции США и обуславливающих снижение их внешнеполитического присутствия как в глобальном масштабе, так и в регионе БВСА. Решением данной проблемы придется заниматься новой администрации США. В текущей ситуации вряд ли поиск решения будет быстрым и вряд ли оно будет даже относительно приемлемым для Белого дома.

При этом следует обратить внимание на потенциал улучшения двухсторонних отношений после смены администрации в США в ноябре 2024 года и после ухода с поста премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху. Последнее может способствовать смягчению позиций новых израильских властей по ряду вопросов, включая конфликт против ХАМАС, и поиску решений по нормализации проблемы.

Что касается специальной военной операции (СВО) на Украине, то влияние США на Израиль оказалось ограниченным, что говорит об определенном уровне субъектности последнего в рамках системы международных отношений. Так, руководству США не удалось убедить Израиль присоединиться к антироссийским санкциям и поставить на Украину различного рода системы вооружений. В то же время власти Израиля публично осудили СВО и оказали Киеву гуманитарную помощь.

В рамках американо-израильских отношений немаловажен т. н. «китайский фактор». Несмотря на имеющее место ухудшение отношений между

СДЕЛКИ США ПО ПОСТАВКАМ ОСНОВНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЙ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ ИЗРАИЛЮ

Наименование	Кол-во	Ведущий подрядчик	Оценочная стоимость, млрд долл.	Примерные сроки начала поставок
вертолеты CH-53K с доп. оборудованием	18	Lockheed Martin	3,4	2025–2026 гг.
авиационное и дизельное топливо	Н. д.	данные отсутствуют	3	данные отсутствуют
топливозаправщики KC-46A	8	Boeing	2,4	2024 г.
силовые установки для БТР Namer и сопутствующее оборудование	240	MTU America	0,238	данные отсутствуют
корабельные артиллерийские установки 76 мм (+ техобслуживание)	13	DRS North America	0,44	данные отсутствуют

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Washington, 2022. P. 19.

КНР и США, пока вряд ли можно говорить о его существенном влиянии на связи между Израилем и США, хотя определенные ограничения в отношении израильского сотрудничества с Китаем имеют место.

Отдельно следует отметить усилия администрации Дж. Байдена по укреплению военной мощи Израиля, поскольку военная сфера является основным направлением двухстороннего сотрудничества (как указывалось ранее, помощь США Израилю носит военный характер). Так, в рамках FMF Белый дом активно продает ему (в отличие от других стран) современные системы вооружений – в частности, истребители F-35 (на 2022 год с частичным финансированием от США приобретено 50 таких машин), вертолеты CH-53K, топливозаправщики KC-46A, высокоточное оружие и т. д. (см. табл. 3) [Sharp, 2023, с. 19]. Годовой размер выделяемой в рамках FMF помощи составляет примерно 16,5 % военного бюджета Израиля [Sharp, 2023, с. 14].

Помимо FMF продажа вооружения Израилю осуществляется и в рамках Программы прямых коммерческих продаж (DCS). Согласно представленным Госдепартаментом США данным, в 2015–2019 годах объем таких продаж составил \$4,9 млрд, а в приоритете были поставки газотурбинных двигателей, авиатехники и наземной техники [U.S. Security Cooperation with Israel, 2021].

Эксперт CRS Дж. Шарм отмечает высокую роль США в создании современных израильских ВС и ВПК, благодаря которым Израиль входит в число ведущих мировых экспортеров вооружений (экспортируя в том числе и в США), а по многим

направлениям он стал лидером [Sharp, 2023, с. 2], что резко контрастирует с отношениями Белого дома в военной сфере с другими странами, которым США оказывают помощь.

Администрация Дж. Байдена продолжает поддерживать военное преимущество Израиля следующими способами [Sharp, 2023]:

1. Израиль первым среди стран БВСА получает доступ к военным технологиям / продуктам США или к их модернизированным версиям (F-35);
2. выставлением условий использования вооружений и военной техники при ее продаже арабским странам;
3. при продаже арабской стране (конкуренту Израиля) крупных систем вооружений и военной техники США передавали Израилю «компенсирующие» системы вооружений¹;
4. разрешением на использование Израилем в случае конфликта хранимых на его территории военных резервов США.
5. Военное сотрудничество США и Израиля включает следующие опции:
6. продажи современных и перспективных систем вооружений (в том числе F-35);
7. сотрудничество в сфере безопасности и военную помощь (в том числе обмен разведывательной информацией, что, в частности, имело место в войне Израиля против ХАМАС);

¹Так, в 2010 году администрация Б. Обамы согласовала продажу Израилю 20 дополнительных истребителей F-35 после продажи Саудовской Аравии истребителей F-15.

8. совместные НИОКР в сфере разработки вооружений (F-35, противоракетные системы Arrow II, Arrow III);
9. участие Израиля в организуемых США военных учениях и обменах.

Помимо военного следует отметить также и торгово-экономическое сотрудничество. США на протяжении длительного времени являются крупнейшим торговым партнером Израиля (2-е место у Китая с существенным отставанием по экспорту и импорту – с долей в общем объеме в 9 и 11 % за 2020 год соответственно) [Zanotti, 2022]. В 2020 году доля США в израильском экспорте составила 26 %, в импорте – 12 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на публичную критику текущей американской администрации и на тенденцию к снижению роли Ближнего Востока для Вашингтона, отношения с Израилем на контрастном фоне других стран остаются для США приоритетными. Учитывая текущую ситуацию, высока вероятность трансформации данных отношений, однако ее параметры будут более четко определены после смены власти

США и ухода премьер-министра Беньямина Нетаньяху. Очевидно, что элиты обеих стран объективно заинтересованы в продолжении сотрудничества.

Спецификой оказываемой США помощи Израилю при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена является оказание военной помощи безусловного характера и тесное сотрудничество между ВПК обеих стран. При Д. Трампе двухсторонние отношения получили значительный импульс, а финансирование по программе FMF было увеличено с 3,1 до 3,3 млрд долл. США. В целом при администрации Дж. Байдена не произошло значительных корректировок данного курса, что говорит о преемственности. А ее публичная критика не оказывает на настоящем этапе влияния на двухстороннее сотрудничество, хотя и в Вашингтоне в последнее время регулярно дают понять, что недовольны политикой Беньямина Нетаньяху.

Вашингтон сохраняет заинтересованность в поддержке Израиля, поскольку это необходимо для позиций Белого дома в регионе. В случае победы Республиканской партии США на президентских выборах 2024 года можно ожидать усиления двухстороннего сотрудничества (прежде всего, в военной сфере) и увеличения помощи Израилю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bazoobandi S. (Ed.). The New Regional Order in the Middle East. Palgrave Macmillan Cham, 2020. P. 93–118.
2. Zanotti J. Israel: Background and U.S. Relations in Brief // FAS. 2023, February 9. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R44245.pdf>.
3. Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request // FAS. 2021, September 7. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf>.
4. Sharp J. U. S. Foreign Aid to Israel // FAS. 2023, March 1. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33222.pdf>.
5. Zanotti J. Israel: Background and U. S. Relations // FAS. 2022, July 1. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33476.pdf>.
6. Бобкин Н. Н. Американо-израильские отношения: состояние и перспективы военного сотрудничества // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 7. С. 5–25.
7. Consolidated Appropriations Act, 2023 // House of Representatives. 2022, December, 29. URL: <https://appropriations.house.gov/sites/democrats.appropriations.house.gov/files/FY23%20Summary%20of%20Appropriations%20Provisions.pdf>.
8. Singh M. Axis of Abraham: Arab-Israeli Normalization Could Remake the Middle East // Foreign Affairs. 2022. Vol. 101. Issue 2. P. 40–50.
9. Remarks by President Biden on America's Place in the World // Whitehouse. 2021, February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world>.
10. Шумилина И. В. Внутривосточные факторы ближневосточной стратегии администрации Байдена // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Том 65. № 11. С. 24–30.
11. U. S. Security Cooperation with Israel // State Department. 2021, July 30. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-israel>.

REFERENCES

1. Bazoobandi, S. (Ed.). (2020). The New Regional Order in the Middle East. Palgrave Macmillan Cham, 93–118.
2. Zanotti J. (2023, February 9). Israel: Background and U.S. Relations in Brief // FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R44245.pdf>.
3. Sharp J., Humud C., Collins S. (2021, September 7). U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf>.
4. Sharp J. (2023, March 1). U.S. Foreign Aid to Israel. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33222.pdf>.

4. Zanotti J. (2022, July 1). Israel: Background and U.S. Relations. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33476.pdf>.
5. Bobkin, N. N. (2020). American-Israeli Relations: Context and Prospects of Military Cooperation USA & Canada: Economics – Politics – Culture, 50(7), 5–25. (In Russ.).
6. Consolidated Appropriations Act, 2023 (2022, December 29). House of Representatives. <https://appropriations.house.gov/sites/democrats.appropriations.house.gov/files/FY23%20Summary%20of%20Appropriations%20Provisions.pdf>.
7. Singh M. (2022). Axis of Abraham: Arab-Israeli Normalization Could Remake the Middle East. Foreign Affairs, 101(2), 40–50.
8. Remarks by President Biden on America's Place in the World (2021, February, 4). Whitehouse. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world>.
9. Shumilina, I. V. (2021). Domestic Political Factors in the Biden Administration's Middle East Strategy. World Economy and International Relations, 65(11), 24–30. (In Russ.).
10. U.S. Security Cooperation with Israel (2021, July 30). State Department. <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-israel>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савченко Евгений Олегович

кандидат политических наук
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Смоленского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savchenko Evgenii Olegovich

PhD (Political Science)
Associate Professor, Chair of State and Legal Studies
Smolensk State University

Статья поступила в редакцию	16.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	09.07.2024	approved after reviewing
принята к публикации	10.07.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 321

Политические аспекты функционирования частных военных компаний в сегменте национальной безопасности

А. А. Цвяк

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
al.tsvyak@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются ключевые политические аспекты функционирования частных военных компаний как одного из ведущих военно-политических институтов современности, а также рассматриваются важнейшие факторы, определяющие место и роль частных военных компаний в структуре национальной безопасности современных государств, с деятельностью которых сопряжены вопросы международного развития.

Ключевые слова: военно-политическая сфера, политико-социальные процессы, частные военные компании, политическая сфера общества, социальная политика, политические институты

Для цитирования: Цвяк А. А. Политические аспекты функционирования частных военных компаний в сегменте национальной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 40–46.

Original article

Political Aspects of the Functioning of Private Military Companies in the National Security Segment

Alexander A. Tsvyak

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
al.tsvyak@gmail.com

Abstract. The article analyzes the key political aspects of the functioning of private military companies as one of the leading military and political institutions of our time, and also examines the most important factors determining the place and role of private military companies in the national security structure of modern states, and related issues of international development.

Keywords: military-political sphere, political and social processes, private military companies, political sphere of society, social policy, political institutions

For citation: Tsvyak, A. A. (2024). Political aspects of the functioning of private military companies in the national security segment. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 40–46. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Политические события и явления, сопряженные как с деятельностью государственных структур и сопутствующих им институций, так и с развитым общественным мнением и его влиянием на процессы в смежных отраслях, оказывают непосредственное воздействие на различные компоненты военно-политической среды. Не является исключением в этой связи и вопрос комплексного обеспечения безопасности современных государств как на уровне их национальной юрисдикции, так и в различных форматах внешнего присутствия и проекции силы на сопредельные государства или зоны национальных интересов.

Важнейшим вопросом в данном контексте является определение места частных военных компаний в структуре системы обеспечения безопасности государств. Роль и место частных военных компаний (ЧВК) в глобальном геополитическом пространстве обуславливает не только правовой статус их функционирования, но и различные элементы, виды и форматы их взаимодействия с государственными структурами или же другими частными компаниями, с которыми находятся в контрактных или партнерских отношениях.

Для подобного определения необходимо проанализировать саму систему безопасности государств, в рамках которой частные военные компании обретают различные формы своего существования. Исходя из различных особенностей как политической системы того или иного государства, так и из исторически сложившихся механизмов функционирования военных институций и служб безопасности внешнего и внутреннего контура, с поправкой на их возможную модернизацию как ответа на новые вызовы и риски.

Используя аналитический метод, целесообразно рассмотреть как ключевые параметры сегментирования частных военных компаний в контексте общенациональной безопасности современных государств, так и факторы военно-политического характера, определяющие позиционирование ЧВК, а также модели регулирования соответствующей сферы.

МЕСТО ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К официальным государственным формированиям, как правило, причисляют конвенциональные вооруженные силы, национальную гвардию, полицейские подразделения и различные специальные службы, включая разведывательные и контрразведывательные структуры. Вооруженные силы

являются в этом контексте, как правило, ведущей силой, имеющей в своем распоряжении и подготовленный личный состав, и значительную техническую составляющую от многочисленных объектов собственной инфраструктуры до военной техники наземного, воздушного и морского видов [Брега, 2007].

Национальная гвардия представлена во многих государствах, особенно тех, что имеют большую численность населения или продолжительную государственную границу, т. е. тем самым имеющих факторы, определяющие необходимость не только в вооруженных силах и пограничной охране, но и в формированиях промежуточного между армией и полицейскими подразделениями типа, которые могут применяться как на постоянной основе (характерно, например, для Российской Федерации) и использоваться в качестве средств усиления или поддержки других подразделений (полиции в ходе специальных мероприятий, рейдов и т. д., или же вооруженным силам в форматах поддержки боевых формирований в тыловых районах, обеспечения безопасности стратегических коммуникаций и др.), так и зачастую ситуационно, в наиболее кризисные периоды (характерно в большей степени для Соединенных Штатов Америки), используя для проведения обширных операций внутри или вне страны, а также пресекая крупные беспорядки в их пиковой форме, реализуя кроме того мобилизационный потенциал общества через систему резервистов и военных сборов.

С точки зрения общественной безопасности полицейские подразделения представляют ценность не только на уровне следственных и розыскных действий, но также на уровне поддержания и восстановления порядка в крупных районах и стратегически важных пунктах.

Структуры же государственной безопасности, будь то разведывательные или контрразведывательные организации и подразделения, являются зачастую ключевым, системообразующим звеном во всем силовом компоненте государства. У данных структур имеются возможности не только реагировать на угрозы, но и предотвращать их на самых ранних этапах их возникновения.

К частным официальным формированиям относят службы безопасности физических и юридических лиц, некоторые из которых по объему финансирования и перечню материально-технических средств не уступают отдельным полицейским отрядам. Многие из таких подразделений являются отделами в крупных корпорациях, с обладающих настолько большим экономическим и политическим влиянием, что можно говорить о ситуации, при которой службы безопасности

вышеуказанных организаций работая на корпоративные интересы руководства и собственников, в определенной степени вовлекаются и в общегосударственную повестку.

К неофициальным негосударственным структурам в свою очередь относят различные группы наемников, неоформленных в единые организационные общности, а также всевозможные прокси-формирования, создаваемые для участия в боевых действиях на территории других государств при формальной непричастности государства, оказывающего им протекцию в виде финансирования или предоставления материально-технических средств и разведывательных данных, от спутниковой до агентурной разведки [Белозёров, 2009].

Политические аспекты регулирования сегмента национальной безопасности и общественные настроения в сфере обеспечения порядка, внутренней и внешней безопасности, во многом определяют это разделение, а также конкретизируют место частных военных компаний в нем. Будучи изначально гибридным элементом как на уровне отдельно взятых государств, так и в общей контекстуальной системе международных отношений, ЧВК модернизируются и подстраивают свой статус подформат, предполагающий консенсус между государственным политическим аппаратом, обществом, и запросом силовых структур.

Не имея официального определения, ЧВК в глобальном масштабе, скорее, представляют из себя совокупность фактических признаков, по которым они могут быть сгруппированы в единую классификацию, нежели указывают на конкретный функциональный правовой статус подобных организаций.

В этой связи следует отметить, что частные военные компании могут быть представлены:

- как параллельные частные вооруженные силы (характерно для Соединенных Штатов Америки), от вооруженных сил государства их отличает исключительно их юридический статус и некоторые иные технологические правовые аспекты;
- как охранные структуры, фокусирующиеся на обеспечении безопасности персонала и объектов стратегического и тактического значения (характерно для стран Европейского Союза и Китайской Народной Республики);

Итак, политические факторы и особенности политического целеполагания во многом определяют не только общие принципы конфигурирования системы безопасности современных государств во внутренней и внешней политике, но и детерминируют роль, место и функциональные особенности частных военных компаний в них.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Как было отмечено ранее, установившиеся изменения в конъюнктуре развития мировой политики привели к тому, что в сегменте обеспечения международной и региональной безопасности наметились две в некотором смысле противоречащие друг другу тенденции – на расширение активности вооруженных сил и на одновременное сворачивание многих официальных программ и замену их исполнителей частными подрядчиками. Фактически опыт последних десятилетий, а в особенности событий 2023 года показывает, что во многом аргументы об архаичности вооруженных сил как инструмента реализации внешней политики современных государств оказались несостоятельны.

Различные политические режимы продолжают ориентироваться на армию как на средство достижения своих целей не только оперативного характера, применимых в отношении некоторых локальных ситуаций или территориальных преткновений, но и как средство достижения стратегического баланса вооружений с другими странами, либо же даже как средство преодоления паритета и расширения собственных возможностей за счет более развитых, высокотехнологичных, технически оснащенных или численно превосходящих любых конкурентов вооруженных сил, что открывает новые опции не только в контексте потенциального противоборства самих армейских подразделений, но и в более широком контексте политических взаимоотношений между государствами, имеющими совместные спорные точки.

События на Ближнем Востоке, такие как противостояние в Йемене, активизирующийся конфликт Ирана и США, а также операция Израиля в Секторе Газа, подчеркивают роль вооруженных сил как инструмента, который остается на ведущих ролях в списке потенциально допустимых методов реализации государственной политики и ответа на внешние угрозы. Они определяются политическими институтами той или иной страны как западного, так и ближневосточного мира.

С другой стороны, наблюдается также вышеупомянутый продолжающийся еще с прошлого века отход от осуществления многочисленных функций государственными структурами и замену исполнителей этих функций на частные военные компании. В этом контексте элементами подобного процесса служат не только вопросы логистического сопровождения деятельности вооруженных сил, подготовки солдат местных армий и полиции, а также инженерно-техническая поддержка на

местах, но и такие направления, как непосредственное ведение боевых действий, разведка и поддержка на поле боя.

Конфликт на Украине является в этой связи характерным примером того, как многие государства, не отправлявшие официально свои вооруженные силы в зону боевых действий, опосредованно участвуют в них, задействуя частные военные компании, комплектуемые вчерашними выходцами из армейских структур, реализуя тем самым целый ряд политических функций ЧВК [Волеводз, 2009].

Растущая нестабильность в политической обстановке и участии региональных конфликтов привели к стремительному возрастанию роли частных военных компаний в мире. Несмотря на введение некоторых ограничительных мер в определенных странах, стремящихся уменьшить экспансивный рост частных военных компаний или хотя бы стандартизировать его и привести в полное соответствие с политическими задачами при помощи правовых инструментов, данный сегмент мирового рынка услуг безопасности всё равно продолжает динамично расти со среднегодовым приростом около 7,4 %.

На данный момент в мире действует оценочно несколько тысяч ЧВК (с учетом и частных охранных компаний, из числа обладающих смежными компетенциями), которые распространены по всему земному шару и существуют в десятках стран. Точное распределение частных военных компаний по странам остается неясным, так как юридически компания может базироваться в одной стране, нанимаемый персонал – действовать в другой (с вытекающими из этого политико-дипломатическими и правовыми коллизиями), а сами контракты быть гражданами третьих государств [Небольсина, 2012].

Однако наиболее крупные компании базируются преимущественно в развитых странах, таких как Соединенные Штаты Америки и Европейского Союза, а также в Канаде, ЮАР и Японии. США и Великобритания, как правило, являются доминирующими силами в данной сфере не только по количеству сотрудников, но и по объему заказов.

В то же время, такие страны, как Российская Федерация и Китайская Народная Республика, в последние годы активно наращивают долю своего присутствия в стратегически важных регионах мира. Израиль также проявляет определенную инициативу в разработке эффективных систем ЧВК.

Анализ мирового рынка услуг частных военных компаний затруднен тем обстоятельством, что не все наемные солдаты могут быть отнесены к числу ЧВК. Например, в Йеменском конфликте сражаются бойцы из самых разных стран, включая бывших солдат вооруженных сил Колумбии. Однако эти

боевики не рассматриваются как сотрудники ЧВК несмотря на то, что они получают заработок и выполняют задачи, близкие к стандартным функциям частных военных фирм.

Таким образом, наемничество, как глобальное явление, все продолжает свое существование, но необходимо проводить аналитику по его разделению от понятия ЧВК, поскольку эти форматы преимущественно (с некоторыми исключениями) имеют принципиально отличающиеся юридические формы деятельности и функционирования.

Говоря же о региональном аспекте задействования частных военных структур, следует акцентировать внимание на том, что своими действиями ЧВК оказывают существенное влияние на многочисленные конфликты в странах Азии, Латинской Америки и Африки. При этом итог их деятельности может носить как положительную коннотацию и приводить к разрешению конфликта за счет установления паритета сторон или же победы одной из них, так и усугублять его течение, привнося в его проблематику новые аспекты [Singer, 2003].

В то же время частные военные компании играют значительную роль в составе международных миротворческих миссий, обеспечивая разграничение сторон, поддержку здоровых гуманитарных инициатив. При этом ЧВК действуют бок о бок не только с центральными властями государств, но и с представителями международных институций.

Тем самым ключевые политические факторы, влияющие на развитие частных военных компаний в сегменте национальной безопасности, сводятся к следующим пунктам:

1. Запрос на гибридизацию военной силы и средств обеспечения безопасности.
2. Переход на модель аутсорсинга сферы безопасности и активного привлечения частных подрядчиков.
3. Потребность в форматах обеспечения безопасности на внешнем уровне, привлекающих меньшее общественное внимание, чем задействование конвенциональных вооруженных сил.

МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Не менее важным аспектом функционирования частных военных компаний как военно-политического института в системе поддержания и развития безопасности государства, является вопрос об их месте в структуре и иерархии силовых ресурсов. Не являясь государственным институтом, ЧВК тем не менее входят в систему обеспечения национальной безопасности.

Классический, и не потерявший во многом своей актуальности, вопрос о том, следует ли армии быть вне политики или же ей необходимо оказывать на нее опосредованное или прямое влияние, в последние годы расширяется и подключением к этой проблематике частных военных структур [Коновалов, 2017].

Согласно первой, широко встречающейся в международной практике, модели, армия и высшее военно-политическое руководство оказывают значительное влияние на внутренние и внешне-политические процессы, сопряженные со сферой ответственности, в том числе и сторонних, по отношению к вооруженным силам, институций. Подобная ситуация в особой степени характерна для стран латиноамериканского региона. Их исторические традиции, коренящиеся в XX веке и связанные с постоянными государственным переворотами, а также в целом с исторически значимой ролью армии в государственных процессах, внутренне мотивировали необходимость влияния армейских структур на различные элементы как внутренней, так и внешней политики.

В то же время накопленный опыт значительно-го множества из таких государств показывает, что в определенный момент времени армия может выступать не как монолитный источник стабильности и средство поддержания внутривла-дического и внутриэлитного баланса, а как инициатор полноценно революционных перемен, зачастую несущих в себе деструктивное начало.

Опыт Турецкой республики показывает что, несмотря на продолжавшиеся десятилетия значительного влияния высшего армейского командования на политические процессы в стране, иногда подобная ситуация может приводить к потрясениям почти революционного характера, как это было в 2016 году с попыткой государственного переворота против Реджепа Тайипа Эрдогана, устроенной частью армейских элит, ориентированных на оппонировавшего ему Фетхуллаха Гюлена.

Вторая же модель подобного взаимодействия является в большей степени компромиссной и применяется к государствам, зачастую имеющих развитый военно-промышленный комплекс и большое количество экономических ресурсов, а также экономически активного населения, задействованного в отраслях военного производства. В ее рамках наблюдается низкая степень влияния армии на внутривла-дические процессы.

Подобная ситуация характерна, например, для Соединенных Штатов, где армейское командование и в целом вооруженные силы как военно-политический институт оказывают значительное

влияние на внешнюю политику, опираясь при этом на развитый военно-промышленный комплекс, имеющий собственные экономические интересы, основанные не только на производстве оборудования, боеприпасов и вооружений на мощностях внутри страны, но и стремящихся к экономической экспансии и завоеванию новых рынков сбыта, а также активизации влияния в других государствах, в том числе и на иных континентах [Мартыанов, 2011].

Третья же модель подобного взаимодействия политической стороны общества и армии, выражается в ситуации, при которой армейское командование фактически подчинено политическим властям и не имеет полноценной политической субъектности. С определенной долей парадоксальности можно заметить, что подобная ситуация характерна для многих высоко милитаризированных государств, таких как Китай или Северная Корея, где при крайне высокой роли армии в обществе и при существующим своеобразном культе вооруженных сил можно говорить о том, что армия не имеет своей полноценной субъектности, подчиняясь воли партийных структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Частные военные компании на современном этапе своего развития являются в полной мере динамичным элементом, их услугами пользуются не только коммерческие контрагенты, но и государственные институты. Следовательно, и степень их воздействия на политические процессы также дифференцируется в зависимости от модели взаимодействия между силовым блоком государства, различными силами правоохранительными органами и иными компонентными структурами государственной безопасности, с одной стороны, и политическими институтами – с другой.

Характер подобного взаимодействия с меньшей долей вероятности зависит от формальных политико-правовых особенностей регулирования, и в большей степени сопряжен с исторически сложившимися особенностями взаимодействия силовых структур и политического руководства, преимущественно на неформальном уровне. Принцип взаимодействия военных и политических структур детерминирует как общий контекст развития военно-политической сферы, так и характер развития частных военных компаний в качестве самостоятельного системного или же внесистемного института, встроенного в общую сферу национальной безопасности современных государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брега А. В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007.
2. Белозёров В. К. Негосударственные субъекты современных войн и военной деятельности // Проблемы безопасности. 2009. № 2 (5). С. 91–97.
3. Волеводз А. Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 12–17.
4. Небольсина М. А. Частные военные и охранные компании в Ираке и Афганистане: аспекты деятельности и механизмы контроля // Ежегодник Института международных исследований. 2012. С. 288–307.
5. Singer P. W. Corporate Warriors: the rise of the privatized military industry. Cornell University, 2003.
6. Коновалов И. П. История современного наёмничества: «дикие гуси» и частные военные компании. М.: Вече, 2017.
7. Мартыанов О. Частные военные компании США: предназначение и роль в военных конфликтах // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 5. С. 8–13.
8. Романчук С. И. Частные военные компании на службе миротворчества // Вестник Государственного университета управления. 2013. № 8. С. 222–227.
9. Шишмонин С. В. Эволюция частных военных компаний в мире // Актуальные проблемы государства и права. 2019. № 9. С. 107–113.
10. Веревкин И. Е. Правовое регулирование частных военных компаний // Вопросы российской юстиции. 2019. № 2. С. 264–270.
11. Косов Г. В., Гарас Л. Н. Частные военные компании: элитологический анализ // Вопросы элитологии. 2023. № 4. С. 72–82.

REFERENCES

1. Brega, A. V. (2007). Politicheskij risk v obespechenii voennoj bezopasnosti: teorija i osnovy upravlenija = Political risk in ensuring military security: theory and fundamentals of management: abstract of Senior Doctorate in Political Sciences. Moscow. (In Russ.)
2. Belozero, V. K. (2009). Negosudarstvennye sub"ekty sovremennykh vojn i voennoj deyatel'nosti = Non-state actors of modern wars and military activities. Problemy bezopasnosti, 2(5), 91–97. (In Russ.)
3. Volevodz, A. G. (2009). On international initiatives in the field of legal regulation of private military and security companies. International criminal law and international justice, 1, 12–17. (In Russ.)
4. Nebolsina, M. A. (2012). Private military and security firms in Iraq and Afghanistan: aspects of activity mechanisms of control. In Yearbook of Institute of international studies (pp. 288–307). (In Russ.)
5. Singer, P. W. (2003). Corporate Warriors: the rise of the privatized military industry. Cornell University.
6. Konovalov, I. P. (2017). The history of modern mercenary activity: "wild geese" and private military companies. Moscow: Veche. (In Russ.)
7. Martianov, O. (2011). Private military companies of the USA: purpose and role in military conflicts. Foreign Military Review, 5, 8–13. (In Russ.)
8. Romanchuk, S. I. (2013). Chastnye voennye kompanii na sluzhbe mirotvorchestva = Private military companies in the service of peacekeeping. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya, 8, 222–227. (In Russ.)
9. Shishmonin, S. V. (2019). Ehvoluciya chastnykh voennykh kompanij v mire = Evolution of private military companies in the world. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava, 9, 107–113. (In Russ.)
10. Verevkin, I. E. (2019). Pravovoe regulirovanie chastnykh voennykh kompanij = Legal regulation of private military companies. Voprosy rossijskoj yusticii, 2, 264–270. (In Russ.)
11. Kosov, G. V., Garas, L. N. (2023). Private military companies: elite analysis. Vestnik Elitologii, 4, 72–82. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цвяк Александр Александрович

аспирант Департамента политологии

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsvyak Alexander Alexandrovich

Postgraduate Student of the Department of Political Science
Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	05.06.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	06.07.2024	
	10.07.2024	

«Стратегическое поражение России» как константа политики США в конфликте на Украине

В. В. Шишков

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
fh55@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется позиция политического истеблишмента США по вопросу «стратегического поражения» России. Цель работы состоит в конкретизации установок американской политической элиты в конфликте на Украине, их осмыслении в научном и экспертном сообществе. Методологической основой статьи выступают исследования, посвященные политике гегемонии и политической элите Америки. В работе использовались такие методы, как политологический и герменевтический анализ материалов. Исследовались доктринальные установки, исследовательские публикации и экспертные оценки причин и последствий конфликта на Украине. В целом, стратегия Вашингтона направлена на существенное ограничение возможностей России по обеспечению ее национальной безопасности и ее интересов.

Ключевые слова: конфликт на Украине, специальная военная операция, американская гегемония, стратегия США, В. Нуланд, РЭНД Корпорэйшн

Для цитирования: Шишков В. В. «Стратегическое поражение России» как константа политики США в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 47–55.

Original article

“Russia’s Strategic Defeat” as a Constant of US Policy in the Conflict in Ukraine

Vasilii V. Shishkov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
fh55@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the views of the US political establishment on the issue of Russia’s “strategic defeat”. The aim of the work is to specify the attitudes of the American political elite in the conflict in Ukraine, and to understand them in the scientific and expert community. The methodological basis of the work is studies on the policy of hegemony and America’s political elite. The work used such methods as political science and hermeneutic analysis of materials. Doctrinal attitudes, research publications and expert assessments of the causes and consequences of the conflict in Ukraine are analyzed. In general, Washington’s strategy is aimed at significantly limiting Russia’s ability to ensure national security and interests.

Keywords: conflict in Ukraine, special military operation, American hegemony, US strategy, V. Nuland, RAND Corporation

For citation: Shishkov, V. V. (2024). “Russia’s Strategic Defeat” as a constant of US policy in the conflict in Ukraine. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 47–55. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Конфликт на Украине, современный его этап, свидетельствует о существенных противоречиях между Россией и США. Возрастающая напряженность в отношениях двух стран нагнетается Вашингтоном, устанавливающим беспрецедентные санкции против Российской Федерации, разворачивающим военную инфраструктуру и контингенты вооруженных сил вблизи российских границ и осуществляющим масштабные военные поставки на Украину. В связи с этим нуждается в рассмотрении вопрос о целях американской политики в украинском конфликте.

Представители высшего политического руководства США неоднократно заявляли о том, что целью американской политики в украинском конфликте выступает «стратегическое поражение России»¹. Данный тезис стал своего рода константой официальных заявлений в Вашингтоне. Позиция Белого дома остается согласованной, последовательной и неизменной со времени начала текущего этапа конфликта. Тем не менее официальные представители администрации Дж. Байдена уклоняются от конкретизации того, что в их представлении является «стратегическим поражением России».

Напряженность российско-американских отношений, затрагивающая вопросы стратегической стабильности, интенсивность и продолжительность конфликта на Украине, обусловленные поддержкой Киева Белым домом указывают на необходимость политического анализа, позволяющего уточнить основные контуры того, что в Вашингтоне понимают под «стратегическим поражением России».

В связи с данными обстоятельствами настоящая статья направлена на исследование стратегических установок американской политической элиты в отношении России, их осмыслении в научном и экспертном сообществе, что позволит более определенно охарактеризовать цели США в украинском конфликте и конкретизировать содержание представлений американского политического истеблишмента о «стратегическом поражении России».

¹Такие высказывания неоднократно озвучивались президентом США Дж. Байденом, госсекретарем США Э. Блинкеном, заместителем госсекретаря В. Нуланд и другими представителями американской администрации, см. например: ТАСС: Байден призвал добиваться, чтобы спецоперация России стала ее «стратегическим провалом». URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15216191>; ТАСС: Блинкен: решение о выходе из ситуации вокруг Украины может принять только Россия. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14016285>; ТАСС: Нуланд заявила, что США продолжат оказывать давление на РФ и предоставлять помощь Украине. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14005007>; ТАСС: Блинкен заявил, что все успехи Украины окажутся под угрозой без новой помощи США URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19850631>.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА И МЕТОДЫ РАБОТЫ. ГЕГЕМОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США И ОЦЕНКИ РОССИИ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТОЙ

В основе исследовательского подхода к данной проблематике находятся представления, характеризующие политику США в качестве гегемонистской. Отечественные исследователи, такие как Ф. Г. Войтовский, М. А. Неймарк, Т. А. Шаклеина, А. В. Яковенко и др., в своих работах показывают, что основным содержанием политики США выступают гегемонистские устремления, направленные на формирование миропорядка в наибольшей степени отвечающего американским интересам. При существующих различиях в трактовке гегемонии представляется возможным в целом охарактеризовать такую политику как направленную на установление и удержание такого превосходства одной державы над другими державами, которое позволяло бы ей диктовать свои правила другим участникам международных отношений. Кроме того, позиция державы-гегемона соответствует представлениям Вашингтона об обеспечении собственной безопасности и защиты своих жизненно важных интересов.

В качестве гегемонии Америка все чаще примеривает на себя роль «имперской державы», занимающей исключительное место в системе международных отношений. Тем не менее анализ, проведенный отечественными исследователями, позволяет говорить, что военно-силовое и экономическое могущество США все менее действенны в условиях резистентности России, подъема Китая, других стран «глобального Юга», а заявка США на моральное лидерство оказалась не состоятельна вследствие их собственного политического эгоизма.

Сегодня в мире отсутствует консенсус по признанию американского лидерства, что вынуждает Вашингтон предпринимать все новые усилия, чтобы навязать свою гегемонию всем остальным участникам международных отношений. Представляется, что данное обстоятельство имеет определяющее значение для анализа политики США в конфликте на Украине.

Вопрос о политике Вашингтона обуславливает привлечения в качестве теоретико-методологической основы работы исследований, посвященных системе взглядов высшего американского руководства на Россию.

Следует указать на высокую преемственность внешней политики США, сложившуюся несмотря на смены администраций в Белом доме [Белозёров, 2015; Шишков, Хорошев, 2023]. В целом, следуя сформировавшимся взглядам в американском научно-экспертном сообществе на гегемонию

как на сочетание режимов предоставления благ и принуждения [Несмашный, 2022] американский политический истеблишмент демонстрировал различные подходы к определению места России в мире американского доминирования.

И. А. Сафранчук приводит и анализирует несколько точек зрения вашингтонского истеблишмента на Россию, устоявшихся с 1990-х годов: скептиков, алармистов и реалистов [Сафранчук, 2015]. «Скептики», придерживающиеся идей «упадка России» в связи с незавершенностью реформ, полагают, что США следует проводить политику нового сдерживания по отношению к Москве. По убеждению «алармистов» наоборот Россия усиливается, что подтверждается ее возросшей активностью на международной арене. С точки зрения «алармистов» США необходимо решительно противодействовать российским устремлениям. «Реалисты» считают, что США следует выстраивать отношения с Россией как державой, которая в любом случае будет иметь значительный вес в международных делах. Существует также позиция сторонников сотрудничества с Россией, во многом близкая к взглядам «реалистов», но в настоящая время маргинальная для американского истеблишмента. Исследователь указывает, что «алармисты» и «скептики» занимают ведущие позиции в определении взглядов Вашингтона, которые, в связи с этим, отличается разнонаправленностью: сочетание сдерживания и активного противодействия. При этом позиции данных групп близки в неприятии современной России. Взгляды же «реалистов» получают крайне ограниченное признание.

В целом, преобладающие представления американской политической элиты, академического и экспертного сообществ до недавнего времени следовали представлениям о «конце истории». США в такой схеме выступали в качестве лидирующего государства, ответственного за глобальную либерализацию.

Проблематика и задачи статьи определили набор исследовательских методов. В ходе работы в качестве основных использовались такие методы, как политологический и герменевтический анализ документов и публикаций ведущих американских изданий по вопросам внешней политики, транслирующих взгляды политического истеблишмента США, а также материалы аналитических центров.

ВЗГЛЯДЫ НА ПОЛИТИКУ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

Рассмотрим официальную позицию Белого дома в отношении России.

Стратегия национальной безопасности США 2022 года (СНБ), политический документ декларативного характера, представляет видение украинского конфликта администрацией действующего президента Америки.

В документе Россия определяется в качестве державы, проводящей ревизионистскую и империалистическую внешнюю политику. В документе присутствует сочетание риторик «алармистов» и «скептиков». С одной стороны, Россия, по мнению разработчиков документа, представляет непосредственную угрозу «свободной и открытой международной системе»¹. С другой – отмечаются ограничения для российской стратегии, связанные с экономическими и внутривнутриполитическими обстоятельствами. Прямо говорится о сдерживании России по основным направлениям ее внешней политики и экономического развития. В украинском конфликте США продолжают оказывать помощь Украине, обеспечат вовлечение своих союзников в деятельность по поддержке Киева, будут способствовать европейской интеграции бывшей советской республики. Отдельно акцентируется то, что Вашингтон не позволит использовать ядерное оружие в ходе данного конфликта. Комплекс данных мер, как заявляется в СНБ, должен привести к стратегическому провалу России. При этом, в документе выражена надежда на «демократизацию» России и ее более конструктивную роль в международных делах, как это понимают в Белом доме.

Отметим, что такие стратегические взгляды были представлены еще до начала российской операции на Украине. Так, в Предварительном стратегическом руководстве по вопросам национальной безопасности 2021 года² подчеркивалась необходимость восстановления доверия (credibility) к США как гаранту мирового порядка. В связи с этим Россия рассматривается в качестве одного из государств, наряду с Китаем, подрывающем позиции Америки как мирового лидера.

Рассмотренные документы позволяют говорить о том, что Россия занимает одно из важнейших мест в стратегии Вашингтона и рассматривается в качестве державы, угрожающей жизненно важным интересам Америки. В целом такие взгляды выражают консенсус «алармистов» и «скептиков» в отношении России, обозначившийся после событий 2014–2015 годов.

В стратегических документах Россия часто упоминается наряду с Китаем. США с возрастающим

¹National Security Strategy. October, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-SecurityStrategy-10.2022.pdf>

²Interim National Security Strategic Guidance. March, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>.

вниманием относятся к набирающей мощь КНР. В связи с заявляемой готовностью Белого дома к новому этапу противостояния великих держав заслуживают внимания публикации американских экспертов, в которых предлагаются решения проблемы одновременного сдерживания Москвы и Пекина.

Например, У. Митчел, видный американский дипломат, в публикации 2021 года писал о том, что необходимо привлечь Россию к противостоянию с Китаем [Mitchell, 2021]. Достичь данной цели, по мнению эксперта, возможно только поле военного поражения российской армии на Украине. У. Митчел полагает, что таким образом США не только будут избавлены от необходимости сдерживать сразу двух соперников, но смогут обеспечить себе «второй фронт» против Китая. Данная публикация показательна как попытка решить стратегическую дилемму Америки – сохранить господство в Европе и противостоять КНР.

Внешняя политика США характеризуется высокой преемственностью и долгосрочным планированием, в связи с этим представляется оправданным обратиться к еще одной публикации, предшествующей обострению конфликта на Украине.

Один из архитекторов современной политики США в Восточной Европе В. Нуланд в статье «Pinning Down Putin» [Nuland, 2020] демонстрирует идею о близости взглядов «скептиков» и «алармистов». В статье Нуланд тезисы о слабеющей в течение последних 20 лет России сочетаются с высказываниями о возрастающих российских силовых возможностях и нарастающей угрозе со стороны Москвы для соседних стран и безопасности в Европе. Особо автор останавливается на нежелании российской стороны следовать в русле либерально-демократических преобразований. Политического деятеля не смущает противоречивый характер представленных суждений. Ведь из сказанного следует, что ослабление России сопровождается ростом ее военно-политической мощи и возрастающими великодержавными амбициями. Нуланд пытается найти выход из затруднительного положения, прибегая к представлению о злокозненности авторитарного режима, подавляющего опасную для него демократизацию прилегающих государств, но впадает в новое противоречие поскольку не может проигнорировать неоднократные попытки Москвы прийти к взаимопониманию с американской стороной.

Видимо, данные суждения были лишь предлогом для представления программы по противодействию России. Чиновник Госдепартамента предлагает комплекс мер, включающий восстановление союзов США, активизацию политики

демократизации, новые санкции, информационное воздействие на российское общество, вовлечение России в новую гонку вооружений, включая наращивание количественных показателей, разработку передовых военных технологий и размещение новых военных баз у границ России. Отметим, что данные шаги были впоследствии предприняты США под предлогом конфликта на Украине.

Данному конфликту отведено одно из центральных мест в статье Нуланд. Украина представлена «полем битвы за демократию», вопрос по ее поддержке – это своего рода точка новой сборки альянса США с европейскими союзниками. При этом какие-либо договоренности с Москвой невозможны без отказа со стороны России от своих позиций. Расширение НАТО на Восток не может являться предметом обсуждений.

Имеются основания говорить, что последовательность шагов, предпринятых Белым домом в 2022–2023 годы, включая беспрецедентное санкционное и военно-политическое давление, были запрограммированы в преддверии обострения украинского конфликта. Рассмотренная статья позволяет прийти к заключению, что автор видит целью такой стратегии новую сделку с Россией. В понимании Нуланд она означает отказ Москвы от собственных интересов и безоговорочное следование политическим установкам Вашингтона.

Заявления Нуланд, сделанные в начале 2024 года о том, что США желают видеть Россию ориентированной на Запад, и переговоры по прекращению вооруженного конфликта возможны только если Украина будет занимать более сильную позицию подтверждают, что Вашингтон продолжает следовать стратегии, выработанной еще до обострения кризиса в 2022 году. В связи с этим следует отметить, что по всей видимости в администрации Дж. Байдена сложился своего рода консенсус по вопросам внешней политики. Внешнеполитический блок администрации видит свою цель в модернизации внешней политики США путем предложения союзникам перезаключения альянсов на условиях, усиливающих Америку [Sullivan, 2003]. Единство мнений в Белом доме по вопросу сдерживания России во многом способствует согласованности внешнеполитической стратегии США, скоординированности по широкому спектру проблем, включая кризис на Ближнем Востоке и противодействие Китаю. Итак, политика США в отношении украинского конфликта определяется с учетом внешнеполитической стратегии, направленной на восстановление упрочения позиций США в преддверии развития противоречий с Китаем.

УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ЭКСПЕРТОВ

Исследовательское и экспертное сообщество США рассматривает различные последствия текущего конфликта. В центре внимания вышеозначенного экспертного сообщества находятся ожидаемые последствия для России, изменение ее статуса в международных отношениях и ее возможностей.

Для многих исследователей и аналитиков вариант победы Украины неразрывно связан с кризисом российской власти [Jarábik, 2023]. Такая постановка вопроса обуславливает особое внимание, которое американские эксперты уделяют внутривластной ситуации в России, ожидая ее дестабилизации. Так, один из ведущих специалистов по российской политике Ф. Хилл писала в 2022 году о недопустимости остановки в военных действиях, связывая ними возможность делегитимации российской власти. Отметим, что данной позиции эксперт придерживается и в 2024 году [Hill, 2022; Hill, 2024]. Такие суждения указывают на то, что «скептики» в экспертном сообществе США делают ставку на скорое истощение российских возможностей участия в вооруженном конфликте, следствием чего станет нарастание социально-политических протестов. Продолжение войны с изложенной точки зрения наиболее эффективный способ добиться радикальных изменений в российской политической системе изнутри и, тем самым, подорвать внешнеполитические позиции Российской Федерации.

Отметим высокую включенность экспертов из Украины в обсуждение текущего конфликта. Так, С. Плохий на фоне провала украинского наступления в 2023 году пишет о негативных последствиях поражения Украины, заключающихся, по его мнению, в восстановлении влияния России по всему периметру своих границ и угрозе западной безопасности и демократии [Plokyh, 2023]. В подобного рода алармистских публикациях подчеркивается жизненно важный характер конфликта и необходимость достичь решительных политических результатов по его итогам.

Еще одним, не менее важным компонентом политики США выступает усиление трансатлантических связей. В 2024 году данный вопрос стал предметом обсуждений экспертов в США и Европе, в том числе на прошедшей в 2024 году очередной конференции по безопасности в Мюнхене. Здесь наблюдается высокая согласованность позиций, заключающаяся в том, что конфликт на Украине уже способствовал укреплению трансатлантического

единства и расширению НАТО [Two Years On ... 2023; In It to Win It ... 2024]. Речь идет о достижении США одной из своих стратегических целей в конфликте – упрочения своего определяющего влияния на европейскую безопасность. При этом отмечалось, что, сдерживая Россию на Украине, США стремятся одновременно останавливать Китай, удерживать его от попыток более активно действовать в отношении Тайваня. Это не бесспорное утверждение, тем не менее такой аргумент присутствует в западных дискуссиях.

Позиция «реалистов», например Дж. Миршаймера и С. Уолта, которые указывают на ответственность США и их союзников в конфликте на Украине остается на периферии западных дискуссий о перспективах противостояния с Россией. Так, С. Уолт отмечает, что с точки зрения западных держав изначально стояла цель приема Украины в НАТО. В настоящее же время речь идет о военном поражении России. Оно позволило бы, как вероятно полагают США, нейтрализовать любое противодействие их политике вблизи российских границ [Walt, 2024]. При этом отмечается экзистенциальный характер противостояния России и Украины, определяющий его длительный и интенсивный характер. В некоторой степени к позиции «реалистов» примыкают Р. Хаасс и Ч. Купчан, указывающие на ограниченный потенциал Украины. Исследователи предлагают пересмотреть стратегию Вашингтона и вести дело к мирным переговорам, обеспечивающим независимость Киева под гарантии США [Haass and Kupchan, 2023]. Позиция ученых исходит из прагматичной оценки сил и необходимости скорейшего завершения вооруженного конфликта.

Исследователи – «реалисты» особо отмечают внимание к внутренней российской политике со стороны западного истеблишмента и экспертного сообщества. С точки зрения «реалистов», данная позиция является контрпродуктивной. Тем не менее взгляды исследователей остаются в тени преобладающего альянса «алармистов» и «скептиков», для которых существует обусловленность внешней политики тем, насколько то или иное государство соответствует западным стандартам демократии.

Тем не менее позиция таких исследователей, как Дж. Миршаймер, С. Уолт, Ч. Купчан и других представителей политического реализма, становится основой альтернативной точки зрения по вопросу кризиса на Украине. Так, К. Келлог и Ф. Флейц, ранее высокопоставленные сотрудники администрации Д. Трампа, в апреле 2024 года представили доклад [Kellogg and Fleit, 2024], в котором обосновывалось, что конфликт является провалом действующей администрации. Авторы

указывают на необходимость скорейшего его прекращения во избежание более неблагоприятных последствий для Америки в противостоянии с Россией. В докладе воспроизводятся многие аргументы «реалистов», в частности, представление о том, что расширение НАТО стало угрозой для России. Основные положения К. Келлог и Ф. Флейц представлены Д. Трампу как кандидату на пост президента. Следует иметь в виду, что поиск альтернативы политике действующей администрации важная часть внутривластного процесса США в преддверии президентских выборов. Насколько взгляды ученых и экспертов, выступающих за относительную нормализацию российско-американских отношений, будут востребованы и реализованы определенно, можно будет сказать после избирательной кампании.

Обсуждение альтернативных подходов выступает во многом следствием обостряющейся внутривластной борьбы в самих США в преддверии президентских выборов.

Проблема перспектив конфликта на Украине становится предметом внимания со стороны американских аналитических центров. Так, РЭНД Корпорейшн, один из ведущих think tanks, тесно сотрудничающая с Министерством обороны США, представила в начале 2024 года доклад о возможных последствиях конфликта [Priebe and Charap, 2024].

Следует обратить внимание на то, что РЭНД традиционно отличается высокой включенностью в аналитические разработки по стратегии в отношении России, так что данный материал можно рассматривать в качестве продолжения серии аналитических докладов о России (например, Russian Grand Strategy: Rhetoric and Reality, 2021). В докладе предлагаются четыре варианта возможного будущего:

- повсеместная нестабильность;
- локализованная нестабильность;
- холодная война 2.0;
- холодный мир.

Варианты определяются сочетанием двух переменных: более или менее благоприятными для США последствиями войны и более или менее жесткой линией по отношению к России. Обратим внимание на возможные итоги войны. При более благоприятном для Вашингтона геополитическом сценарии война завершается в скором времени, Китай не предоставляет России значительную помощь, Украина добивается скромных территориальных успехов, в результате Россия находится в упадке, ее оборонный потенциал существенно снижен. При этом Украина интегрируется в НАТО, и Америка расширяет свои возможности влияния на постсоветском пространстве. В целом за США

остается выбор между холодной войной и холодным миром с Москвой, который они могут сделать с учетом развития отношений с Китаем.

Менее благоприятное для США завершение войны означает усиление России, ее тесное сотрудничество с Китаем и сужение для США выбора между нестабильностью в глобальном или локальном масштабе. Представляется, что на основе данного анализа возможно говорить о рабочих вариантах целеполагания в конфликте по крайней мере частью политического истеблишмента Вашингтона. При этом экспертиза РЭНД отличается сдержанностью и предостерегает от жесткой политики и эскалации противостояния.

Другим примером прогнозирования возможного мира на Украине выступает разработка группы Белферовского центра науки и международных отношений Гарвардского университета под руководством К. Донфрид [Should the Biden ... 2023]. В аналитической работе поставлен следующий вопрос: стоит ли США оказать давление на Киев, чтобы склонить его к мирным переговорам? Авторы доклада приводят наиболее весомые, на их взгляд, аргументы в поддержку позиции, отрицающей допустимость переговоров с Москвой. Так, говорится о поддержке войны со стороны подавляющего большинства украинцев и о нежелании России добиваться мирных договоренностей. Авторы отмечают, что Кремль не заслуживает доверия. Алармистский тон доклада позволяет говорить о недопустимости для заказчиков и разработчиков материала иного мирного соглашения, нежели такого, при котором Россия будет лишена возможности восстановить свой военный потенциал.

В исследовательском и экспертном сообществе США ведется поиск наиболее оптимальной по жесткости линии в отношении России. Возможно, в качестве предположения отметить, что дискуссии в некоторой мере отражают взгляды политического истеблишмента, его групп. При этом взгляды «реалистов» обозначены и обсуждаются, но заслонены консенсусом «алармистов» и «скептиков». В целом военное поражение российских вооруженных сил, ограничение внешнеполитических возможностей и изменения во внутренней политике Москвы рассматриваются в качестве единого комплекса желаемого исхода текущего военно-политического кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале современного этапа эскалации конфликта, в 2022 году американский эксперт М. Мазарр, говоря о перспективах американской гегемонии, отмечал, что конфликт на Украине уже укрепил

позиции США. Россия вовлечена в тяжелый военный конфликт, Китай опасается новой экономической войны, и союзники вновь сплотились вокруг Америки [Mazarr, 2022]. Настоящее исследование подтверждает, что американский политический истеблишмент, воспринимает конфликт на Украине в широкой перспективе своих амбиций по переформатированию системы международных отношений.

Отнюдь не исключено, что американская гегемония выстраивает свою стратегию противостояния поднимающимся центрам силы путем втягивания их в конфликты на истощение, которые они не силах избежать, не пожертвовав своими жизненно важными интересами. Каузальные связи в отношениях Москвы и Вашингтона приведшие к конфликту в актуальном его виде позволяют говорить о том, что США на уровне политических установок подготавливались к интенсификации российско-украинского конфликта.

«Стратегическое поражение России», о котором говорят и пишут американские политические деятели и эксперты, возможно представить в качестве двух взаимосвязанных целей. Во-первых, существенно ограничить российский военный и экономический потенциал, возможности суверенного развития, лишить влияния на постсоветском пространстве, разорвать торговые и гуманитарные связи. Данная цель достигается в настоящее время путем военных поставок на Украину, введением экономических санкций и антироссийской пропагандой. При этом вне зависимости от непосредственных результатов конфликта США заинтересованы в продолжении такой политики. Во-вторых, речь идет о подчинении политики России интересам Вашингтона. Военно-экономическое истощение должно привести к внутривнутриполитической дестабилизации.

В связи с этим закономерным является внимание американских экспертов к российской внутренней политике. Результатом Вашингтону видится смена российской правящей элиты и «новая сделка», о которой писала Нуланд. Политика Москвы станет определяться из Белого дома. В качестве еще одного следствия рассматривается вовлечение России в противостояние с Китаем – основным соперником США в XXI веке.

Таким образом, союз вашингтонских «скептиков» и «алармистов» по российскому вопросу придает новое содержание политике сдерживания, о которой указывается в официальных документах и исследовательских публикациях. Актуальное содержание данного понятия заключается в стратегии ускорения упадка России. Иными словами, на современном этапе противостояния политические устремления США в отношении России финализируются в требовании признать поражение, которое должно иметь решительный характер и долгосрочные политические последствия.

Исследование взглядов политического истеблишмента позволяет охарактеризовать политику США в отношении Украины и военного конфликта как крайне самонадеянную. Такая политика не учитывает объективные обстоятельства, социальные, национально-этнические, религиозные и другие факторы. Вашингтон руководствуется собственными субъективными представлениями, делая ставку на истощение военных, политических, социально-экономических и моральных ресурсов России. В этой связи следует ставить вопрос о том, готова ли правящая элита Америки взять на себя ответственность за возможные результаты следования выбранным политическим установкам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19–24.
2. Шишков В. В., Хорошев С. В. Украинский вопрос в контексте эволюции внешнеполитической стратегии США // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3(37). С. 145–168.
3. Несмашный А. Д. Российский допинг для американской гегемонии // Россия в глобальной политике. 2022. № 6 (118). С. 35–48.
4. Сафранчук И. А. Устойчивые системы стратегических взглядов на Россию в американском экспертном сообществе // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 6(45). С. 93–105. EDN VHIXLT.
5. Mitchell A. W. Strategy for Avoiding Two-Front War // The National Interest. 22.08.2021. URL: <https://nationalinterest.org/feature/strategy-avoiding-two-front-war192137>.
6. Nuland V. Pinning down Putin: How A Confident America should deal with Russia // Foreign Affairs. July/Aug. 2020. Vol. 99 № 4. P. 93–106.
7. Sullivan J. The Sources of American Power // Foreign Affairs. 2023 Vol. 102. № 6. P. 8–29.
8. Jarábik B. BreakPoint: Scenarios and Regional Implications of the Russo-Ukrainian War. 23 Oct. 2023. URL: <https://www.iwm.at/europes-futures/publication/break-point-scenarios-and-regional-implications-of-the-russo-ukrainian>.

9. Hill F. Putin's Running Out of Time // Foreign Policy. 14.07.2022 URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/14/putin-russia-war-fiona-hill-future-west-nato/>;
10. Hill F. Delivers Insights on Russia's Perennial Role in Global Geopolitics. 21.03.2024. URL: <https://www.russiamatters.org/blog/fiona-hill-delivers-insights-russias-perennial-role-global-geopolitics>.
11. Plokhy S. The War That Neither Ukraine nor the West Can Afford to Lose // The Wall Street Journal. Dec. 12, 2023 URL: <https://www.wsj.com/world/russia-ukraine-war-stakes-nato-2ac4150e>.
12. Two Years On, What's Next in Ukraine? // Foreign Policy. Feb. 19, 2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/02/19/ukraine-russia-war-two-years-anniversary-news-zelensky-putin/>.
13. In It to Win It: The Future of Ukraine and Transatlantic Security. 2024. URL: <https://securityconference.org/en/msc-2024/agenda/event/in-it-to-win-it-the-future-of-ukraine-and-transatlantic-security/>.
14. Walt S.M. Nobody Actually Knows What Russia Does Next // Foreign Policy. Apr. 2, 2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/04/02/russia-putin-nato-warning-war-west/>.
15. Haass R., Kupchan Ch. Redefining Success in Ukraine // Foreign Affairs, Nov. 17, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/redefining-success-ukraine>.
16. Kellogg K. and Fleit F. America First, Russia, & Ukraine. 29.04.2024. URL: <https://americafirstpolicy.com/issues/america-first-russia-ukraine>.
17. Priebe M. and Charap S. The Day After: Postwar U.S. Strategy Toward Russia. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2024. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA2510-1.html.
18. Should the Biden Administration Pressure the Ukrainians to Go to the Negotiating Table and Resolve the Dispute With Russia Diplomatically? Nov. 16, 2023. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/should-biden-administration-pressure-ukrainians-go-negotiating-table-and-resolve>.
19. Mazarr M. J. Understanding Competition. Great Power Rivalry in a Changing International Order – Concepts and Theories. RAND Corporation. 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep40392>.

REFERENCES

1. Belozеров, V. K. (2015). The National Security Strategy of the United States as a New Manifesto of Global Hegemony. *Vlast*, 4, 19–24. (In Russ.)
2. Shishkov, V. V., Khoroshev, S. V. (2023). Ukrainskij vopros v kontekste ehvolyucii vneshnepoliticheskoy strategii SSHA=Ukrainian issue in the context of the evolution of the U.S. foreign policy strategy. *Russia and the World. Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia*, 3(37), 145–168. (In Russ.)
3. Nesmashny, A. D. (2022). Russian doping for american gehemony. *Russia in Global Politics*, 6(118), 35–48. (In Russ.)
4. Safranchuk, I. A. (2015). Sustainable systems of strategic views on Russia in the American expert community. *MGIMO Review of International Relations*, 6(45), 93–105.
5. Mitchell, A. W. (2021). Strategy for Avoiding Two-Front War. *The National Interest*. <https://nationalinterest.org/feature/strategy-avoiding-two-front-war192137>.
6. Nuland, V. (2020). Pinning down Putin: How A Confident America should deal with Russia. *Foreign Affairs*, 99(4), 93–106.
7. Sullivan, J. (2003). The Sources of American Power. *Foreign Affairs*, 102(6), 8–29.
8. Jarábik, B. (2023). Break Point: Scenarios and Regional Implications of the Russo-Ukrainian War. 23 Oct. <https://www.iwm.at/europes-futures/publication/break-point-scenarios-and-regional-implications-of-the-russo-ukrainian>.
9. Hill, F. (2022). Putin's Running Out of Time. *Foreign Policy*. <https://foreignpolicy.com/2022/07/14/putin-russia-war-fiona-hill-future-west-nato/>.
10. Hill, F. (2024). Delivers Insights on Russia's Perennial Role in Global Geopolitics. <https://www.russiamatters.org/blog/fiona-hill-delivers-insights-russias-perennial-role-global-geopolitics>.
11. Plokhy, S. (2023). The War That Neither Ukraine nor the West Can Afford to Lose. *The Wall Street Journal*. Dec. 12. <https://www.wsj.com/world/russia-ukraine-war-stakes-nato-2ac4150e>.
12. Two Years On, What's Next in Ukraine? (2024). *Foreign Policy*. Feb. 19. <https://foreignpolicy.com/2024/02/19/ukraine-russia-war-two-years-anniversary-news-zelensky-putin/>.
13. In It to Win It: The Future of Ukraine and Transatlantic Security. (2024). <https://securityconference.org/en/msc-2024/agenda/event/in-it-to-win-it-the-future-of-ukraine-and-transatlantic-security/>.
14. Walt, S. M. (2024). Nobody Actually Knows What Russia Does Next. *Foreign Policy*. Apr. 2. <https://foreignpolicy.com/2024/04/02/russia-putin-nato-warning-war-west/>.

15. Haass, R., Kupchan, Ch. (2023). Redefining Success in Ukraine. Foreign Affairs, Nov. 17. <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/redefining-success-ukraine>.

16. Kellogg, K., Fleit, F. America First, Russia, & Ukraine. 29 Apr. <https://americafirstpolicy.com/issues/america-first-russia-ukraine>.

17. Priebe, M., Charap, S. (2024). The Day After: Postwar U.S. Strategy Toward Russia. Santa Monica: RAND Corporation. https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RBA2510-1.html.

18. Should the Biden Administration Pressure the Ukrainians to Go to the Negotiating Table and Resolve the Dispute With Russia Diplomatically? (2023). Nov. 16. <https://www.belfercenter.org/publication/should-biden-administration-pressure-ukrainians-go-negotiating-table-and-resolve>.

19. Mazarr, M. J. (2022). Understanding Competition. Great Power Rivalry in a Changing International Order – Concepts and Theories. RAND Corporation. <https://www.jstor.org/stable/resrep40392>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишков Василий Валерьевич

кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественнонаучных дисциплин
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishkov Vasily Valerievich

PhD (Political Science), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Socio-humanitarian, Economic and Natural Sciences
Institute of Law and National Security
Russian Academy of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию	27.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	08.07.2024	approved after reviewing
принята к публикации	10.07.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 321

Не числом, а умением Как русский штык прорвался сквозь Альпы

В. К. Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vk_belozerov@mail.ru

Аннотация. Переход русских войск под командованием Суворова в борьбе с превосходящим противником и с силами природы через Альпы в 1799 году стал возможен благодаря таланту полководца, его образованию, стойкости и самобытной системе подготовки войск. В профильной литературе и общественно-политическом дискурсе о Суворове и Швейцарском походе проявляются искажения и ошибки. Интересы укрепления обороны страны и военного развития России требуют объективного восприятия свершений полководца и русских войск.

Ключевые слова: Суворов, военная культура, Швейцарский поход, духовный фактор на войне, победа, Австрия, оборона России

Для цитирования: Белозёров В. К. Не числом, а умением. Как русский штык прорвался сквозь Альпы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 56–65.

Original article

Not by Quantity, but by Skill How the Russian Bayonet Broke through the Alps

Vasily K. Belozerov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vk_belozerov@mail.ru

Abstract. The crossing of the Alps by Russian troops under the command of Suvorov in 1799, during their struggle against a superior enemy and the forces of nature, was made possible due to the general's talent, education, resilience, and unique system of military training. However, in specialized literature and socio-political discourse regarding Suvorov and the Swiss campaign, distortions and errors are evident. The interests of strengthening national defense and advancing military development in Russia require an objective understanding of the achievements of the commander and the Russian forces.

Keywords: Suvorov, military culture, Suvorov's Swiss campaign, spiritual factor of war, victory, Austria, defense of Russia

For citation: Belozerov, V. K. (2024). Not by quantity, but by skill. How the Russian bayonet broke through the Alps. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 56–65. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 году исполняется 225 лет Швейцарскому походу русской армии под командованием генералиссимуса князя Александра Васильевича Суворова. К настоящему времени об этом семнадцатидневном походе, совершенном в чрезвычайно сложных условиях, написано достаточно. Кампании 1799 года в Италии и Швейцарии посвятили свои изыскания известные исследователи. Тем не менее, сохраняются стихийно возникшие или специально созданные пробелы и ошибки, бытуют упрощения, возникают лубочные образы. Они способны ввести в заблуждение и затруднить объективное восприятие тех событий, свершений русских войск, которыми командовал непобедимый полководец. В данной статье предпринята попытка освободить восприятие полководца и событий тех дней от некоторых наносных искажений, которые не только вредят прошлому и настоящему, но и «работают» против будущего.

СУВОРОВ КАК ПУШКИН РУССКОЙ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Вообще, символично, что Александр Пушкин появился на свет как раз в дни, когда русский фельдмаршал одержал очередную победу на реке Треббия в Италии. Спустя век талантливый русский публицист Михаил Меньшиков назвал полководца Пушкиным военной культуры [Меньшиков, 1905, с. 330]. Суворов, как образец самобытной военной культуры, вне всяких сомнений, заслужил такого звания.

В профильной литературе встречаются оценки относительно недостаточного образования полководца. Между тем с самого детства особый интерес у будущего генералиссимуса вызывала военная и военно-историческая литература, причем, в основном, на французском языке. Юноша внимательно читал книги о деяниях Александра Македонского, Цезаря и Ганнибала, принца Конде и Евгения Савойского, Тюренна, Карла XII, Петра Великого. Образованием, в отличие от многих сверстников, Суворов занимался в течение всей жизни. Он бегло говорил на французском и немецком, мог общаться на финском, турецком и итальянском языках. В ссылке в новгородском имении Кончанское, где он находился в бурное для Европы и России время с мая 1797-го по февраль 1799 года, Суворов использовал время для образования и изучения напряженной международной и военно-политической обстановки. В глухой деревне он изучал научную литературу, выписывал не только русские, но и иностранные издания, в том числе периодические. Уместно отметить, что получать

информацию об обстановке на европейском театре военных действий тогда можно было только из газет [Clausewitz, 1832, с. 25].

Неудивительно, что непобедимый генералиссимус еще при жизни стал в нашей стране легендарной личностью и национальным достоянием. Как полководец, он не проиграл ни одного из 60 сражений, что является уникальным случаем в военной истории. Его духовное наследие многоплановое и включает военно-стратегические, политические, военно-педагогические и иные компоненты. После смерти Суворова в мае 1800 года его последователи, следуя заветам полководца, заложили основы для будущих военных успехов. Немало героев и полководцев 1812 года считали себя его учениками. В эту славную плеяду входят Михаил Кутузов, Петр Багратион, Матвей Платов, Николай Раевский, Михаил Милорадович, Александр Тормасов, Яков Кульнев и многие другие.

В СССР Суворов был выведен из забвения лишь в канун Великой Отечественной войны¹. В этой связи стали получать признание достижения национального военного искусства, подвиги русской армии, ее полководцы. С началом войны народу, власти и армии для победы оказались востребованы не только коммунистическая идеология, но и другие духовные опоры. Не случайно праздничную речь на Красной площади 7 ноября 1941 года Сталин завершил словами: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Необычным стало то, что все перечисленные персоналии принадлежали к дворянскому сословию.

29 июля 1942 г., когда враг рвался к Волге и на Кавказ, был учрежден орден Суворова. Им награждались советские полководцы и командиры за выдающуюся организацию и проведение операций, в которых меньшими силами был разбит превосходящий по численности противник. В августе 1943 года были основаны суворовские военные училища. Их питомцы достойно проявляют себя на поприще военной и государственной службы, в науке и культуре. Живет духовное наследие полководца и в современной России. В 1994 году была учреждена медаль Суворова. В течение ряда лет с 2015 года в Вооруженных Силах России по решению начальника Генерального штаба проводились Суворовские чтения.

Правомерен вопрос о причинах успехов Суворова, популярности и жизнеспособности его идей и свершений.

¹Так, тематический номер «Военно-исторического журнала», посвященный Суворову, вышел только в 1940 году (№ 5).

ИНИЦИАТИВА И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ПОБЕДЫ

У Суворова еще при жизни находилось немало критиков и противников, которые часто либо не понимали действительных причин его успехов, либо оценивали их поверхностно и предвзято. Реагируя на ложные представления, полководец высказался весьма выразительно: «Один раз везенье, другой раз везенье! Когда-нибудь надо же и уменье!»

В действительности восхождение к такому «умению» было не быстрым и не беспроблемным. Несколько лет Суворов прослужил в звании капрала и сержанта в гвардейском Семеновском полку, досконально узнав солдатскую жизнь. Позже с учетом полученного опыта службы Суворов сформулировал свой известный афоризм: «Дисциплина – мать победы».

Уже в первые годы службы будущий полководец накрепко усвоил необходимость выстраивания доверительных отношений с солдатами и овладел этим искусством. По его мнению, каждому солдату должен быть понятен смысл установленных командованием действий. Такой педагогический подход находился в явном противоречии с распространенным в то время мнением, что с солдатами следует обращаться как с бездушными предметами. Суворовская система дала свои плоды: боевой дух его войск был неизменно высоким в самых сложных условиях.

По убеждению полководца, для успешного ведения военных действий необходимо, чтобы каждый солдат и каждый офицер точно знал свою задачу. Суворовская инструкция войскам с выразительным названием «Наука побеждать» вышла через шесть лет после его смерти, в 1806 году, в период с 1806 по 1812 год состоялось девять ее изданий. В ходе же Итальянской кампании 1799 года Суворов отдал приказ на немецком языке подчиненным австрийским войскам, в котором изложил свои правила и требования по их подготовке [Милютин, 1852, т. 1, с. 271–272; 574–578].

Суворов изыскивал возможности, чтобы минимизировать последствия бессмысленных или не соответствующих существующему положению дел распоряжений. Отдавая приказы подчиненным командирам, он предоставлял им пространство для самостоятельных действий в рамках принимаемых ими решений. В этом отношении характерно предписание, направленное Суворовым 11 июня 1799 года австрийскому фельдмаршал-лейтенанту Отту: «Могу Вам только указать цель, но, исходя из нее, Вы, господин фельдмаршал-лейтенант, действуйте наилучшим образом по Вашему

усмотрению в зависимости от местных условий» [Суворов, 1953, с. 91]. Примеров, подтверждающих следование Суворовым такому методу, достаточно.

Отданные в сжатой и образной манере приказы и указания Суворова всегда предусматривали инициативу и самостоятельность подчиненных. Некоторые распоряжения оставались для «сторонних наблюдателей» непонятными. Полководец же добивался, чтобы смысл приказа понимался с полуслова и правильно. Такое требование распространялось не только на русские войска, но и на австрийских соратников Суворова. Пример – приказ, собственноручно написанный им в ходе сражения при Нови на немецком языке в стихах, направленный генерал-фельдцейхмейстеру Павлу фон Крау [Милютин, 1852, т. 3, с. 40]:

Es lebe Säbel und Bajonett:
Keine garstige Retraite!
Erste Linie durchgestochen,
andere umgeworfen.
Reserve nicht hält
weil da Bellegarde und Kray der Held.
Der Letzte hat Suworow
den Weg zu denen Siege gebannet¹.

Подобный способ общения с австрийскими сослуживцами не был единственным случаем. Во время Швейцарского похода полководец направил предписание находившемуся на австрийской службе швейцарцу фельдмаршал-лейтенанту фон Готце. На конверте рукой Суворова было начертано [Милютин, 1853, с. 283]:

Am 20. sind die Tragtiere bereit,
Den 21. – zieht Rosenberg zum Streit,
Den 22. – folgt Tierfeld zur Schlacht,
Den 24. – ist Gotthardsberg erobert durch Macht.
Dann haben wir durch Säbl und Bajonett
Die Schweiz von ihrem Untergang gerett².

¹Да здравствует сабля и штык,
Да сгинет гнусная ретирада!
Первая линия насквозь пронизана,
Другая – совершенно уничтожена.
Резерв не поддерживает.
Но если там Беллегард и Край-герой,
То последний проложит Суворову дорогу к победам.

Копия приказа была направлена Суворовым австрийскому генералу Меласу.

²Двадцатого – готовы мулы,
Двадцать первого – Розенберг готовится к схватке,
Двадцать второго – схватка становится сражением,
Двадцать четвертого – Сен-Готард взят силой,
И тогда саблей и штыком
Спасем Швейцарию от краха.

Такое общение было не только признаком доверительности, но и действенным способом поддержания духа подчиненных.

В связи с изложенным заслуживает внимания мнение о том, что именно германская, а не русская армия взяла в XIX веке на вооружение и заимствовала суворовский метод руководства, который назван «тактикой поручений» (Auftragstaktik) [Служение России ... 2016, с. 42].

«БУДУЩЕЕ УПРАВЛЯЕТ НАСТОЯЩИМ»

Оригинальный подход Суворова к организации боевых действий и ведению войны проявлялся не только на тактическом и оперативном уровнях, но и на стратегическом.

Наглядным примером является видение им борьбы против Франции. В сентябре 1798 года Павел I поручил находящемуся на русской службе французскому офицеру Прево де Люмиану узнать у находящегося в ссылке Суворова мнение относительно грядущей войны. В свойственной ему форме полководец продиктовал в концентрированном виде мысли относительно будущей совместной кампании России и Австрии:

1. Только наступление.
2. Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие.
3. Не рассуждать – хороший глазомер.
4. Полная власть командующему.
5. Атаковать и бить противника в поле.
6. Не терять времени в осадах... Так имеешь меньше потерь.
7. Никогда не распылять силы для охранения разных пунктов.
8. Итак, нужен один обсервационный корпус на Страсбург, да еще подвижный корпус на Люксембург. Его острие продвинуть с непрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта...
9. Италия, Нидерланды легко последуют за Парижем [Суворов, 1986, с. 325–326].

Следовательно, когда фельдмаршал принял командование союзными войсками в Италии, он уже имел четкое представление о целях и результатах войны. К слову сказать, в самой Франции после разгромного поражения при Нови вступление русских войск считали неотвратимым, и настроения были близки к паническим. На юге страны стали учить фразы на русском языке, в Марселе возникла мода на женские шляпы а-ля Суворов [Манфред, 1987, с. 212]. Во французских городах активизировались роялисты, которые открыто

скандировали: «Да здравствует Суворов! Долой республику!» [Тарле, 1991, с. 65].

Русский полководец имел твердую решимость относительно умиротворения Франции и предупреждал о грядущей Европе угрозе: «...Моя система, иначе ... 30-летняя война...» [Суворов, 1986, с. 337]. В перенесении боевых действий на территорию Франции он видел спасение Европы от большой войны. Вопреки его предупреждениям события развивались по худшему сценарию, и война затянулась на десятилетия.

Для Суворова же как главнокомандующего важно было обладать свободой действий в принятии решений, находясь в рамках общих политических директив. С его точки зрения, представление о будущем есть неотъемлемая предпосылка для разработки планов войны, конкретных операций и подготовки войск. Ранее, в письме князю Потемкину в августе 1787 года он уже высказался по этому поводу: «Будущее управляет настоящим» [Суворов, 1986, с. 111].

Между тем во времена господства в Европе кабинетной политики военные цели сторон определялись прежде всего монархическими интересами. Поэтому уже в начале Итальянской кампании 1799 года проявились различия в целеполагании России и Австрии. Русский император объявил целью кампании восстановление в Северной Италии прежнего статус-кво. Павел I требовал низложения Франции и реставрации законной королевской власти. Внимание же Австрии, а именно придворного военного совета (гофкригсрата), было сосредоточено на завоевании Северной Италии. Отсюда вытекало различное понимание о целях войны Суворовым и гофкригсратом.

Позиция Суворова относительно предстоящей кампании, предполагавшая решительные стратегические цели, не соответствовала политическим установкам. И прежде всего речь идет о сложившихся между союзными державами противоречиях. По мнению Суворова, задача поражения буржуазной Франции не могла быть решена в ограниченных рамках итальянского театра военных действий. Так или иначе, но в своих далекоидущих стратегических планах полководец не был поддержан. В первую очередь, его намерения не соответствовали плану австрийского гофкригсрата. Суворов же был поставлен перед свершившимся фактом и в конечном итоге оказался побежден политиками. Русские войска были направлены из Северной Италии в Швейцарию. Заявленная цель Альпийского похода также не была достигнута.

И все же деятельный полководец инициативно разработал несколько вариантов операции против французской Ривьеры. Последний такой

план он предложил уже после вывода русских войск из Швейцарии, незадолго до своей смерти. И это была победа Суворова, победа духовного свойства.

Как известно, и военный теоретик Клаузевиц почти в течение всей жизни теоретически воевал против Франции. Поскольку настоящим его врагом оказался Наполеон, Клаузевиц, по мнению политического мыслителя Карла Шмитта, и «стал творцом политической теории войны» [Schmitt, 1967, с. 499]. Только в последние годы жизни, в 1828–1831 годы, Клаузевиц разработал несколько планов войны против Франции.

Ему было известно о намерениях Суворова нанести решительное поражение Наполеону. Такая цель соответствовала заветной мечте Клаузевица. Можно предположить, что намерения русского полководца усиливали исследовательский интерес Клаузевица к нему.

ПРИЗНАНИЕ ПРЕВОСХОДСТВА ДУХА

Пожалуй, одной из лучших отечественных библиографий о Суворове, содержащей в том числе и его оценку иностранными авторами, на сегодня остается работа, вышедшая в 1940 году [Колубовский, 1940]. Материал отличается тщательностью проработки, нетерпимостью к неточностям и поверхностному подходу отечественных и зарубежных авторов. И. Я. Колубовский констатирует также, что «заговор молчания» о Суворове продолжался в Европе вплоть до появления трудов Клаузевица в 1830-е годы [там же, с. 143]. Действительно, прусский теоретик уделил Суворову значительное внимание. Причем в секундарной отечественной литературе порой необоснованно указывается на неверную оценку русского военного гения прусским теоретиком войны в качестве подтверждения ограниченности его взглядов.

Интерес к полководцу возник у Клаузевица при создании трудов о кампаниях в Италии и Швейцарии, написанных во второй половине 1820-х годов. В это время он работал над восьмой книгой своего главного труда «О войне», когда уже состоялась трансформация его исследовательского метода и в фокусе рефлексии оказалась политика. Поэтому и оценка Клаузевицем Суворова будет неполной без понимания им России. Ее он считал великим государством, ее общественным и политическим устройством объясняет он провал завоевательных планов Наполеона.

Для сравнения следует указать, что сам Клаузевиц был настоящим пруссаком и болезненно переживал судьбу родины. Книгу о национальной катастрофе 1806 году он начинает с констатации

уничтожающего факта, утверждая, что Пруссия «погибла из-за своих форм государственного устройства» [Клаузевиц, 1937а, с. 9]. Т.е. причины, предопределившие военный разгром, он считал политическими. При анализе кампании 1799 года Клаузевиц с сарказмом оценивал и австрийский имперский гофкригсрат, «на знамени которого было написано слово „рутина“» [Клаузевиц, 1938, с. 13].

Мнение о Суворове сильно отличается от оценок, которые Клаузевиц дал другим известным полководцам, также сражавшимся против французов. Так, оценка им эрцгерцога Карла Австрийского оказалась фактически обвинением. Клаузевиц указывает на преступное малодушие эрцгерцога, который «должен был до своего отхода использовать свой явный перевес сил, чтобы наголову разбить Массену. То, что он этого не сделал, – больше, чем осторожность, это – трусость!» [Клаузевиц, 1939, с. 48].

С юмором и сарказмом оценивал Клаузевиц действия австрийского фельдмаршал-лейтенанта Меласа. Например: «Мелас, будучи человеком старым и боязливым, всегда считал наиболее угрожаемым тот пункт, на котором он сам находился» [Клаузевиц, 1938, с. 249]. Из-за задержки выступления австрийских войск к реке Адде Суворов пишет Меласу письмо на немецком языке с едким упреком: «До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота на марше промочила ноги» [Суворов, 1986, с. 333]. Письмо полководца приводит в своем труде и Клаузевиц.

Иным предстает Суворов, яркую индивидуальность которого признавал Клаузевиц. Так, он в высшей превосходной степени отзывался о решении русского полководца в битве при Треббии: «Нет слов для того, чтобы выразить все восхищение этим решением союзного главнокомандующего» [Клаузевиц, 1938, с. 252]. Клаузевица поражало, что само присутствие полководца на поле боя оказывало магический эффект на войска. При Треббии поэтому противник не только был отражен, но русские перешли в контратаку: «На том пункте, где он находился, союзники всегда оказывались решительными победителями, хотя бы они вели бой, не имея численного превосходства над противником» [Клаузевиц, 1938, с. 263].

Характеризуя русского полководца, Клаузевиц использует самые возвышенные эпитеты: «прославленный Суворов», «энергичный», «гений Суворова», «гордый дух бесстрашного Суворова», «голос русского вождя, который сам представлялся гигантской фигурой» и др. Воспроизводит Клаузевиц и знаменитую суворовскую формулу победы: глазомер, быстрота, натиск. Он полагал, что французский генерал Массена потерпел

поражение в том числе и «под влиянием морального впечатления смелого похода, ореола имени Суворова» [Клаузевиц, 1939, с. 103]. Никаким другим полководцем Клаузевиц в своих трудах так не восхищался.

Оценка Суворова присутствует и в труде Клаузевица о войне 1812 года, с ним сравнивается новый главнокомандующий Кутузов. Клаузевиц верно воспринял и объяснил причины и последствия решения императора о назначении. Ожидания и надежды народа, правящей элиты и армии после понесенных поражений были связаны только с Кутузовым, учеником Суворова, приверженцем его победоносного способа ведения войны. Россия видела в нем «нового Суворова в несколько уменьшенном масштабе» [Клаузевиц, 1937, с. 77]. Относительно Кутузова Клаузевиц выразил мнение, что «он знал русских и умел с ними обращаться» [там же, с. 81]. Фактически эта оценка совпадает с известным изречением Суворова: «Я знаю свою нацию и способы действенные» [Суворов, 1986, с. 139]. То есть настоящий пруссак Клаузевиц почувствовал и ухватил смысл и дух Суворова, настоящего русского.

Прусский философ войны высоко оценивал боевые качества русских войск. Такое эмоциональное отношение сквозит уже в его заявлении о стремлении рассказать «о походе через горы, не имеющем себе равного во всей военной истории, а по своей трудности и проявленной в нем выносливости граничащем почти с невероятным» [Клаузевиц, 1939, с. 56].

Клаузевиц испытывал настоящий восторг от превосходных боевых качеств русских войск, которые и проявились во время Швейцарского похода. Так, он пишет, что в бою у Чертова моста «русские дали новое великое доказательство своей отваги и решимости» [там же, с. 113]. В других его трудах трудно обнаружить батальные картины, создающие яркие чувственные образы. Читая же описание похода, возникает впечатление, будто он сам участвовал в нем: «Уже шесть дней карабкается его армия то вверх, то вниз по скалистым крутизнам. Уже в течение трех дней бьется она за овладение пешеходными тропами, мостами, переходит вброд через Рейсу, карабкается на ее крутой берег, поодиночке ползет по узким мостикам и бревнам; проливной дождь поливает ее из туч, низко нависающих над склонами гор, вздувает ручьи и реки, затрудняет каждый шаг. Продовольствие на выючных животных не поспевает за войсками, и утомленные бойцы ограничиваются тем, что они находят у местных жителей или отбивают у французов. Так труды и лишения с удвоенной силой истощают силы русских...» [там же, с. 116].

Клаузевиц будто жалеет, что не смог участвовать в тех героических деяниях. Глубоко впечатлен он и духовной властью Суворова над войсками и ее результатами. Характерна следующая оценка: «То, что Суворов потребовал этого от своей армии в том истощенном состоянии, в котором она была в Альторф, свидетельствовало о невероятной силе воли полководца, и то, что он добился этого от нее, было свидетельством замечательной власти Суворова над духом своих войск. Осторожный полководец, если вообще можно себе представить такого полководца в подобном положении, остановился бы, а потом повернул бы вспять. Но Суворов чувствовал себя слишком сильным, чтобы отступить перед подобными трудностями, и слишком гордым, чтобы допустить даже мысль, что по собственной вине он не прибудет на тот сборный пункт борьбы, который сам назначил своим генералам» [там же, с. 116].

Клаузевиц убедительно показал, что сражаться и побеждать в суровых условиях Альп могли только войска, сплоченные волей к победе: «И вот бедные русские, еще не отдохнувшие от своего перехода через Кинциг-Кульм, влача за собой массу больных и раненых, в большинстве своем босые, терпящие нужду в самом насущном, снова ценой невыразимых усилий были вынуждены перебираться через один из высочайших альпийских хребтов, которые вот уже две недели везде становились поперек пути и должны были вызывать в них ощущение, будто они находятся во власти какой-то Демонической силы, поклявшейся их погубить в этих скалистых местах» [там же, с. 132].

Несмотря на то что общие итоги Швейцарского похода оказались для союзников негативными, Клаузевиц оценивает достигнутый результат прежде всего как феномен духовного свойства: «Если по своим материальным последствиям поход Суворова был скорее поражением, чем победой, зато в духовном отношении он явился больше победой, чем поражением» [там же, с. 134]. Данное обстоятельство оказалось не единственным, обусловившим исследовательский интерес мыслителя.

Так, изучение кампании 1799 года укрепило позиции и выводы Клаузевица по ряду важных политико-военных теоретических вопросов. Можно указать на оценки им соотношения политического и военного руководства, на понимание специфики коалиционных войн и отношений между союзниками. Он специально подчеркнул: «Эти войны замечательны еще и в том отношении, что союзники, ведя их, руководствовались не только общим чувством возмущения против врага, но также обособленными мелкими политическими интересами; разногласия между союзниками и последовавшие затем

военные неудачи скоро привели к расторжению союза» [Клаузевиц, 1938, с. 6].

На этапе завершения труда «О войне» им были изложены требования, которым должен удовлетворять командующий союзной армией. Клаузевиц полагает, что «не следует, как то часто случается, выбирать на роль командующих армиями, подчиняемых иностранному главному командованию, самых осторожных и осмотрительных, а, наоборот, самых предприимчивых» [Клаузевиц, 1936, с. 423–424]. По его мнению, это должны быть «решительные, предприимчивые люди, которых гонит вперед внутреннее влечение их собственного сердца, ибо редко бывает достаточно одного лишь объективного холодного убеждения в необходимости действовать» [там же, с. 424]. Думается, к таким выводам его подвиг именно анализ действий Суворова на посту командующего русскими и австрийскими войсками, который в полной мере обладал указанными качествами.

Описание Клаузевицем военных кампаний 1799 года в Италии и Швейцарии необычно своей высокой эмоциональной напряженностью, что, казалось бы, плохо вяжется с присущим ему трезвым, порой деспотичным аналитическим мышлением. В смелости, решительности, «невероятной энергии», проявленных в «невероятном походе», благодаря которым были преодолены коварство Венского двора, численное превосходство противника, силы природы, разбиты «нагромождение стратегических доктрин и стратегическое прокрустово ложе» видит величие Суворова и австрийский исследователь Карл Биндер, о чем он подробно пишет в труде «Дух и материя на войне» [Binder, 1896, с. 522–624].

Приведенные оценки и признания вызывают интерес, поскольку исходят от представителей отличной от российской военной традиции и школы. Обращает на себя внимание и то, что А. А. Свечин, будучи знатоком Клаузевица, сравнил исследование им кампаний 1799 года с подходами Д. А. Милютина и французского генерала Камона. И вывод он сделал в пользу прусского философа войны: «в правдивости окончательных выводов изложение Клаузевица может поспорить с Милютиным и Камоном и далеко превосходит их по глубине и цельности» [Свечин, 1935, с. 217].

КАК АВСТРИЯ ВЫСВОБОДИЛА ЭНЕРГИЮ СУВОРОВА

В связи с освещением описываемых событий имеет смысл внести ясность об отношении Суворова к Австрии. При изучении некоторых произведений о походах 1799 года в Италии и Швейцарии –

в том числе и трудов Клаузевица – может возникнуть устойчивое впечатление о вражде Суворова к Австрии и австрийцам. Факты же свидетельствуют о другом. Свою – совершенно обоснованную – критику Суворов направлял против политики Венского гофкригсрата и его вмешательства в непосредственное управление войсками, против конкретных решений и действий некоторых австрийских командиров. Вместе с тем высокие качества и достижения своих австрийских боевых товарищей полководец признавал.

Для прояснения вопроса уместно обратиться к хронологии событий.

Вскоре после начала царствования Павла I прославленный полководец попал в немилость. Войдя в 1796 году на престол, император хотел лично все контролировать и устанавливать, ничто не должно было происходить без его ведома. Уже 13 ноября, через неделю после смерти Екатерины II, он повелевает распустить генеральный штаб. 20 ноября последовал приказ о роспуске всех штабов в войсках.

Сопrotивляясь ограничению свободы действий, Суворов не мог игнорировать новый регламент, однако его штаб в Новороссии, пока было возможно, продолжал функционировать. В конечном итоге Павел I приказал уволить строптивого фельдмаршала со службы. Решение императора должно было особо задеть Суворова: он не имел права ношения формы и орденов, в отставку он был отправлен без пенсии. Да и сам приказ Павла I не был доведен ему непосредственно. С отставкой в феврале 1797 года началось время бездействия Суворова.

Когда же русский и австрийский императоры пришли к соглашению направить войска в Италию, сразу встал вопрос о главнокомандующем. Выбор пал на Суворова. Важной причиной решения стало то, что благодаря победам в войнах против Турции, одержанным вместе с австрийскими войсками, полководец получил заслуженное признание в Австрии. Русско-австрийские войска под его командованием одержали в 1789 году блистательные победы над многократно превосходящим по численности противником. После этого Суворов получил от своих австрийских товарищей прозвище «Генерал Вперёд», а император Иосиф II произвел его в графы Священной Римской империи.

В итоге Павел I фактически был принужден к тому, чтобы согласиться с предложением Австрии. Назначение на должность главнокомандующего союзными войсками означало и признание заслуг Суворова. То есть завершение ссылки Суворова состоялось фактически благодаря Австрии. Официальное назначение состоялось 13 февраля

1799 г. В рескрипте Павла I отмечалось, что полководец будет действовать в Италии «по требованию верного союзника Нашего Римского императора и сходственно с желанием Нашим» [Суворов, 1953, с. 4]. Одновременно – вопреки существовавшей тогда практике – Суворов как главнокомандующий получил широкие полномочия. Тем самым была освобождена и энергия полководца, и он мог в полной мере проявить свой талант.

Еще до отъезда он приступил к созданию штаба. По его требованию был принят на службу ранее уволенный начальник канцелярии. Ведя боевые действия, Суворов опирался на штаб, представленный Австрией. Генерал-квартирмейстером союзной армии был назначен генерал Шателер, который разрабатывал задачи для войск в соответствии с указаниями Суворова. Русский полководец наградил его титулом «Молодец».

Последняя императорская немилость вновь была обусловлена наличием у Суворов штабной службы. В рескрипте от 20 марта 1800 г. Павел I выразил свое неудовольствие по этому поводу: «Дошло до сведения Моего, что во время командования Вами войсками Моими за границу имели Вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех Моих установлений и Высочайшего устава» [Суворов, 1953, с. 28]. Вскоре, в конце апреля, по приказу императора были отозваны все адъютанты Суворова. Через несколько дней генералиссимус скончался.

Характерно и следующее. Как известно, в марте 1799 года император Франц II удостоил Суворова званием фельдмаршала Священной Римской Империи. Русский полководец полагал честью носить мундир австрийского фельдмаршала. Незадолго до смерти он уклонился от выполнения пожелания своего императора отказаться от австрийского воинского звания. В марте 1800 года Суворов писал: «Я бы законно желал быть иногда в публике в иностранном мундире: Великому Императору это слава, что подданный их достойно заслужил» [Суворов, 1986, с. 388]. Полководец написал о мундирах во множественном числе, поскольку одновременно носил и звание сардинского фельдмаршала.

Символично и то, что на последнем прижизненном портрете непобедимый полководец согласно своему пожеланию изображен в белом мундире австрийского фельдмаршала. Портрет, который фактически стал каноническим, был написан дрезденским придворным художником Генрихом Шмидтом в январе 1800 года во время пребывания Суворова в Праге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кампании 1799 года в Италии и Швейцарии стали вершиной многолетней военной деятельности Суворова. Войска, которыми он командовал, всегда побеждали в сложных условиях, не только военных и природных, но и политических, что вызывало и вызывает восхищение. Духовное же наследие Суворова представляет собой интересный объект исследования и является источником для дальнейших научных изысканий.

Помнят о Суворове и русских войсках как о освободителях и в Италии [Итальянский поход Суворова ... 2021]. Бережно сохраняются памятные места и реликвии, связанные с Суворовым и его войсками, в Швейцарии. Они являют собой признание благородства и стойкости перед противником и перед природной стихией [Драгунов, 1995]. Недавние мерзкие выходки русофобов, ополчившихся против памятников Суворову и суворовцам, не способны повлиять на доброе отношение к ним швейцарцев. Эта память выдержала испытание временем.

Между тем «заговор молчания» в отношении Суворова почти без изменений сохраняется в Европе и поныне. Труд Клаузевица о кампании 1799 года в Италии и в Швейцарии с момента его выхода в 1834 году до сих пор не переиздан на Западе, возможно, как раз потому, что автор с нескрываемым восхищением описывал Суворова, героизм и боевые качества русских войск при переходе через Альпы.

Интересы же укрепления России требуют военной реформации, которая невозможна без осмысления и восприятия идейных достижений Суворовского наследия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Меньшиков М. О. Письма к близким. СПб., 1905.
2. Clausewitz, Carl. von. Über das Leben und den Charakter von Scharnhorst. Besonders abgedruckt aus: Historisch-politische Zeitschrift; herausgeben von Leopold Ranke. Berlin, 1832. S. 17–35.
3. Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 1. СПб., 1852.

4. Суворов А. В. Документы / под ред. [и с введ.] полк. Г. П. Мещерякова. Т. 1-4. (Главное архивное управление МВД СССР. Центральный государственный военно-исторический архив. Институт истории Академии наук СССР. Материалы для истории русской армии / Сборники документов под общ. ред. ген.-лейт. А.В. Сухомлина, ген.-майора В.Д. Стырова. Русские полководцы). М.: Воениздат, 1953. Т. 4: 1799–1800.
5. Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1852. Т. 3.
6. Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 4. СПб., 1853.
7. Служение России: Актуальное наследие генералиссимуса А. В. Суворова и генерала от инфантерии М. Д. Скобелева / сост. А. Е. Савинкин. М.: Русский путь, 2016.
8. Суворов А. В. Письма / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1986.
9. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М.: Мысль, 1987.
10. Тарле Е. В. Наполеон. М.: Наука, 1991.
11. Schmitt C. Clausewitz als politischer Denker // Der Staat. 1967. № 4. S. 479–502.
12. Колубовский И. Я. Суворов в литературе // Военно-исторический журнал. 1940. № 5. С. 135–145.
13. Клаузевиц К. 1806 год. М.: Госвоениздат, 1937а.
14. Клаузевиц К. 1799 год. М.: Госвоениздат, 1938.
15. Клаузевиц К. Швейцарский поход Суворова 1799 года. М.: Госвоениздат, 1939.
16. Клаузевиц К. 1812 год. М.: Госвоениздат, 1937б.
17. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1936. Т. 2.
18. Binder Frhr. v. Krieglstein, Carl. Geist und Stoff im Kriege. Wien und Leipzig: Wilhelm Braumüller, k. u. k. Hof- und Universitätsbuchhändler, 1896.
19. Свечин А. А. Клаузевиц. М.: Журнально-газетное объединение, 1935.
20. Итальянский поход Суворова: взгляд из Италии / сост., пер., науч. ред. М. Г. Талатая. СПб.: Алетейя, 2021.
21. Драгунов Г. П. Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии. М.: Мысль, 1995.

REFERENCES

1. Men'shikov, M. O. (1905). Pis'ma k blizhnim = Letters to loved ones. Saint Petersburg. (In Russ.)
2. Clausewitz, C. von. (1832). Über das Leben und den Charakter von Scharnhorst. Besonders abgedruckt aus: Historisch-politische Zeitschrift; herausgeben von Leopold Ranke (S. 17–35). Berlin.
3. Milyutin, D. A. (1852). Istoriya voyny 1799 goda mezhdru Rossiiyey i Frantsiiyey v tsarstvovaniye imperatora Pavla I = History of the war of 1799 between Russia and France during the reign of Emperor Paul I (vol. 1). St.Petersburg. (In Russ.)
4. Meshcheryakova, G. P. (Ed.). (1953). Suvorov A. V. Dokumenty = Suvorov A. V. Documents (vol. 4: 1799–1800): in 4 vols. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
5. Milyutin, D. A. (1852). Istoriya voyny 1799 goda mezhdru Rossiiyey i Frantsiiyey v tsarstvovaniye imperatora Pavla I = History of the war of 1799 between Russia and France during the reign of Emperor Paul I (vol. 3). St.Petersburg. (In Russ.)
6. Milyutin, D. A. (1853). Istoriya voyny 1799 goda mezhdru Rossiiyey i Frantsiiyey v tsarstvovaniye imperatora Pavla I = History of the war of 1799 between Russia and France during the reign of Emperor Paul I (vol. 4). St.Petersburg. (In Russ.)
7. Savinkin, A. E. (2016). Sluzheniye Rossii: Aktual'noye naslediyey generalissimusa A. V. Suvorova i generala ot infanterii M. D. Skobeleva = Current legacy of Generalissimo A. V. Suvorov and Infantry General M.D. Skobelev. Moscow: Russkiy put'. (In Russ.)
8. Lopatin, V. S. (1986). Suvorov A. V. Pis'ma = Suvorov A. V. Letters. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Manfred, A. Z. (1987). Napoleon Bonapart = Napoleon Bonaparte. 4th ed. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
10. Tarle, E. V. (1991). Napoleon = Napoleon. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Schmitt, C. (1967). Clausewitz als politischer Denker. Der Staat, 4, 479–502.
12. Kolubovskiy, I. Ya. (1940). Suvorov v literature = Suvorov in literature. Voenno-istoricheskiy zhurnal, 5, 135–145. (In Russ.)
13. Clausewitz, K. (1937a). 1806 god = 1806. Moscow: Gosvoenizdat. (In Russ.)
14. Clausewitz, K. (1939). 1799 god = 1799. Moscow: Gosvoenizdat. (In Russ.)

15. Clausewitz, K. (1939). Shveytsarskiy pokhod Suvorova 1799 goda = Suviriv's Swiss campaign in 1799. Moscow: Gosvoenizdat. (In Russ.)
16. Clausewitz, K. (19376). 1812 god = 1812. Moscow: Gosvoenizdat. (In Russ.)
17. Clausewitz, K. (1936). O voyne = About war (vol. 2). Moscow: Gosvoenizdat. (In Russ.)
18. Binder, Frhr. v. Krieglstein, C. (1896). Geist und Stoff im Kriege. Wien und Leipzig: Wilhelm Braumüller, k. u. k. Hof- und Universitätsbuchhändler.
19. Svechin, A. A. (1935). Klauzevits = Clausewitz. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob"yedineniye. (In Russ.)
20. Talataya, M. G. (Ed.). (2021). Ital'yanskiy pokhod Suvorova: vzglyad iz Italii = Suvorov's Italian campaign: a view from Italy. St.Petersburg: Aleteyy. (In Russ.)
21. Dragunov, G. P. (1995). Chertov most: Po sledam Suvorova v Shveytsarii = Devil's Bridge: In the footsteps of Suvorov in Switzerland. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белозёров Василий Клавдиевич

доктор политических наук, профессор

заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета

член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belozеров Vasily Klavdievich

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor

Head of the Chair of Political Science, Moscow State Linguistic University

Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.09.2024
08.10.2024
08.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 331.1

Проблемы трудовых ресурсов в строительстве в СССР

В. Н. Горлов¹, С. Н. Артемов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹gorlov812@mail.ru

²ar7emov.ser@yandex.ru

Аннотация. В статье ставятся проблемы образования и квалификации трудовых ресурсов советской строительной индустрии. Советский строитель должен был быть не только высококвалифицированным, но и широко образованным человеком, способным активно участвовать в решении стоящих перед страной социальных, экономических и технических задач. Решение проблемы повышения производительности труда в строительных работах самым тесным образом было связано с наличием стабильных квалифицированных кадров, эффективным управлением трудовыми ресурсами в целом.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, строительство, квалифицированные кадры, профессионально-техническое обучение, научно-технический прогресс

Для цитирования: Горлов В. Н., Артемов С. Н. Проблемы трудовых ресурсов в строительстве СССР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 66–73.

Original article

Problems of Labor Resources in Construction in the USSR

Vladimir N. Gorlov¹, Sergej N. Artemov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹gorlov812@mail.ru

²ar7emov.ser@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problems of education and qualifications of labor resources in the Soviet construction industry. The Soviet builder had to be not only a highly qualified, but also a widely educated person, capable of actively participating in solving the social, economic and technical problems facing the country. The solution to the problem of increasing labor productivity in construction work was closely related to the availability of stable qualified personnel and effective management of labor resources in general.

Keywords: labor resources, construction, qualified personnel, vocational training, scientific and technological progress

For citation: Gorlov, V. N., Artemov, S. N. (2024). Problems of labor resources in construction in the USSR. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 66–73. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

До Великой Октябрьской социалистической революции строители представляли собой весьма малочисленный и слабо организованный отряд трудящихся. В. И. Ленин отмечал три этапа в развитии строительного производства в дореволюционной России: первый – когда «...строительное дело первоначально входило в круг домашних работ крестьянина...», второй – когда «...строительные рабочие превращаются в специалистов-ремесленников...», и третий – когда «...местный ремесленник превращается в отхожего рабочего, которого нанимает предприниматель-подрядчик, постепенно втирающийся между потребителем и производителем и превращающийся в настоящего капиталиста» [Ленин, 1971, с. 530–531].

В первые годы советской власти строительные работы в основном выполнялись так называемыми рабочими-«отходниками» из сельской местности, а строительство в значительной мере носило сезонный характер. Среди каменщиков, землеплов, плотников, штукатуров отходники составляли 60–80 %, а в общей массе строительных рабочих они в 1928 году составляли 71,5 %. Ежегодно по окончании строительного сезона отходники возвращались в деревни [Градов, 1968].

Укреплению строительных организаций содействовало постановление СНК СССР «О мерах по упорядочению капитального строительства, промышленности и электрохозяйства», принятое в июле 1928 года. Оно определило основные в тот период направления развития строительства: переход от хозяйственного способа выполнения строительно-монтажных работ к подрядному, механизацию строительства, типовое проектирование. Это позволило уже к концу первой пятилетки в основном преодолеть сезонность труда строителей [Баранов, 1962].

Пятилетка была ознаменована вводом в действие 1500 крупных промышленных предприятий. За годы первых пятилеток строители приобрели опыт возведения крупных промышленных предприятий, сложных инженерных сооружений, разнообразных жилых и общественных зданий¹. На практической работе выросли рабочие-новаторы, крупные организаторы строительного производства, проектировщики иученые, которые своим трудом способствовали дальнейшему научно-техническому прогрессу в строительстве.

¹ Труды VI сессии академии строительства и архитектуры СССР по вопросам градостроительства. 7–9 декабря 1960 г. М.: Госстройиздат, 1961.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства», принятое в 1936 году, определило меры по дальнейшему развитию крупной строительной индустрии. Огромное значение имели постановления Верховного Совета СССР «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства» (1938 год) и постановление Верховного Совета СССР «Об образовании общесоюзного Наркомата по строительству» (1939 год)².

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОСТОЯННЫМИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ КАДРАМИ

Продолжением трудового подвига советских строителей стало восстановление разрушенного войной народного хозяйства в небывало короткие сроки. В послевоенные годы вехами развития строительной отрасли стали: образование в 1950 году Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства» (1954), «О развитии жилищного строительства в СССР» (1957), определившие курс на широкую индустриализацию строительства, а также ряд постановлений 1969 года «О совершенствовании планирования капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства», «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» [Москва, 1977]. Реализация намеченных мер значительно повысила технический и экономический уровень строительного производства, укрепила роль подрядных строительных и монтажных организаций. Строительство приняло грандиозный размах. Если в первой пятилетке объем выполненных строительно-монтажных работ составил 7,2 млрд руб. (в сопоставимых ценах), а во второй – 15,7 млрд руб., то в восьмой пятилетке – уже 209,9, в девятой – 291,0 [Реконструкция, 1987, с. 85].

Вследствие научно-технического прогресса постоянно росла производительность труда в строительстве, а среднегодовая численность рабочих, приходящаяся на 1 млн руб. выполненных строительно-монтажных работ, систематически снижалась: так, если в 1932 году на 1 млн руб. строительно-монтажных работ приходилось около

² Труды II сессии академии строительства и архитектуры СССР по вопросам жилищного строительства. 15–20 мая 1957 г. М.: Госстройиздат, 1958.

1 тыс. 300 человек, в предвоенные годы – немногим более 500, в годы послевоенных пятилеток – около 260, то в 1965 году – уже 136, а к 1979 году – только 76 человек [Глазычев, 1987].

Бурное развитие капитального строительства в стране требовало обеспечения строительных организаций постоянными квалифицированными кадрами, работу с которыми советское государство всегда ставило в центр внимания партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций. Если в 1923–1924 годы в строительстве работало 200 тыс. человек, в 1928 году – 748 тыс., в 1940 г. – 2 млн 567 тыс., то к 1979 году численность работающих в строительных организациях достигла 11,32 млн человек. Это составляло более 10 % среднегодовой численности работающих в народном хозяйстве СССР [Лаппо, 1987].

Начиная с 1931 года комплектование строительных организаций рабочими в значительной степени осуществлялось путем организованного набора на основе договоров с колхозами. Система оргнабора действовала и в предвоенные годы, и в годы послевоенных пятилеток, но ее роль как источника комплектования строительных кадров постепенно уменьшалась [Второй, 1956]. В то же время возрастала доля пополнения, комплектуемого самими стройками из местных трудовых ресурсов. Значимым источником комплектования строительства рабочими кадрами стали школы строительного ученичества, в дальнейшем – школы ФЗО и ПТУ.

Среди работающих в строительстве постоянно шел процесс возрастания удельного веса квалифицированных рабочих и особенно инженерно-технического персонала. Если в 1928 году удельный вес ИТР в составе работников строительных организаций составлял 3 %, то в 1940 году – 7,7; в 1977 году – уже 12,9 % [Светличный, 1978]. Ранее строительные кадры пополнялись в основном малоквалифицированными и неквалифицированными рабочими. Требовалось обучить их строительным профессиям, вести огромную работу по повышению квалификации непосредственно на производстве.

В первые годы Советской власти, когда строительство находилось на низком техническом уровне, а основными строительными материалами служили дерево, кирпич и естественный камень, состав строительных рабочих по профессиям был следующим: плотники и столяры – 43 %; штукатуры и маляры – 16,1; печники – 12,1; каменщики – 9,9; кровельщики – 8,0; землекопы – 3,3; прочие профессии – 7,6 % [Борисовский, 1963].

Начавшаяся в конце 1950-х годов широкая индустриализация строительства существенно

изменили профессиональный состав рабочих, занятых в строительстве. С 1962 по 1975 годы постепенно снизилась доля рабочих общестроительных профессий (главным образом, за счет плотников, столяров, землекопов) с 45,9 до 42 %. Существенно уменьшилась доля прочих профессий (кузнецов, жестянщиков, клепальщиков и др.), а также транспортных (подсобных) рабочих – с 9,5 до 6,5 %. Значительно возросли абсолютная численность и доля монтажников конструкций и оборудования, слесарей и сварщиков – с 19,5 до 26,8 %, а также механизаторов-машинистов строительных машин и их помощников – с 9,4 до 15,5 % [Глазычев, 1987].

В неразрывной связи с изменением состава рабочих-строителей по профессиям находятся изменения в их квалификации. В 1960–1970-е годы удельный вес квалифицированных рабочих значительно вырос. По данным единовременного учета ЦСУ СССР почти 80 % состава строителей в конце 1970-х годов являлись квалифицированными рабочими. По сравнению с 1939 годом их удельный вес увеличился в 2 раза [Трушков, 1983]. Под влиянием научно-технического прогресса качественный рост профессионально-квалификационного уровня рабочих-строителей позволил им работать с большей эффективностью и высоким качеством. Огромный вклад в развитие капитального строительства внесли передовики производства, рабочие-новаторы. Внедрение метода бригадного подряда создало новые отношения на стройке, дополнительные экономические стимулы труда.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ СТРОИТЕЛЬСТВА

Строительство представляло собой одну из самых трудоёмких отраслей народного хозяйства. В структуре затрат на строительно-монтажные работы доля живого труда была в два раза больше, чем в промышленном производстве [Жилой, 1965]. Поэтому вопросы, связанные с трудовыми ресурсами, имели для строительства особое значение.

Почему возникала потребность в дополнительных трудовых ресурсах в строительстве? Здесь необходимо отметить два основных фактора. Первый (он общий для всего народного хозяйства) был связан с систематической заменой работников, выбывших из производства (уход на учебу, призыв в Советскую армию, уход на пенсию, увольнения по собственному желанию). Второй фактор был связан с тем, что в строительстве темпы роста производительности труда отставали от темпов роста объемов производства. Кроме того, дальнейшее освоение Сибири, Дальнего Востока и Севера требовало организованных, планируемых

перемещений значительных масс квалифицированных рабочих из освоенных районов, что осложняло работу по обеспечению строек необходимыми трудовыми ресурсами.

В СССР в значительной мере обеспечивалось плановое распределение и перераспределение трудовых ресурсов по территории страны и отраслям народного хозяйства. Этому способствовали: система организационного трудоустройства населения; система профессионально-технического образования; общественные призывы; система отраслевых льгот (срок выхода на пенсию, тарифные ставки, продолжительность отпуска и др.); система межхозяйственной кооперации в использовании рабочей силы.

Около 300 тыс. человек ежегодно пополняли армию строителей с помощью системы организованного набора на основе балансов рабочей силы, отражающих состояние обеспеченности и потребности региона в ней. Эффективным и конкретным источником пополнения трудовых ресурсов строек квалифицированными кадрами служили профессионально-технические училища. Сеть ПТУ постоянно расширялась. Одной из форм организованного набора были общественные призывы, опирающиеся на высокие идейно-политические качества советской молодежи. Только в девятой пятилетке на строительство БАМа по комсомольским путевкам приехало 35 тыс. юношей и девушек [Светличный, 1978].

Использовались и такие формы обеспечения кадрами строек, как организованное трудоустройство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы, организованное направление на стройки учащихся высших и средних учебных заведений в каникулярное время. Всё более действенную помощь оказывали строителям студенческие строительные отряды (ССО), ставшие, по существу, важным дополнительным источником трудовых ресурсов отрасли. Работы в ССО развивали у будущих командиров производства нужные профессиональные и организаторские качества. Дополнительная потребность в кадрах обеспечивалась также самими стройками путем приема на месте незанятой части трудоспособного населения.

К 1980-м годам для СССР стало характерно сокращение притока трудовых ресурсов. Объясняется это несколькими, одновременно действующими факторами. Во-первых, практически была исчерпана возможность притока трудоспособного населения из домашнего и личного подсобного хозяйства. Во-вторых, в силу различных причин с 1961 года

наблюдалось снижение рождаемости. В-третьих, в 1980-е годы ощутимым станет влияние отдаленных последствий Великой Отечественной войны. Так, по данным НИИ ЦСУ СССР, во второй половине 1970-х годов в трудоспособный возраст (16 лет) вступило значительно больше человек, чем вступило в первой половине 1980-х годов. В-четвертых, трудовые ресурсы уменьшались в связи с ростом числа пенсионеров. Существующая и усиливающаяся напряженность баланса трудовых ресурсов страны СССР стала одной из причин, вызывающих необходимость интенсификации развития общественного производства [Трушков, 1983].

Важное значение имело повышение роли государственных органов в решении проблем формирования, распределения и использования трудовых ресурсов. В 1976 году Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы был преобразован в союзно-республиканский орган – Государственный комитет Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам. Формирование на этой основе единой системы органов по труду позволило усилить государственное руководство и координацию в деле использования трудовых ресурсов. Успех улучшения использования трудовых ресурсов зависел и от того, насколько действенно эта задача решалась в конкретных отраслях народного хозяйства, на конкретных предприятиях и стройках.

Большое значение имело дальнейшее улучшение женской занятости на стройках. Доля женщин в числе работников строительства с 1950 по 1978 год несколько снизилась. По проценту занятости женщин строительство находилось на предпоследнем месте (после транспорта) среди отраслей народного хозяйства. В апреле 1978 года Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление «О дополнительных мерах по улучшению условий труда женщин, занятых в народном хозяйстве». Постановлением Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 25 июля 1978 года был утвержден новый список производств, профессий и работ с тяжелыми и вредными условиями труда женщин и охрану их здоровья. Участие рабочих-женщин в тяжелом ручном труде и недостаточная их занятость в механизированном труде существенно зависела от руководителей строек. Данные обследований показали, что среди рабочих высокой квалификации процент женщин был значительно ниже, чем процент мужчин, хотя уровень общеобразовательной подготовки женщин-строителей был выше, чем у мужчин [Бархин, 1979].

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ НА СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРОФЕССИИ

Анализ показал, что между удельным весом молодежи до 30 лет в составе строителей и выполнением плана по производительности труда существовала прямая зависимость. Другими словами, привлечение и закрепление на стройке молодежи были одним из важных резервов роста производительности труда. Влияние возрастного фактора на эффективность производства во многом было связано с повышением образовательного уровня молодежи.

В чем была причина снижения в строительстве удельного веса молодежи? «Старение» рабочих строительства в немалой степени вызывалось недостаточной популяризацией строительных профессий среди молодежи. Большинство опрошенных школьников связывало повышение привлекательности строительных специальностей с улучшением условий труда. Не последнюю роль играли для молодежи и внешние атрибуты профессии: красивая форма, название профессии и т. п.

Эффект от профориентации был весьма низкий. Одно из ее следствий – трудности с выполнением планов приема в строительные профессионально-технические училища. Причем, как показали данные специальных опросов, немалая часть поступивших в ПТУ выбрала свою профессию случайно, не связывая с ней свои планы на будущее. Профориентация – один из краеугольных камней актуальной проблемы обеспечениястроектрудовыми ресурсами. Комплексное разрешение этой проблемы в системе «средняя школа – ПТУ – строительная организация» способно было дать плодотворные результаты. Нашим стройкам были нужны квалифицированные кадры, грамотные, способные решать задачи, которые ставил перед ними научно-технический прогресс.

В 1979 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных кадров и закреплению их в строительстве» обязали Государственный комитет СМ СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли расширить издание литературы о героике жизни, труде и быте строителей. Государственному комитету СССР по кинематографии и Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию было поручено увеличить выпуск фильмов и количество передач по радио и телевидению о стройках, о работе передовых коллективов, новаторов производства [Решения, 1979].

ЗАКРЕПЛЕНИЕ КАДРОВ НА СТРОЙКАХ

Строительные министерства, ведомства, хозяйственные и общественные организации вели большую работу по обеспечениюстроек постоянными кадрами. В январе 1968 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению капитального строительства кадрами». Оно предусматривало значительное улучшение условий труда, общественного питания и медицинского обслуживания работниковстроек. Средняя зарплата строительных рабочих только за годы девятой пятилетки возросла на 21 %. В результате текучесть рабочих кадров в строительстве уменьшилась почти в 1,5 раза [Матусевич, Товбин, Эрмант, 1976].

В 1979 году вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных кадров и закреплению их в строительстве» [Решения, 1979]. Оно предусматривало ряд мер по повышению материальной заинтересованности работников строительства. Был значительно повышен размер выплат учащимся ПТУ, обучающимся строительным и монтажным профессиям, за время производственной практики. Крупной мерой, направленной на закрепление кадров в строительстве, стала выплата работникам строительно-монтажных трестов, управлений, осуществляющих строительство подрядным способом, единовременного вознаграждения за выслугу лет после первого года работы. Постановление предусматривало также мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий строительных рабочих, общественного питания на стройках, по улучшению медицинской помощи строителям, по усилению государственного санитарного контроля за соблюдением норм и правил по охране труда в строительстве.

По данным исследований ВНИПИ труда, в строительстве Госстроя СССР основные мотивы увольнения рабочих из строительных организаций – недовольство организацией производства и труда, условиями труда, жилищно-бытовыми условиями и отсутствием мест в детских дошкольных учреждениях, заработной платой (нормами и расценками), условиями для учебы. Всё большее значение для рабочих приобретали такие факторы их профессиональной деятельности, как взаимоотношения в коллективе и другие социально-психологические факторы. Структура мотивов увольнений существенно менялась в зависимости от пола, возраста, уровня общего образования и других демографических и профессионально-квалификационных факторов. Их совокупность

требовала от руководителей строек дифференцированного подхода к разработке мероприятий по закреплению рабочих кадров.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ-СТРОИТЕЛЕЙ

Научно-технический прогресс в строительстве вызывал значительные изменения в содержании труда рабочих. Современный рабочий должен обладать большим объемом знаний из различных областей науки и техники, иметь высокую квалификацию. Это обуславливало необходимость совершенствовать формы и методы подготовки квалифицированных рабочих. В то же время изменения в содержании труда строительных рабочих требовали улучшения и общеобразовательной подготовки как важнейшей основы повышения квалификации. Эта необходимость вытекала, в частности, из того, что рабочие, имеющие более высокий общеобразовательный уровень, быстрее повышали свою квалификацию, активнее участвовали в рационализаторской работе.

По данным ВНИПИ труда в строительстве в строительной отрасли наблюдалось некоторое несоответствие между уровнями фактической и необходимой общеобразовательной подготовки. Так, машинисты кранов, землеройных машин должны были иметь общее среднее образование, а машинисты отдельных наиболее сложных машин – среднее техническое. Однако фактический уровень общего образования рабочих-механизаторов составлял 7–8 классов. Расчеты ВНИПИ труда в строительстве показали, что доля строительных профессий, для овладения которыми рабочие (в основном монтажники и механизаторы) должны были окончить 8–10 классов, составляла 55–60 % [Трушков, 1983].

Рост общеобразовательной подготовки рабочих сопровождался возрастанием их требований к условиям труда, к своей профессии, к организации отношений внутри коллектива. Уровень общего образования рабочих опережал в своем росте уровень содержательности и привлекательности труда рабочих-строителей. Более всего были не удовлетворены своей профессией рабочие в возрасте до 20 лет, имеющие самый высокий уровень общего образования. С его ростом возрастали также требования к условиям труда, условиям учебы и повышения квалификации, к состоянию культурно-массовой и спортивной работы.

Если общеобразовательный уровень строительных работ повысился (благодаря росту поступления на стройки выпускников школ), то уровень

их профессиональной подготовки был недостаточно высок. Дополнительная потребность строительных организаций в квалифицированных рабочих в значительной мере покрывалась путем краткосрочной подготовки на производстве, однако она не давала рабочему знаний, полностью соответствующих требованиям научно-технического прогресса.

В Советском Союзе подготовка рабочих в условиях социализма была направлена, прежде всего, на удовлетворение общенародных интересов. Советский рабочий должен был быть не только высококвалифицированным, но и широко образованным человеком, способным активно участвовать в решении стоящих перед нашей страной социальных, экономических и технических задач.

Накопленный в СССР профессиональный опыт подтверждал практическую целесообразность развития сети средних ПТУ. Перевод обычных строительных ПТУ в средние положительно сказалось на закреплении кадров, на дальнейшем росте их квалификации. Большой срок обучения, длительная производственная практика, годичная отсрочка от службы в Советской Армии способствовали укреплению связей выпускника со строительной организацией, уменьшали потенциальную текучесть кадров. Многие и после службы в армии возвращались на стройку.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся в системе профтехобразования» [Решения, 1979, с. 89–97] предусматривало привлечение к работе в ПТУ высококвалифицированных специалистов, хороших производственников, знатных строителей, справедливо рассматривая это как серьезный резерв повышения качества учебного и воспитательного процесса. В результате состав мастеров производственного обучения качественно значительно улучшился.

Во многих строительных организациях вопросам подготовки и повышения квалификации рабочих кадров уделялось самое серьезное внимание. В таких строительных организациях, как Всесоюзное объединение Череповецметаллургхимстрой Минтяжстроя СССР, тресты Спецстроймеханизация, Краснодарпромстрой и Тюменьгорстрой Минпромстроя СССР, Учебно-курсовой комбинат Минмонтажспецстроя СССР в Рязани, Учебно-курсовой комбинат треста Краснодарсельстрой Минсельстроя СССР, организация обучения во многом отвечала современным требованиям, совершенствовалась учебно-материальная база обучения, повышалось качество обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика передовых строек свидетельствовала о том, что разработка и реализация мероприятий по улучшению формирования, распределения и использования трудовых ресурсов составляли один из важнейших резервов повышения эффективности производства. Строительная отрасль занимала в индустриальном комплексе СССР одно из ведущих мест. В ее состав входили высокоразвитая сеть крупных строительно-монтажных организаций и предприятия, выпускающие строительные конструкции и материалы. За 1960–1980-е годы мощность строительных организаций в СССР значительно выросла, укрепилась их производственная база, повысилась степень индустриализации строительства. Строительные профессии претерпели большие качественные изменения,

ибо их содержание, организация труда рабочих, материалы, с которыми они имели дело, во многом стали другими.

Чтобы строить много, прочно, красиво, нужны были постоянные, высококвалифицированные кадры. Нужно было их заведомо и заботливо растить, постоянно совершенствовать, создавать условия для творческой работы и общественной деятельности граждан. В СССР уделяли повседневное внимание вопросам формирования квалифицированных кадров строителей. Решение проблемы повышения производительности труда в строительно-монтажных работах самым тесным образом было связано с наличием стабильных квалифицированных кадров, эффективным управлением трудовыми ресурсами в целом и непосредственно производственными коллективами, с улучшением работы с кадрами на стройках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1971. Т. 3.
2. Градов Г. А. Город и быт. М.: Стройиздат, 1968.
3. Баранов Н. В. Современное градостроительство. М.: Госстройиздат, 1962.
4. Москва: годы обновления и реконструкции. М.: Московский рабочий, 1977.
5. Реконструкция центров исторических городов. М.: Стройиздат, 1987.
6. Глазычев В. Л. О нашем жилище. М.: Стройиздат, 1987.
7. Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987.
8. Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов, 26 ноября – 3 декабря 1955 г. М.: Госстройиздат, 1956.
9. Светличный Б. Е. Город в современном мире. М.: Стройиздат, 1978.
10. Борисовский Г. Б. Современная строительная техника и эстетика. М.: Госстройиздат, 1963.
11. Трушков В. В. Население города и пригорода. М.: Финансы и статистика, 1983.
12. Жилой район и микрорайон. М.: Стройиздат, 1965.
13. Бархин М. Г. Архитектура и человек. М.: Наука, 1979.
14. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1979. Т. 12.
15. Матусевич Н. З., Товбин А. Б., Эрмант А. В. Ориентиры многообразия. Л.: Стройиздат, 1976.

REFERENCES

1. Lenin, V. I. (1971). *Polnoe sobranie sochinenij* = Full Collection Op. (vol. 3). 5th ed. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
2. Gradow, G. A. (1968). *Gorod i byt* = City and be. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
3. Baranov N. V. (1962). *Sovremennoe gradostroitel'stvo* = Modern urban planning. Moscow: Gosstroyizdat. (In Russ.)
4. Moskva: gody obnoveniya i rekonstrukcii = Moscow: years of renewal and reconstruction. (1977). Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russ.)
5. *Rekonstrukciya centrov istoricheskikh gorodov* = Reconstruction of the centers of historical cities. (1987). Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
6. Glazychev, V. L. (1987). *O nashem zhilishche* = About our home. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
7. Lappo, G. M. (1987). *Goroda na puti v budushchee* = Cities on the way to the future. Moscow: Thought. (In Russ.)
8. *Vtoroj Vsesoyuznyj s'ezd sovetskikh arhitektorov, 26 noyabrya – 3 dekabrya 1955 g.* = Second All-Union Congress of Soviet Architects, November 26-December 3, 1955. (1956). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
9. Svetlichny, B. E. (1978). *Gorod v sovremennom mire* = City in the modern world. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

10. Borisovsky, G. B. (1963). Sovremennaya stroitel'naya tekhnika i estetika = Modern construction technology and aesthetics. Moscow: Gosstroyizdat. (In Russ.)

11. Trushkov, V. V. (1983). Naselenie goroda i prigoroda = Population of the city and suburbs. Moscow: Finance and Statistics. (In Russ.)

12. ZHiloj rajon i mikrorajon (1965). = Residential area and microdistrict. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

13. Barkhin, M. G. (1979). Arhitektura i chelovek = Architecture and man. Moscow: The science. (In Russ.)

14. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam = Decisions of the party and government on economic issues (1979). Vol. 12. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

15. Matusevich, N. Z., Tovbin, A. B., Ermant, A. V. (1976). Orientiry mnogoobraziya = Diversity Landmarks. Leningrad: Stroyizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горлов Владимир Николаевич
доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

Артёмов Сергей Николаевич
доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorlov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Artemov Sergej Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.06.2024	approved after reviewing
принята к публикации	11.06.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 93/94

Исторический опыт развития физической подготовки и спорта в войсках НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Г. Е. Забродченко¹, Р. Р. Алескеров²

^{1,2} *Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия*

¹*gen22069@yandex.ru*, ²*r.r.aleskerov@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется одна из важнейших задач Советского государства в условиях Второй мировой войны – подготовка населения к защите Отечества. В статье на основе архивных материалов и документальных источников раскрывается исторический опыт развития и совершенствования в войсках НКВД СССР физической подготовки и спорта в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: боевая подготовка, физическая подготовка, выносливость, спорт, рукопашный бой, войска НКВД

Для цитирования: Забродченко Г. Е., Алескеров Р. Р. Исторический опыт развития физической подготовки и спорта в войсках НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 74–82.

Original article

Historical Experience of the Development of Physical Training and Sports in the Troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)

Gennady E. Zabrodchenko¹, Ramiz R. Aleskerov²

^{1,2} *Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation*

¹*gen22069@yandex.ru*, ²*r.r.aleskerov@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to one of the most important tasks of the state in war conditions – the preparation of the population for the defense of the Fatherland. Based on archival materials and documentary sources, the article reveals the historical experience of improving and developing physical training and sports in the troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War.

Keywords: combat training, physical training, endurance, sport, hand-to-hand combat, NKVD troops

For citation: Zabrodchenko, G. E., Aleskerov, R. R. (2024). Historical experience of the development of physical training and sports in the troops of the NKVD of the USSR during the Great patriotic war (1941–1945). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 74–82. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

К 1 января 1938 года общая численность РККА составляла 1,5 млн человек. С началом войны, в результате мобилизационного развертывания, общая численность войск НКВД (без военно-учебных заведений) составляла около 274 тыс. человек [Кривец, Холоден, Штутман, 1978, с. 173]. Таким образом, почти пятая часть всего личного состава Советских Вооруженных Сил в то время проходила службу в войсках НКВД.

Общее количество кандидатов и членов ВКП(б) среди призванных в войска НКВД в 1940 году составило 3,2 %, комсомольцев – 62,4 %. 99,1 % военнослужащих имело образование не ниже 4-х классов. В приказе НКВД СССР от 25 марта 1941 года отмечено, что призыв в войска НКВД в 1940 году прошел организованно. Окружные отделения по призыву в результате тесного делового контакта в работе с местными органами НКВД совместными усилиями в основном обеспечили пограничные и внутренние войска грамотным, физически здоровым и подготовленным пополнением¹.

Войска НКВД по своему названию, являлись специальными войсками Наркомата внутренних дел и предназначались, как бы сегодня сказали, для решения задач по обеспечению внутренней безопасности государства. Соответственно и соединения оперативных войск НКВД по организационной структуре существенно отличались от стрелковых дивизий РККА. Численность дивизии оперативных войск после развертывания по штату военного времени составляла от 4 тыс. до 8 тыс. 500 человек², в то время как стрелковой дивизии РККА – 10 тыс. 500 человек [Сборник схем и таблиц по организации и вооружению соединений и воинских частей Красной Армии, 1943].

К началу войны войска НКВД оперативно перестраивали свою деятельность в связи с введением в стране военного положения. Перед войсками были поставлены новые задачи военного времени и уточнены прежние задачи.

Значение профессиональной подготовки бойцов войск НКВД, особенно к ведению рукопашного боя и маршевой подготовки имело большое прикладное значение в СССР и до начала войны. Несмотря на принятое в то время убеждение, что рукопашная схватка – это вчерашний день и в будущем все будет решать исключительно стрелковое оружие, в особенности пулеметы и артиллерия, война с Финляндией, и боестолкновения на Халхин-Голе и озере Хасан показали, что высказывание русского

полководца А. В. Суворова «Пуля – дура, штык – молодец!» остается по-прежнему актуальным.

Так, в приказе Народного комиссара обороны Союза ССР «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» № 120 от 16 мая 1940 года говорится: «Опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недостатки в боевом обучении и воспитании армии».³

Впоследствии это особенно наглядно проявлялось и пригодилось в войне с Японией, так как японские войска показали себя стойкими солдатами, готовыми сражаться даже без оружия.

Об истории и подготовки войск и особенно органов НКВД СССР написано очень много и достаточно профессионально. На этих страницах можно привести пример таких работ, как диссертация кандидата исторических наук В. Г. Цыплина «Деятельность войск НКВД по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны», работы П. А. Федорова «Конвойные войска НКВД СССР в боях начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», В. М. Емельянова «Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне», Е. В. Суверова «Спортивное общество «Динамо» как кузница кадров для дальневосточных органов ОГПУ – НКВД СССР», О. В. Красиловой, С. В. Манникова, Р. В. Клочкова «Лыжная подготовка в подразделениях НКВД Дальнего Востока в 30–40-е годы XX века», А. В. Панфилец, А. А. Удальцова «Физическая и спортивная подготовка милиции в период блокады Ленинграда» и многих других. В данной статье рассмотрена подготовка к служебно-боевой деятельности внутренних войск⁴ в годы Великой Отечественной войны с особым акцентом на совершенствование физической подготовки и выносливости.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С началом войны физическая подготовленность военнослужащих приобрела особую значимость. Увеличение численности войск не привело к их качественному улучшению, а наоборот, потребовало акцентировать внимание на повышение выносливости и подготовки поступающего в войска пополнения.

Воины внутренних войск, хорошо подготовленные и натренированные, более успешно действовали в бою, легче переносили тяготы походно-боевой жизни и новобранцы, чтобы не срывать выполнение задач, должны были не отставать

¹ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 12. Д. 96. Л. 106.

²РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 606. Л. 16–20.

³РГВА Ф. 4. Оп. 15. Дело 30 Листы 336–356

⁴В данной статье будет применяться термин как «войска НКВД», так и «внутренние войска».

от профессиональных действий более опытных воинов.

Так, из доклада начальника Главного управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений комбрига Гульева «О состоянии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений» от 1 октября 1939 г., следует:

...1. К моменту реорганизации войск состояние политической, служебной, тактической, строевой и физической подготовки их было в основном удовлетворительным.

2. Основными причинами неудовлетворительного состояния огневой подготовки и посредственной оценки были:

<...>

в) недостаточное обеспечение частей стрельбищами, тирами, учебными приборами, пособиями и снарядами по физической подготовке... [Внутренние войска ... 1977].

В другом приказе начальника Главного управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений генерал-майора Гульева «Об итогах боевой подготовки в 1940 г. и задачах на 1941 г.» № 60 г. Москва от 30 ноября 1940 г. говорится:

...V. Физическая подготовка

В физической подготовке войск нет заметных успехов. Только части 4 дивизии, 7 и 8 бригад получили оценку хорошо.

По физической подготовке ставлю следующие задачи:

1. Тренировать войска:

- а) в передвижениях на лыжах и действиях на них в условиях, приближенных к боевым;
- б) в смелых и решительных действиях в рукопашном бою с оружием и без оружия, с преодолением естественных и искусственных препятствий, на любой местности и в различных условиях;
- в) в преодолении водных преград (переправа вплавь с подручными средствами и без них).

2. Начсоставу изучить оргметодические указания НФП и НПРБ-38 и обучение проводить в строгом соответствии с указаниями; повысить личную подготовку по рукопашному бою, лыжам и гимнастике.

3. Основной упор в физической подготовке сделать на лыжную подготовку и рукопашный бой. В 1941 году по этим видам физической подготовки добиться хороших и отличных показателей.

4. Организовать систематическую работу спортивных секций по подготовке к соревнованиям войск по лыжам, легкой атлетике, гимнастике, рукопашному бою и плаванию в 1941 году.

5. Подготовить 100 % значкистов ГТО 1-й ступени и 25 % значкистов 2-й ступени из числа имеющих значок ГТО 1-й ступени [Внутренние войска..., 1977].

Если в мирное время за невыполнение норматива по физической подготовке воину выставилась неудовлетворительная оценка, то теперь неумение противостоять противнику в рукопашной схватке или неспособность доплыть до берега, быстро и скрытно совершить марш-бросок, могли сорвать выполнение боевой задачи, а зачастую стоить жизни солдату или целому подразделению.

В этой связи роль физической подготовки в повышении уровня боеготовности и боеспособности личного состава войск значительно возросла, как говорится, стала вопросом жизни или смерти.

Для повышения методической подготовки только в войсках НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений в 1939 году был проведен ряд учебно-методических сборов, таких как: 7-дневный командиров соединений, 5-дневный командиров, комиссаров и начальников штабов частей, 30-дневный начальников снайперских команд, 30-дневный инструкторов физической подготовки соединений, 20-дневный начальников инженерной службы соединений и частей, 15-дневный начальников службы ПВО и командиров зенитно-артиллерийских дивизионов, 10-дневный командиров зенитно-пулеметных рот, 10-дневный командиров автомобильных взводов, 45-дневный снайперских команд, 45-дневный станковых пулеметчиков, 45-дневный ручных пулеметчиков, 10-дневный начальников гарнизонов, 45-дневный политруков гарнизонов [Внутренние войска, 1977]. Где обязательно уделялось внимание физической подготовке.

Одновременно продолжилось расширение сети военно-учебных заведений. В соответствии с приказом НКВД СССР от 11 октября 1939 года № 0347 отделение НКВД Государственного Ордена Ленина института физической культуры имени Лесгафта было реорганизовано в Школу физической подготовки войск НКВД¹. Ее основными задачами были подготовка и переподготовка специалистов физической подготовки для войск НКВД СССР.

В предвоенные годы военно-физическая подготовленность учащихся стала одним из основных показателей работы школ. Физическая подготовка включала занятия по лыжной и кроссовой подготовке, гимнастике и спортивным играм, плаванию, военизированным походам, эстафетам и многое другое.

¹ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 533. Л. 78.

Для проведения военно-физической подготовки учащихся в соответствии с законом «О всеобщей воинской обязанности», принятом Верховным советом СССР 1 сентября 1939 года, в статье 75 говорится, что «Начальная военная подготовка учеников проводится во всех школах, начиная с 5 до 7-го класса включительно», а уже в 1940 г. в качестве обязательного школьного учебного предмета в учебный план была включена допризывная военная подготовка, где реализуется разработанная «Программа допризывной военной подготовки учащихся средних школ, техникумов, рабфаков и равных им учебных заведений».

Фактически в предвоенные годы и в годы войны учебные планы и школьные программы разрабатывались, не как ранее, в учреждениях Наркомпроса, а в Комиссариате обороны страны. Так, приказом народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова № 51 от 7 марта 1940 г., была введена в действие программа допризывной военной подготовки учащихся старших классов средних школ, техникумов, рабфаков, школ ФЗУ¹ и высших учебных заведений.

Приказом Народного комиссариата просвещения РСФСР № 592 от 15 августа 1941 года местным органам народного образования было предписано увеличить количество учебных часов на военную подготовку.

В сентябре 1941 года было введено всеобщее военное обучение трудящихся. Физкультурные организации, Осоавиахим и Красный Крест совместно помогали органам Всеобуча готовить прикладным специальностям будущих воинов.

Значимость данного вопроса может быть удостоверена следующим фактом: постановление СНК СССР № 1730 «О военно-физической подготовке учащихся начальных и 1–4 классов неполных средних и средних школ», от 24 октября 1942 года собственноручно подписал председатель Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) И. В. Сталин. В данном историческом документе говорится:

1. Ввести с 1942–43 учебного года во всех начальных и в 1–4 классах неполных средних и средних школ военно-физическую подготовку учащихся.
2. Одобрить утвержденную Народным Комиссариатом Обороны по согласованию с Народным Комиссариатом Просвещения РСФСР программу военно-физической подготовки учащихся указанных школ...²

¹Школа фабрично-заводского ученичества. Школы ФЗУ действовали при крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих. Обучение проходило в основном на базе 7-летней школы. В 1940 году большинство школ ФЗУ были реформированы в ремесленные училища.

²ГАРФ. Ф. Р–5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 67–68.

Тем не менее призыв во внутренние войска осуществлялся неудовлетворительно не только по количеству отобранных к призыву, но и по качеству их военной и политической подготовки. Требовалось принять меры к немедленному повышению физической подготовки призываемой молодежи с тем, чтобы все отобранные по призыву в период мобилизации, могли сразу приступить к занятиям в воинских частях без доподготовки или какой-либо дополнительной адаптации.

В «Кратком обзоре военных действий 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД за период с 22 июня 1941 г. по 9 сентября 1941 г.» командира 22-й мсд НКВД полковник Бунькова, сообщается:

Пробыв 2 дня на отдыхе, дивизия получила пополнение – 590 штыков. Прибывшее пополнение никогда не служило в армии, совершенно не знало военного дела, больше того, 40 чел. оказались по своим физическим недостаткам не пригодными для военной службы и в состав дивизии не приняты...³

В войсках в боевую подготовку *вносились коррективы с учетом уже полученного опыта ведения первых боев*. Начальник Главного управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности генерал-майор А. И. Гульев 12 июля 1941 года потребовал немедленно приступить к практической отработке огневых задач, особенно учить личный состав стрельбе по снижающимся парашютистам и самолетам. Навыки борьбы с танками приобретались в ходе практического гранатометания. Рекомендовалось заменять в подразделениях утреннюю физзарядку штыковым боем и учебным метанием гранат, требовалось повысить уровень подготовки командного состава к занятиям. Для прибывших из запаса призывников ежедневно проводились практические показательные занятия⁴.

Таким образом, время было упущено, срочных мероприятий по повышению физической готовности мобилизованных, должным образом не проводилось, а меры, принимаемые государственными и партийными структурами, осуществлялись крайне запоздало, что, соответственно, не вызвало должного эффекта. Во многом слабая боевая и политическая подготовка связывались и с тем, что она была полностью теоретической и в связи с трудностями предвоенного времени, в ней по факту отсутствовали практические занятия.

³РГВА. Ф. 32904. Оп. 1. Д. 79. Л. 33–44.

⁴РГВА. Ф. 38260. Оп. 1. Д. 240. Л. 25.

Здесь необходимо напомнить доклад К. Е. Ворошилова И. В. Сталину «Об организации и боевой подготовке вновь создаваемых частей Красной Армии в 1941–1942 годах»¹ в котором отмечались имеющиеся проблемы и трудности, формулировались конкретные предложения в адрес командования Красной Армии, наркоматов, местных партийных и советских органов. В частности в докладе представлена информация и выводы после проведенных более 500 проверках 324 дивизий, бригад, отдельных частей и училищ в разных военных округах. Из приписки в конце доклада помощника заведующего секретариатом капитана М. Петрова, следует, что двенадцатистраничный доклад К. Е. Ворошилова не был направлен И. В. Сталину. Вместо него председателю ГКО 10 декабря 1942 года был представлен сокращенный вариант на двух страницах, где кратко сформулированы основные результаты проделанной работы.

В СМИ говорится, что ошибки и неудачи Красной Армии на начальном этапе войны, зачастую, возникали по причине замалчивания острых проблем. Однако данный доклад обращает на себя внимание критическим характером и принципиальностью. В нем говорится о реальном состоянии дел на фронте и выражается стремление, невзирая на тяжелые условия, как можно быстрее обеспечить Красную Армию полноценными, боеспособными бойцами. Подобного рода доклады не единичный случай, когда к руководству страны поступали тревожные сигналы с фронта. Политическому руководству страны систематически направлялись доклады и донесения, в которых отмечались имеющиеся проблемы и трудности, формулировались конкретные предложения и рекомендации различным органам и структурам страны.

Делалось действительно много, так, совершенствовалась нормативно-правовая база боевой подготовки, в том числе, и по физической части. Другое дело, что допускались просчеты и ошибки, а порой всё упиралось в элементарное отсутствие возможностей.

Совершенствовалось методическое обеспечение. В 1938 году принимаются Наставление по физической подготовке сухопутных войск РККА (НФП-38) и Наставление по подготовке к рукопашному бою (НПРБ-38). В нем на более чем 230 страницах рассматриваются общие организационно-методические указания, даются указания по обучению и тренировке во владении холодным оружием и в приемах боя невооруженного с вооруженным, по обучению и тренировке в различных способах передвижения, преодоления различных

препятствий, дается техника приемов и действий в рукопашном бою, владение холодным оружием, приемы штыкового боя, приемы боя малой и большой лопатой, способы метания ручных гранат и многое другое.

С учетом требований военного времени были разработаны и введены в действие регламентирующие физическую подготовку новые руководящие документы, такие как: Программы боевой подготовки воинских частей и соединений, в 1941 году – Руководство по физической подготовке в запасных частях Красной Армии и Руководство по подготовке к рукопашному бою Красной Армии, в 1942 году – Наставление по лыжной подготовке Красной Армии и Руководство по обучению плаванию и переправам вплавь Красной Армии. В 1944 году – Руководство по гимнастике для запасных и учебных стрелковых дивизий Красной Армии и др.

В годы войны физическая подготовка бойцов носила ярко выраженную специальную направленность и проводилась в тесной связи с теми служебно-боевыми задачами, которые выполняли войска НКВД.

Так, в действующих частях наибольшее распространение получила физическая тренировка в процессе боевой подготовки. Она проводилась в ходе учений, в которых личный состав тренировался в бросках в атаку, преодолении водных преград, преодолении препятствий, перебежках или лыжных бросках, рукопашном бое, метании гранат. Всё это актуализировалось в контексте решения конкретных тактических задач. Маршевая подготовка сочеталась с преодолением открытых пространств в высоком темпе, в том числе за танками.

В соединениях и частях, выполнявших служебно-боевые задачи в местах постоянной дислокации, а также в военно-учебных заведениях физическая подготовка личного состава организовывалась в соответствии с разработанными программами боевой подготовки, которые включали все формы физической подготовки: утренняя зарядка, учебные занятия, физическая тренировка в процессе боевой подготовки, спортивная работа.

Формировались новые воинские части и подразделения, в том числе со специальной подготовкой и для выполнения особых задач. Заслуживает упоминания, например, такое легендарное соединение войск НКВД, как отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Ее штаб располагался на стадионе «Динамо». Личный состав бригады формировался комсомольцами из числа студентов и преподавателей московских вузов, а также работников наркоматов государственной безопасности, внутренних дел, внутренних и пограничных войск.

¹ГАРФ ф. Р–5446. Оп. 81 с. Д. 109. Л. 448–460.

В истории создания этой бригады много интересных фактов. Например, в бригаду были включены: политические иммигранты (испанцы, французы, немцы, англичане, чехи, австрийцы, румыны, болгары, греки, поляки), творческая интеллигенция (кинооператор М. Друян, художники А. Ливанов и Д. Цыновский, спецкор «Правды» А. Шаров), полярники (А. Шмаинов и А. Волошин), спортивный журналист Е. Шистер.

Не менее значимо интересно то, что ряды подразделения пополнили спортсмены, в том числе и известные, легкоатлеты Серафим и Георгий Знаменские, И. Степанченко, прыгун в воду Г. Мазуров, лыжник И. Макропуло, штангисты В. Крылов, Н. Шатов, конькобежец К. Кудрявцев, дискоболы Л. Митропольский и А. Исаев, борцы Л. Егоров, Г. Пыльнов, Ш. Чихладзе, велосипедист Ф. Тарачков и многие другие.

Вместе с динамовцами в ОМСБОН пришли и известные спортсмены из других обществ: боксеры Е. Огуренков, Н. Королев, С. Щербаков, конькобежец А. Капчинский, гребец А. Долгушин, борец А. Катулин, лыжница Л. Кулакова и др.

Вопросам организации физической подготовки в частях и соединениях большое внимание уделялось руководством войск НКВД и всё же не всё получалось с развитием физической подготовки в войсках. В приказе начальника внутренних войск от 25 июля 1942 года «Об итогах смотра боевой подготовки соединений и частей внутренних войск НКВД СССР в июне месяце 1942 года» отмечалось, что требований, предъявленных Директивой №20/4-0141, не выполнили, программу по рукопашному бою за зимний период полностью не отработали. Важности именно «комплексной» тренировки на полосе, в окопах, на тактических занятиях недооценили и еженедельной систематической тренировки не вели.

В приказе также говорится, что командный состав рукопашный бой в полной мере не освоил, а рядовой состав большинства частей не натренирован вести рукопашный бой в окопах, ходах сообщения и особо плохо метает гранаты в цель. В том же государственном документе поставлена задача, всем воинским частям провести практическое изучение «Руководства по подготовке к рукопашному бою Красной Армии», в период проведения в частях, не несущих службу, трехдневных сборов командиров взводов, а в частях, несущих службу, сборов зам. комбатов и зам. командиров рот. От всего начсостава частей до середины августа 1942 года принять практический зачет по рукопашному бою на полосе препятствий с боем в окопах и метанием гранат в цель. Из приложенной к приказу сводной ведомости результатов смотра

боевой подготовки видно, что из 17 проверенных по рукопашному бою полков оценены хорошо – 6, посредственно – 5, плохо – 6 частей. Личный состав 9, 10, и 12-й стрелковой дивизии по данному разделу получил оценку плохо.

К концу 1942 года состояние физической подготовки личного состава внутренних войск несколько улучшилось, и это стало возможным благодаря проделанной работе. В приказе начальника внутренних войск от 21 ноября 1942 года «Об итогах инспекторского смотра боевой подготовки частей внутренних войск и войск по охране тыла фронтов в октябре – ноябре 1942 года» отмечалось, что инспектирование 30 воинских частей выявило в целом неплохую маршевую подготовку красноармейцев. Личный состав большинства частей хорошо подготовлен по рукопашному бою, а начсостав овладел методикой обучения воинов его ведению. Итоги инспекторского смотра боевой подготовки соединений и частей, проведенного в ноябре – декабре 1943 года, показали хорошую подготовку большинства частей по рукопашному бою.

Рукопашному бою не напрасно уделялось столь пристальное внимание. Это не преувеличение и не пропаганда, немцы действительно очень боялись атак советских бойцов. Известны слова одного из офицеров вермахта о том, что тот не видел войны, кто не сходил с русскими врукопашную. Конечно, более профессионально и демонстрируя разнообразие приемов, применяли рукопашный бой бойцы СМЕРШ и разведки, в задачу которых входило, как правило, не уничтожение противника, а взятие его живым в плен, да еще, по возможности, без лишнего шума и собственных потерь, но и рядовые бойцы обнаруживали хороший уровень подготовки по рукопашному бою. При этом немцы, как правило, оказывались совершенно неподготовленными к такому бою. Они оказывались несостоятельными как морально, так и физически. Исключение составляли военные, имевшиеся у них в специальных частях и подразделениях.

20 сентября 1941 года выходит Директива ГУВВ НКВД СССР «О мероприятиях по лыжной подготовке войск в 1941–1942 годах». За короткий срок в войсках при помощи общественных инструкторов были подготовлены тысячи лыжников-спортсменов. В этот период активно проводятся военизированные соревнования среди лыжников и подразделений, лыжные переходы, марши, гонки боевых патрулей.

Командир дивизии имени Ф. Э. Дзержинского генерал-майор М. П. Марченков в докладе в политуправление войск НКВД о ходе боевой подготовки

в частях соединения в ноябре 1941 года сообщал: «Основное место в боевой подготовке в ноябре месяце занимала лыжная подготовка бойца. Начав с одиночного обучения бойцов хождению на лыжах, в результате систематических тренировок к концу месяца большинство подразделений 1, 2, 3, 10, кавалерийского и артиллерийского полков в полном составе совершили 20–30 км марши на лыжах с решением тактических задач, сохраняя высокую боевую готовность, после чего проводили боевые стрельбы из всех видов положенного оружия, показывая неплохие результаты» [Внутренние войска ... 1975, с. 216–217].

23 апреля 1943 года начальник внутренних войск издал приказ «О награждении военнослужащих 22 сп – участников 520 км перехода пос. Дебин – город Магадан», в котором дал высокую оценку лыжному мастерству военнослужащих части. Всего в лыжном переходе приняло участие порядка 350 человек. Экипировка была полностью военной: армейские полушубки, ватные брюки, валенки, лыжи армейского образца с полужесткими креплениями. Все участники перехода были с табельным оружием. Пулеметная рота везла на волокушах станковые пулеметы с боекомплектом, а у каждого военнослужащего имелся при себе двухнедельный запас продовольствия. За 14 дней бойцы преодолели более 500 км. В Магадан пришли без больных, обмороженных и сошедших с трассы. Этот результат стал возможным только благодаря постоянным лыжным тренировкам личного состава.

Большая работа по развитию стрелкового спорта, проведенная в довоенные годы войсками НКВД, сыграла в годы войны неоценимую роль в массовой подготовке стрелков из винтовки, пулеметчиков и особенно снайперов. Перед войной в каждом взводе войск НКВД имелось по два подготовленных снайпера. Зачинателями **снайперского движения** в войсках НКВД стали мастера меткого огня 1-й и 21-й стрелковых дивизий, защищавших город Ленинград, а осенью 1941 г. в боях под Ленинградом снайперское движение становится массовым.

В вопросах организации подготовки снайперов огромное значение уделялось их физической выносливости. (Работа снайпера не является физически активным видом деятельности в широком смысле, но, несмотря на это, физическая подготовка является неотъемлемой и важной частью общей подготовки снайпера).

В годы войны во внутренних войсках не прекращалась спортивная работа, ни на один день не прекращалась подготовка, а главное, участие в соревнованиях, в основном в рамках общества «Динамо».

В годы войны спортивная работа, организуемая в частях и соединениях внутренних войск, приобрела особое содержание. Поначалу на первый план вышли оборонные виды спорта: стрельба, рукопашный бой, лыжи, кроссы, маршброски.

О том, как спортивная работа во внутренних войсках использовалась для укрепления физической закалки военнослужащих и повышения их боеспособности, могут в определенной степени свидетельствовать приказы и распоряжения командира ОМСДОН¹.

В дивизии уже в марте 1942 года проводились соревнования по лыжным гонкам. О массовости говорит тот факт, что сначала проводились отборочные соревнования в полках, а затем в соединении. Командир дивизии по каждому соревнованию подводит итоги и издает приказ, и это в наиболее тяжелый для страны период.

Еще более активно спортивная работа в частях дивизии развернулась в летнем периоде 1942 года. Всего в течение летнего периода только в 1-й МСДОН было проведено 14 дивизионных состязаний и соревнований. Все они, конечно, носили прикладной характер, например, такие как преодоление полосы препятствий, метание гранат, фехтование на штыках, стрельба, легкая атлетика, кросс, совершение маршей. Проводились первенства по футболу и волейболу. В зимнем периоде 1942–1943 года в дивизии было проведено 10 соревнований по военно-прикладным видам спорта.

В 1943 году начинают проводиться соревнования на первенство «Динамо».

В феврале 1943 года команда дивизии в лыжном комсомольско-динамовском кроссе заняла второе место из 18 команд Москвы, а уже в августе 1943 года сборная команда дивизии в первенстве «Динамо» по плаванию заняла первое место. Так же в августе 1943 года сильнейшие пловцы дивизии вошли в состав сборной команды «Динамо» и участвовали в заплыве по Москве-реке на приз газеты «Красный спорт», где сумели отобрать переходящий трофей у владевших им спартаковцев. После этих соревнований в дивизии была создана постоянно действующая секция плавания.

12 августа 1943 года в 1-й МСДОН состоялось первенство по стрельбе, где была отобрана сборная команда из 45 снайперов для участия в первенстве «Динамо», которые после отбора участвовали в состязаниях сильнейших снайперов среди НКВД, НКГБ и милиции.

¹РГВА. Ф. 17553. Содержит 216 дел за 1941–1945 гг. Документы рассекречены.

Команда мотоциклистов дивизии заняли 1-е и 2-е места на проводимом 11 июля 1943 года общемосковском военизированном мотокроссе.

24 сентября 1943 года отдел боевой подготовки ГУВВ НКВД СССР организовал соревнования сборных взводов 1 и 2 мотострелковой дивизии (мсд) переходе на 20 км с преодолением на 17-м километре 150 метровой полосы препятствий и стрельбой на финише из боевой винтовки. 25 ноября 1943 года ГУВВ провело аналогичные соревнования между сборными ротами 1 и 2 мсд.

В 1943 году состоялись Всесоюзные соревнования по гимнастике, легкой атлетике, лыжному и конькобежному спорту, плаванию, велосипедному спорту, тяжелой атлетике и рукопашному бою. Всем первенствам предшествовали соревнования на местах.

В стране возрождалась подготовка значкистов ГТО («Готов к труду и обороне»), спортсменов-разрядников. Комплекс ГТО был одним из важнейших инструментов массовой военно-физической подготовки населения. Воины включились в эту работу.

В связи с приближением первого послевоенного чемпионата СССР по футболу, который состоялся с 13 мая по 24 сентября 1945 года, руководство НКВД СССР и ЦС «Динамо» заблаговременно приняли решение провести отборочные соревнования. В июне 1944 года в Главное управление внутренних войск поступило распоряжение заместителя наркома по войскам генерал-полковника Н. А. Аполлонова о проведении в августе 1944 года соревнований по футболу между сборными командами главных и самостоятельных управлений войск НКВД. В Москве с 25 июля по 8 августа среди четырех отобравшихся команд было проведено первенство внутренних войск по футболу. Победителем турнира стала команда 1-й МСДОН им. Ф. Э. Дзержинского. Уже с 27 августа по 6 сентября прошло первенство сборных команд войсковых главков, где победила команда 131 мсп погранвойск, а команда внутренних войск заняли второе место.

Героическими усилиями советского народа в 1944 году советская земля была освобождена от немецко-фашистских оккупантов, и военные действия были перенесены за пределы страны. Приближался день Победы, и на освобожденные территории возвращалась мирная жизнь.

Этот период можно охарактеризовать увеличившимися крупными и знаковыми для страны соревнованиями. Всесоюзный спортивный календарь, который велся постоянно, стал более полным и кровным. Так, по 14 видам спорта были проведены первенства СССР.

В 1945 году спортивно-массовая работа в СССР проходила в обстановке победоносного завершения Великой Отечественной войны и перехода страны на мирное строительство. Всесоюзный спортивный календарь включал соревнования по всем основным видам спорта. Было проведено 22 всесоюзных первенства, более 300 соревнований и учебных сборов. Приведем известный факт проведения 12 августа 1945 года Всесоюзного физкультурного парада на Красной площади в Москве, где принимал участие и личный состав отдельного батальона связи 1-й МСДОН в количестве 100 человек.¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны физическое воспитание приобрело военную направленность, которая предполагала не только развитие здорового организма граждан, как в мирной жизни, но и подготовку к защите страны, воспитание патриотизма, гражданственности и самопожертвования.

Военная и физическая подготовка приобрела максимальную направленность на нужды войны. Юноши изучали и осваивали лыжную, огневую и противохимическую подготовку, знакомились и учились применять стрелковое оружие, гранаты, противогазы, изучали основы и технику применения рукопашного боя, а девушки осваивали военно-санитарное дело, связь и другие профессии.

Постепенно, объединившиеся в годы войны физическое воспитание и военная подготовка утратили свою необходимость, хотя, по нашему мнению, для нашей страны, этот процесс, в какой-то степени, является жизненно необходимым постоянно, что доказывает опыт боевых действий последующий военных конфликтов.

¹Выписка из исторической справки отдельной роты связи отдельной мотострелковой ордена Ленина Краснознаменной дивизии особого назначения МВД СССР имени Ф. Э. Дзержинского 1945–1955 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М. История строительства внутренних войск (1917–1945). М.: ГУ МВД СССР, 1978.
2. Сборник схем и таблиц по организации и вооружению соединений и воинских частей Красной Армии. Л., 1943.

3. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства 1922–1941 гг. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1977.
4. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1975.

REFERENCES

1. Krivets, V. D., Kholoden, V. F., Shtutman, S. M. (1978). Istorija stroitel'stva vnutrennih vojsk (1917–1917) = The history of the construction of internal troops (1917–1945). Moscow: GU MVD Rossii. (In Russ.)
2. Sbornik shem i tablits po organizacii i vooruzheniju soedinenij i voinskih chastej Krasnoj Armii = Collection of diagrams and tables on the organization and armament of formations and military units of the Red Army. (1943). Leningrad. (In Russ.)
3. Vnutrennie vojska v gody mirnogo socialisticheskogo stroitel'stva 1922–1941 gg. Dokumenty i materialy = Internal troops during the years of peaceful socialist construction 1922–1941 (1977). Documents and materials. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
4. Vnutrennie vojska v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy = Internal troops in the Great Patriotic War of 1941–1945 (1975). Documents and materials. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забродченко Геннадий Евгеньевич

кандидат исторических наук
заведующий учебным кабинетом
Московского технического университета связи и информатики

Алескеров Рамиз Расимович

кандидат педагогических наук
доцент кафедры «Физическое воспитание»
Московского технического университета связи и информатики

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zabrodchenko Gennady Evgenievich

PhD (Historical Sciences)
Head of the study room
Moscow Technical University of Communications and Informatics

Aleskerov Ramiz Rasimovich

PhD (Pedagogical Sciences)
Associate Professor of the Department of Physical Education
Moscow Technical University of Communications and Informatics

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.06.2024
10.07.2024
11.07.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Трансформация идеологии Сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов и ее основные факторы

С. С. Кульпинов

Томская духовная семинария, Томск, Россия

agnus.dei@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема эволюции идеологии сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов. Автор опирается на неопубликованные материалы работы всесибирских и региональных обновленческих церковных институций. Определяются ключевые особенности церковно-реформистской и политической идеологии сибирского обновленчества к середине 1920-х годов. Исследуется процесс трансформации идеологии и повлиявшие на него факторы. Автор приходит к выводу о том, что трансформация идеологии обновленчества в Сибири во второй половине 1920-х годов произошла, практически исключительно, за счет внешних факторов.

Ключевые слова: обновленческий раскол, церковные реформы, женатый епископат, политическая лояльность религиозных институций, Сибирская обновленческая церковь, митрополит Петр Блинов

Для цитирования: Кульпинов С. С. Трансформация идеологии Сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов и ее основные факторы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 83–90.

Original article

The Transformation of the Ideology of Siberian Renovationism in the Second Half of the 1920s and Its Main Factors

Sergey S. Kulpinov

Tomsk Theological Seminary, Tomsk, Russia

agnus.dei@rambler.ru

Abstract. The article examines the problem of the evolution of the ideology of Siberian Renovationism in the second half of the 1920s. The author relies on unpublished materials from the work of all-Siberian and regional Renovationist church institutions. The key features of the church reformist and political ideology of Siberian Renovationism by the mid-1920s are determined. The process of ideology transformation and the factors that influenced it are investigated. It is concluded that the transformation of the ideology of renovationism in Siberia in the second half of the 1920s occurred almost exclusively due to external factors.

Keywords: renovationist schism, church reforms, married episcopate, political loyalty of religious institutions, Siberian Renovationist Church, Metropolitan Peter Blinov

For citation: Kulpinov, S. S. (2024). The transformation of the ideology of Siberian Renovationism in the second half of the 1920s and its main factors. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 83–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обновленческий раскол в истории Русской Православной Церкви определенно являлся как церковно-реформистским, так и политическим движением, в силу чего его идеологию следует подразделять на собственно церковную и политическую. Изменения обновленческой идеологии во второй половине 1920-х гг. определенно представляют значительный научный интерес, поскольку позволяют судить о трансформациях церковно-реформистских и просоциалистических религиозных движений под влиянием внешних и внутренних факторов.

С одной стороны, можно говорить о том, что идеология церковных реформ претерпевала определенные изменения как в силу постановлений двух обновленческих Поместных соборов (1923 и 1925 годы), так и в силу частной трансформации отдельных церковных практик и необходимости его идеологического обоснования. Кроме того, отдельные церковные практики, вызывавшие негативную реакцию со стороны мирян, в условиях противостояния с Патриаршей Церковью, напротив, смягчались или совершенно выходили из употребления [Обновленческий раскол, 2002] что также требовало какого-то идеологического обоснования.

С другой стороны, очевидно, что во второй половине 1920-х гг. не только обновленцы, но и ряд других церковных течений в СССР окончательно встали на позиции поддержки советской власти и ее идеологии [Обновленческий, 2002, с. 42–44]. Следовательно, обновленчество утратило свою политическую эксклюзивность, хотя данный процесс определенно начался значительно ранее – с покаяния Патриарха Тихона (Беллавина) перед советской властью и последовавшего затем его освобождения из-под домашнего ареста [Лобанов, 2019]. Уже в этот момент, в июне 1923 г., можно говорить о том, что обновленчество постепенно начало утрачивать свое значение как просоветское церковное движение [там же]. Вместе с тем переход ряда других церковных течений на просоветские позиции не означал, что обновленцы отказались от своей политической идеологии.

Как история обновленческой идеологии в целом, так и история идеологии сибирского обновленчества в отдельности ранее крайне слабо исследовалась в научной литературе. В ряде общих работ по истории раскола на общесоветском и региональном уровне данный вопрос в принципе не поднимался. Развитие обновленческой идеологии затрагивалось в диссертационном исследовании Д. А. Головушкина, однако автор практически не уделяет внимания трансформации идеологии

обновленческого раскола во второй половине 1920-х годов и ее угасанию в 1930-х годах [Головушкин, 2020]. Кратко состояние обновленческой политической идеологии в конце 1920-х гг. охарактеризовал священник И. Соловьев в статье «Декларация митрополита Сергия (Страгородского) и “обновленческий” раскол» [Соловьев, 2024]. При этом сибирская обновленческая идеология ранее практически не исследовалась. В большинстве работ по истории сибирского обновленчества этот вопрос не исследовался [Цыремпилова, 2008; Петров, 2008; Петров, 2009; Петров, 2013; Петров, 2020; Никулин, 2011]. Отдельные аспекты развития идеологии сибирского обновленчества в более ранние периоды затрагивались автором в предыдущих публикациях [Кульпинов, 2024а; Кульпинов 2024б].

В рамках настоящего исследования ставится цель определить основные особенности трансформации сибирской обновленческой идеологии и ее ключевые факторы во второй половине 1920-х годов. Для достижения данной цели автором выдвигаются следующие задачи:

1. Определить основные особенности состояния обновленческой идеологии в Сибири к середине 1920-х годов;
2. Вычленив ключевые особенности трансформации сибирской обновленческой идеологии во второй половине 1920-х годов и определить факторы, повлиявшие на этот процесс.

В рамках данного исследования автор отталкивается от принципов научной объективности и историзма, использует сравнительно-исторический, историко-генетический и хронологически-проблемные методы. Основными источниками настоящего исследования служат материалы деятельности общесибирских и региональных обновленческих институций из Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК).

ЭВОЛЮЦИЯ СИБИРСКОЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ И ЕЕ СОСТОЯНИЕ К СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Если говорить о Сибирской обновленческой церкви (термин, использовавшийся по отношению к обновленческим структурам в Сибири самими обновленцами) как об отдельном феномене внутри советского обновленчества, то ее идеология имела некоторые отличительные черты. Они сложились уже на этапе становления обновленческого раскола в Сибири, т. е. на рубеже 1922–1923 годов.

Эти особенности можно кратко охарактеризовать как стремление Сибирской церкви к тотальному внедрению женатого епископата и ликвидации монашества, а затем, ввиду отсутствия поддержки этих идей на общесоветском уровне, к созданию автокефальной Сибирской церкви. Политическая идеология сибирских обновленцев принципиально не отличалась от идеологии остального обновленчества, однако можно выделить обращение к сибирским реалиям в политических декларациях Сибирской церкви и ее отдельных архиереев¹.

Следует отметить, что идея сибирской автокефалии, как и вообще понятие об автокефалии в обновленчестве отличалось от традиционной трактовки данного канонического термина. Автокефалия внутри советского обновленчества не означала полной церковной независимости. До некоторой степени, при предоставлении автокефального статуса, обновленческий Священный Синод ориентировался на формально независимый статус республик внутри СССР². Иными словами, обновленческая «автокефалия» не означала полной церковной независимости, однако подразумевала определенную автономию во внутренних делах. Именно в силу такой автономии Украинский обновленческий синод (формально автокефальный) имел возможность вести достаточно консервативную политику на фоне остального обновленчества, развивая только монашескую епископату³. Аналогичных прав автономии под именем автокефалии, по всей вероятности, добивалось и сибирское обновленчество, не удовлетворившись слишком консервативными, по его мнению, итогами обновленческого II Поместного собора 1923 года⁴.

Пиком автокефалистских устремлений Сибирской обновленческой церкви следует считать II Всесибирский церковный съезд, проходивший с 5 по 13 мая 1924 года в Новониколаевске. На данном съезде утверждалась необходимость борьбы за распространение женатого епископата, было провозглашено, что Сибирская церковь имеет собственную каноническую территорию и стоит выше митрополий (объединяет две обновленческие митрополии: Сибирскую и Дальневосточную, что

не было предусмотрено в рамках обновленческого деления на епархии и митрополии), кроме того, митрополит Петр Блинов объявлялся пожизненным главой Сибирской церкви⁵. Иными словами, хотя прямо автокефалия не была провозглашена, съезд принял постановления о широкой внутренней автономии сибирского обновленчества.

К середине 1920-х гг. сибирскими обновленцами продолжалось и развитие идеи тотального внедрения семейного епископата. Особенно четко эта идея просматривалась в посланиях митрополита Петра Блинова конца 1924 – начала 1925 годов. Последний прямо говорил о необходимости полной замены монашеского епископата женатым, архиереи-монахи воспринимались им только, как тактические союзники в борьбе с Патриаршей Церковью⁶. Примечательно, что в послании, адресованном сибирским архиереям-обновленцам в связи со смертью Патриарха Тихона (Беллавина), митрополит Петр подчеркивал, что противодействие с каноничной Церковью вскоре прекратится по причине краха последней, следовательно, необходимо направить все силы на подавление монашеского епископата уже внутри обновленчества⁷.

С другой стороны, нельзя говорить о том, что с 1922 по 1924 год идея семейного епископата в Сибири претерпела какие-либо трансформации. Усугубление данной идеи определенно отрицалось в этот период сибирскими обновленцами. В частности, на уже упоминавшемся выше II Всесибирском церковном съезде делегаты однозначно высказались за лишение сана вступившего в повторный брак архиепископа Михаила Николаева, поскольку второбрачие, по их мнению, дискредитировало саму идею брачного епископата⁸.

Говоря об отношении Сибирской обновленческой церкви к монашеству, следует отметить, что ликвидация городских монастырей и разрешение на вступление монашеского духовенства в брак с условием сохранения сана были утверждены еще на Всесибирском съезде «Живой церкви» в октябре 1922 года⁹. Однако осуществление данных постановлений натолкнулось на сопротивление со стороны клира и мирян в сибирских

¹Послание архиепископа Василия Виноградова от 10 октября 1923 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–1 об.; Циркуляр Сибирского областного церковного совета от 19 ноября 1923 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 37–39.

²Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.

³Послание Сибирского областного митрополитанского церковного управления от 24 августа 1928 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.

⁴Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 78, 82.

⁵Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 85–86 об.

⁶Послание митрополита Петра Блинова от 15 октября 1924 г. // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–2 об.

⁷Послание митрополита Петра Блинова от 9 мая 1925 г. // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об.

⁸Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 79.

⁹Протоколы Всесибирского съезда «Живой церкви». 1922 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

епархиях¹. Снятие монашеских обетов и назначение бывших монахов в приходские церкви практиковались в 1922–1924 годах, однако не имели тотального характера². Вместе с тем начавшееся закрытие монастырей привело к росту оппозиции обновленчеству уже в конце 1922 года, вследствие чего в некоторых епархиях обновленцы не стремились форсировать этот процесс, хотя и после II Поместного собора продолжали отстаивать идею ликвидации монастырей³.

Политическая идеология сибирского обновленчества в период с 1922 по 1925 годы принципиально не изменилась, хотя, как и в остальном СССР, в Сибири наблюдалось постепенное сокращение государственной поддержки раскола. Если во второй половине 1922 года и начале 1923 года, как для самих обновленцев, так и для ряда провинциальных советских чиновников, отношения между обновленчеством и государством выглядели, как конкордат, а Сибирская церковь некоторое время позиционировала себя, как «религиозный отдел» Сибирского революционного комитета⁴, то со второй половины 1923 года обновленцы уже не пользовались безоговорочной поддержкой со стороны властей. Против них была развернута антирелигиозная пропаганда в печати [Левитин-Краснов, Шавров, 1996]. В то же время, в борьбе с Патриаршей Церковью сибирские обновленцы продолжали опираться на государство, активно привлекая карательные органы к устранению своих противников⁵. Такая тактика противодействия сохранялась и во второй половине 1920-х годов. В некоторых случаях сибирские обновленцы в середине 1920-х годов продолжали рассчитывать на государственную поддержку. В частности, на II Всесибирском церковном съезде поднимался вопрос о развитии внутренней миссии, которая предполагала

лояльность местных властей⁶. Кроме того, сибирское обновленчество продолжало поддерживать государственные инициативы, в частности, организовывать сборы средств на различные государственные нужды⁷, что в целом было характерно для всего обновленчества данного периода [Труды, 1925].

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИБИРСКОЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

На III обновленческом Поместном соборе, проходившем в Москве с 1 по 10 октября 1925 года, сибирская делегация вела себя достаточно активно и продолжала отстаивать идеи тотального внедрения женатого епископата, вместе с тем, как и на II Поместном соборе, данная идеология не получила широкой поддержки [Прения, 1926]. По итогам собора в Сибири было принято решение отстаивать свою идеологию и в дальнейшем, вести подготовку к IV Поместному собору, который планировалось провести в 1927 году⁸.

В то же время автокефалистские идеи в Сибирской церкви после III Поместного собора пошли на спад. Можно выделить несколько причин этого процесса. С одной стороны, изменяется государственная политика по регулированию церковных структур в СССР. В частности, для перерегистрации Сибирской митрополии в 1926 году потребовалось проводить перевыборы главы митрополии. Несмотря на то, что данный пост вновь занял митрополит Петр Блинов, его пожизненные полномочия, утвержденные в 1924 году, были фактически аннулированы⁹. Кроме того, обновленческий Синод не признал подчинения Дальневосточной митрополии Сибирской церкви, в связи с чем к 1926 году в Новосибирске окончательно перестали воспринимать Дальний Восток, как свою каноническую территорию¹⁰. Отдельно следует сказать о непризнании эксклюзивного статуса Сибирской церкви со стороны высшей обновленческой власти. Начиная с 1923 года Сибирь воспринималась в Священном Синоде, как одна из митрополий, не обладающая каким-либо исключительными

¹Материалы работы Сибирского церковного управления // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 20, 23; Материалы по закрытию Князе-Владимирского монастыря в Иркутске // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 43. Л. 3.

²Статистические сведения по Иркутской обновленческой епархии // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 284. Л. 2 об.; Материалы работы Иркутского епархиального церковного управления. 1922–1926 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 28. Л. 35 об.; Клировая ведомость Спасской церкви села Спасского Омской обновленческой епархии за 1926 г. // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 31. Л. 10 об.

³Материалы по закрытию Князе-Владимирского монастыря в Иркутске // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 43. Л. 2; Материалы работы Забайкальского губернского церковного управления // ГАЗК. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 791. Л. 9.

⁴Материалы работы Сибирского церковного управления // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 66-68.

⁵Дело Успенской церкви г. Томска // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 37. Л. 55; Циркуляр Иркутского епархиального церковного управления от 6 марта 1924 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 58. Л. 2.

⁶Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 89–89 об.

⁷Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 87.

⁸Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

⁹Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

¹⁰Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

правами, в дальнейшем контроль церковной жизни в сибирском обновленчестве со стороны Москвы постепенно усиливался, что привело к росту окончательному отказу от автокефалистских амбиций в Сибири¹. Несмотря на закрепление автокефалии Украинского обновленческого синода, на III Поместном соборе вопрос о сибирской автокефалии даже не поднимался.

После 1925 года идея тотального распространения семейного епископата продолжала отстаиваться сибирскими обновленцами, причем постепенно наметились тенденции к ее усугублению. Во второй половине 1920-х годов уже обсуждалась практика повторного брака архиереев. Кроме того, Сибирская церковь добилась восстановления в сане второбрачного архиепископа Михаила Николаева, который занял викарную кафедру в Новосибирской епархии². В то же время прекратились претензии на повсеместное распространение семейной иерархии за пределами Сибири. Они утратили свою практическую актуальность ввиду их безуспешности и отсутствия поддержки на III Поместном соборе.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении к монашеству. По мере закрытия монастырей и выхода действующих монашеских общин из обновленческой юрисдикции ко второй половине 1920-х годов эта проблема потеряла свою актуальность в Сибири. Вместе с тем отношение к монашествующему духовенству значительно изменилось. Если в период становления сибирского обновленчества монахи призывались к сложению обетов с сохранением священного сана, то во второй половине 1920-х годов в Сибирской церкви осуществляли свое служение монашествующие клирики, сведения о принуждении их к снятию монашества в документах отсутствуют³. Очевидно, что такая перемена в отношении к монашествующим связана с общим кадровым дефицитом в сибирских обновленческих епархиях и значительным сокращением кандидатов в священство в связи с общим ростом антирелигиозной политики в государстве и антирелигиозных настроений в обществе⁴.

Особого внимания заслуживают изменения в политической идеологии сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов. Как уже отмечалось выше, принципиально лояльное

отношение к советской власти в среде сибирских обновленцев не поменялось вплоть до конца 1920-х годов. Только с началом коллективизации можно говорить об отдельных примерах критики политики властей со стороны некоторых представителей обновленческого духовенства в Сибири. При этом официальные епархиальные власти осуждают подведомственных клириков за такую позицию⁵.

Помимо этого, сибирские обновленцы во второй половине 1920-х годов продолжают полагаться на государственную поддержку в борьбе с противостоящими церковными группировками, в первую очередь, с Патриаршей церковью. Об опоре на советские органы власти свидетельствует, например, положение в Иркутской епархии, где в апреле 1927 года по просьбе местных обновленцев было арестовано два каноничных архиерея и ряд видных священников, стоявших в оппозиции к обновленческому расколу⁶.

Вместе с тем, некоторые частные аспекты просоветской идеологии претерпели трансформацию во второй половине 1920-х годов. Насколько можно судить по имеющимся источникам, в отличие от периода становления раскола в 1922–1923 годы, после 1925 года обновленцы в Сибири перестали использовать патриотическую терминологию в отношении к советской власти. Убедительные сведения о причинах вешееуказанной перемены в обновленческом дискурсе отсутствуют, однако представляется наиболее вероятным, что отказ от своеобразного «советского патриотизма», т. е. использования патриотической терминологии по отношению к советскому государству, был связан с окончательным осознанием государственной борьбы с патриотизмом в церковной среде. Если ранее, в первой половине 1920-х годов, сибирские обновленцы использовали патриотические выражения в своих заявлениях о лояльности к новому государству по причине инертности и переноса на новый строй терминов⁷, применявшихся ранее, то во второй половине 1920-х годов в обновленческой среде было окончательно осознано, что новое государство отрицает патриотизм старого образца.

Помимо этого, к середине 1920-х годов в Сибири перестали осуществляться сборы средств в обновленческих храмах для государственных проектов, что активно практиковалось ранее. Причина этому также усматривается в негативной реакции

¹Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–27.

²Циркуляр Сибирского областного митрополитанского церковного управления от 24 августа 1928 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.

³Материалы Бурят-Монгольской обновленческой епархии // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 219. Л. 2 об.; Материалы Казанского кафедрального собора г. Иркутска // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 83. Л. 18.

⁴Протоколы заседаний Иркутского епархиального церковного управления и Восточно-Сибирского митрополитанского церковного управления. 1928–1932 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 2.

⁵Материалы работы Иркутского епархиального церковного управления. 1928–1929 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 185. Л. 13–14.

⁶Отчетные сведения Иркутского епархиального церковного управления. 1926–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 52.

⁷Дело Алексеевской церкви г. Томска // ГАО. Р-430. Оп. 1. Д. 36. Л. 26–27; Материалы Селенгинского уездного церковного съезда. 12 июня 1923 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 3.

на подобные акции со стороны властей. Помощь от религиозных структур фактически высмеивалась в официальной печати [Дорога, 1923].

Отдельно следует сказать, что в середине 1920-х годов повестка обновленческих церковных съездов детально согласовывалась с советскими карательными органами, поэтому не могла содержать вопросов, которые бы не встраивались в официальный советский идеологический дискурс. Определенно это видно на примере Дальневосточной обновленческой митрополии¹, однако, следует полагать, что в Сибири ситуация выглядела аналогично. С другой стороны, нет оснований полагать, что в более ранний период декларации советского патриотизма, как и постановления о сборах на государственные нужды, принимались без согласования с местными властями. Скорее, следует считать, что изменения в середине 1920-х годов могут быть связаны также с централизацией советской идеологии. Иными словами, если на этапе становления раскола, местные чиновники могли поддерживать обновленческие инициативы без согласования с Москвой, то к середине 1920-х годов такое своеволие уже не имело места. Следовательно, никаких самостоятельных деклараций, даже незначительно шедших вразрез с официальной государственной идеологией, обновленцы в Сибири принимать уже не могли.

Определенные изменения в политической идеологии сибирского обновленчества имели место и в связи с декларациями лояльности по отношению к советской власти со стороны других церковных группировок во второй половине 1920-х годов. Следует сказать, что в декабре 1925 года в связи с арестом местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского) от Патриаршей Церкви отлагается Временный высший церковный совет (ВВЦС), заявивший на своем съезде о полной лояльности к советской власти [Лавринов, 2018]. В Сибири в марте 1927 года Томская епархия Патриаршей Церкви во главе с архиепископом Димитрием (Беликовым) на фоне данных событий объявила об автокефалии, то есть о переходе на самостоятельное управление², а затем вошла в подчинение Временному высшему церковному совету³. Примечательно, что декларации лояльности по отношению к государственной власти со стороны архиепископа Димитрия, в юрисдикции ВВЦС ставшего митрополитом

Сибирским, и его сторонникам полностью повторяли аналогичные обновленческие документы более раннего периода⁴.

С июля 1927 года на позиции лояльности советской власти окончательно становится и Патриаршая Церковь, что активно принимается в ряде сибирских епархий. Например, в Иркутской епархии Патриаршей Церкви «Послание к пастырям и пастве» митрополита Сергия (Страгородского) не вызвало какого-либо отторжения со стороны духовенства и мирян⁵.

На этом фоне сибирским обновленцам было важно доказать, что именно они являются подлинными носителями провластной идеологии, при том, что для других церковных группировок аналогичная позиция является не более, чем мимикрией. Этот тезис постоянно подчеркивался в посланиях сибирских обновленческих церковных управлений 1927–1928 годов и других официальных документах⁶. Можно говорить о том, что сама политическая идеология сибирского обновленчества в связи с этим не менялась, однако обновленцы в Сибири сосредоточились на критике своих оппонентов, обвиняя их в неискренности аналогичных заявлений. Кроме того, в обращениях к пастве нередко подчеркивалось, что именно обновленцы являются последовательными сторонниками советской власти, следовательно, после того как все остальные встали на аналогичные позиции, логично переходить именно в обновленческую юрисдикцию⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во второй половине 1920-х гг. Сибирская обновленческая церковь отказывается от автокефалистских устремлений. Их аннигиляция вызвана изменением государственного законодательства, а также отсутствием поддержки данных идей со стороны высшей обновленческой церковной власти. Кроме того, обновленческий Священный Синод в целом усиливал контроль над региональными церковными структурами в данный период.

⁴Материалы Томского епархиального съезда 1–3 марта 1927 г. // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 116. Л. 3 об.

⁵Текущие материалы Иркутского епархиального церковного управления. 1927–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 121. Л. 17.

⁶Заявление Никольской обновленческой общины г. Томска от 4 мая 1927 г. // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 59. Л. 124; Отчетные сведения Иркутского епархиального церковного управления. 1926–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 78, 82; Отчет о положении Красноярской обновленческой епархии к 1931 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 211. Л. 3 об.

⁷Отчетные сведения Иркутского епархиального церковного управления. 1926–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 78; Текущие материалы Иркутского епархиального церковного управления. 1927–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 121. Л. 17.

¹Материалы Дальневосточного церковного съезда 1926 г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 424. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 8.

²Материалы Томского епархиального съезда 1–3 марта 1927 г. // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 116. Л. 3, 5 об., 33.

³Дополнения к материалам Томского епархиального съезда // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 116. Л. 85.

Идея тотального распространения семейного епископата, не имея поддержки на общесоветском уровне, также постепенно начала угасать в Сибирской церкви, хотя следует сказать об усугублении взглядов на брачную иерархию, в частности, о допустимости второго брака для епископов в Сибири. С другой стороны, взгляды сибирских обновленцев на монашество значительно смягчились ввиду кадрового кризиса и необходимости использования всего лояльного духовенства, в том числе, и монахов.

Во второй половине 1920-х годов Сибирская церковь полностью отказывается от идей «советского патриотизма» и сборов средств на государственные нужды, что, вероятно, явилось следствием централизации государственной идеологии, в условиях которой кураторы на местах уже не позволяли обновленческим деятелям высказывать мнения, идущие вразрез

с официальной позицией государства по данным вопросам. В ситуации, в которой иные церковные группировки также встали на позиции лояльности советской власти, сибирские обновленцы не изменили сущности собственной политической идеологии, однако повсеместно стали позиционировать себя именно в качестве подлинных носителей лояльности официальным властям, занимающих последовательную позицию по данному вопросу.

В целом, трансформация идеологии сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов происходит фактически исключительно за счет внешних факторов: отсутствия поддержки сибирских реформистских идей на общесоветском уровне, усиления государственного идеологического контроля и переход на позиции лояльности по отношению к советской власти иных церковных группировок в СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки) / сост. иерей И. В. Соловьев. М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2002.
2. Лобанов В. В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб.: Петроглиф, 2019.
3. Головушкин Д. А. Феномен обновленчества в Русском Православии первой половины XX века: дис ... докт. филос. наук. СПб., 2020.
4. Соловьев И. В., иерей. «Декларация митрополита Сергия (Страгородского)» и «обновленческий» раскол // Томский богословский вестник. Теология. Право. Экономика. 2024. № 3 (5). С. 47–53.
5. Цыремпилова И. С. Русская Православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 2008.
6. Петров С. Г. К биографии обновленческого митрополита Сибирского Петра (Блинова). Часть II // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования: сборник материалов международной научной конференции. 2008. С. 122–143.
7. Петров С. Г. Циркулярные послания обновленческого Сибирского областного церковного совета о патриархе Тихоне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 210–217.
8. Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 79–82.
9. Петров С. Г. Листовка «Памятка для церковников» как источник по истории обновленческого раскола на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 132–143.
10. Никулин А. А. Обновленческий раскол в Западной Сибири в 1920-х – 1930-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2011. Вып. 2. С. 85–90.
11. Кульпинов С. С. К проблеме трансформации сибирской обновленческой идеологии в середине 1920-х годов: итоги III Поместного собора в Сибири и III Сибирский областной церковный съезд 1926 года. // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (22). С. 31–46.
12. Кульпинов С. С. Становление и ключевые особенности сибирской обновленческой идеологии на раннем этапе (1922–1923) // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 317–329.
13. Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1996.
14. Труды Первого Всероссийского Съезда или Собора Союза Церковного Возрождения. Л.: б.и., 1925.
15. Прения по докладу прот. П. Н. Красотина // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 15–17.
16. Дорога в ад // Бурят-Монгольская правда. 1923. 21 ноября. С. 3.
17. Лавринов В. В., протоиерей. Временный Высший Церковный совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). М.: Общество любителей церковной истории, 2018.

REFERENCES

1. Solovyov, I. V., priest (Compl.). (2002). Obnovlencheskij raskol (Materialy dlya cerkovno-istoricheskoy i kanonicheskoy ocenki) = The Renovationist Schism (Materials for Church historical and canonical assessment). Moscow: Izdatel'stvo Krutickogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii. (In Russ.)
2. Lobanov, V. V. (2019). «Obnovlencheskij» raskol v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1922–1946 gg.) = The “Renovationist” schism in the Russian Orthodox Church (1922–1946). Saint-Petersburg: Petroglif. (In Russ.)
3. Golovushkin, D. A. (2020). Fenomen obnovlenchestva v Russkom Pravoslavii pervoj poloviny XX veka = The phenomenon of Renovationism in Russian Orthodoxy in the first half of the 20th century: Doctor of Philosophy. Saint-Petersburg. (In Russ.)
4. Solovyov, I. V., priest (2023). The “Declaration of Metropolitan Sergius (Stragorodsky)” and the “Renovationist” schism. Tomsk Theological Bulletin. Theology. Right. Economy, 3 (5), 47–53. (In Russ.)
5. Cyrempilova, I. S. (2008). Russkaya Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenij v 1917–1930-e gg. (na materialah Bajkal'skogo regiona) = The Russian Orthodox Church and the State: the History of Relations in the 1917–1930s. (based on the materials of the Baikal region). Ulan-Ude : Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv. (In Russ.)
6. Petrov, S. G. (2008). K biografii obnovlencheskogo mitropolita Sibirskogo Petra (Blinova) = On the biography of the Renovationist Metropolitan of Siberia Peter (Blinov). Part II. Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: Istochniki i issledovaniya (pp. 122–143) : Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii . (In Russ.)
7. Petrov, S. G. (2009). Circular messages of the Renovationist Siberian Regional Church Council on Patriarch Tikhon. Vestnic NSU. Series: History, Philology, 8, 1, 210–217. (In Russ.)
8. Petrov, S. G. (2013). The Renovationist Church schism in Siberia. Humanities in Siberia, 4, 79–82. (In Russ.)
9. Petrov, S. G. (2020). Leaflet “Memo for churchmen” as a source on the history of the Renovationist schism in Altai.. Vestnic NSU. Series: History, Philology, 19, 1, 132–143. (In Russ.)
10. Nikulin, A. A. (2011). The Renovationist split in Western Siberia in the 1920s–1930s. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2, 2, 85–90. (In Russ.)
11. Kulpinov, S. S. (2024). On the problem of the transformation of Siberian Renovationist ideology in the mid-1920s: the results of the III Local Council in Siberia and the III Siberian Regional Church Congress in 1926. Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary, 1 (22), 31–46. (In Russ.)
12. Kulpinov, S. S. (2024). Stanovlenie i klyuchevye osobennosti sibirskoj obnovlencheskoj ideologii na rannem ehtape (1922–1923 gg.)= Formation and key features of the Siberian renovationist ideology at an early stage (1922–1923). Christian reading, 2, 317–329. (In Russ.)
13. Levitin-Krasnov, A. E., SHavrov, V. M. (1996). Ocherki po istorii russkoj cerkovnoj smuty = Essays on the history of the Russian Church Troubles. Moscow: Izdatel'stvo Krutickogo podvor'ya. (In Russ.)
14. Trudy Pervogo Vserossijskogo S'ezda ili Sobora Soyuza Cerkovnogo Vozrozhdeniya = Proceedings of the First All-Russian Congress or Council of the Union of Church Revival (1925). Leningrad: without publishing house. (In Russ.)
15. Debate on the report of prot. P. N. Krasotin (1926). Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church, 6 (2), 15–17. (In Russ.)
16. Doroga v ad =The road to hell (1923). Buryat-mongol'skaya Pravda, 21 noyabrya (p.3). (In Russ.)
17. Lavrinov, V. V., archpriest (2018). Vremennyj Vysshij Cerkovnyj sovet i ego rol' v istorii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1925–1945) = The Provisional Supreme Church Council and its Role in the History of the Russian Orthodox Church (1925–1945). Moscow: Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кульпинов Сергей Сергеевич

доктор церковной истории, кандидат богословия, доцент

доцент Томской духовной семинарии Томской епархии Русской Православной Церкви

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulpinov Sergey Sergeevich

Doctor of Church History (Dr. habil.), PhD (Divinity), Associate Professor

Associate Professor of the Tomsk Theological Seminary of the Tomsk Diocese of the Russian Orthodox Church

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.05.2024
01.06.2024
02.07.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Институт вакфа в России на примере округа Оренбургского Магометанского Духовного Собрания: исторические аспекты и перспективы возрождения

И. А. Мухаметзарипов

*Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
muhametzaripov@mail.ru*

Аннотация. На протяжении 1990–2020-х годов в России периодически поднимается вопрос о возрождении института вакфа, который существовал в России дореволюционного периода. Цель исследования – на базе архивных материалов сравнить особенности регулирования и оформления вакфов в XIX – начале XX веков в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания с современными особенностями хранения и регулирования вакфов. Анализируя исторические примеры функционирования вакфов, автор показывает, что социальный институт невозможно реализовать «сверху» при помощи одного лишь закона, поскольку для его полноценного существования нужны инициатива состоятельных благотворителей и надлежащая система контроля.

Ключевые слова: мусульманская благотворительность, вакф, религиозное пожертвование, Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, Татарстан.

Для цитирования: Мухаметзарипов И. А. Институт вакфа в России на примере округа Оренбургского Магометанского Духовного Собрания: исторические аспекты и перспективы возрождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып 3 (856). С. 91–98.

Original article

The Institution of waqf in Russia on the Example of the District of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly: Historical Aspects and Prospects for Revival

Ilshat A. Mukhametzaripov

*Center for Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
muhametzaripov@mail.ru*

Abstract. During the 1990–2020s the question of reviving the institution of waqf by analogy with the pre-revolutionary period is periodically raised in Russia. The purpose of the study is to compare the features of regulation and registration of waqfs in the 19th and early 20th centuries in the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly with the current situation on the basis of archival materials. The author, analyzing historical examples of the functioning of waqfs, shows that a social institution cannot be implemented “from above” with the help of law alone, since its full existence requires the initiative of wealthy benefactors and a proper control system.

Keywords: Muslim charity, waqf, religious donation, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Tatarstan

For citation: Mukhametzaripov, I. A. (2024). The institution of waqf in Russia on the example of the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly: historical aspects and prospects for revival. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 91–98. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Арабское слово «вакф» (وقف) переводится как «задержание», «приостановление» и обозначает отчуждение какого-либо имущества его владельцем (учредителем вакфа) в благотворительных целях, доход от пользования которым управляющий вакфом (мутавалий) направляет в пользу выгодоприобретателей [Беккин, 2011; Маргинани, 2008; Мухин, 1898; Шариатные статьи ... 1910]. Основанием вакфа является призыв расходовать лучшее имущество ради обретения благочестия (Коран, 3:92). В вакф передается любое неуничтожаемое в ходе использования имущество, в том числе дома, торговые лавки, магазины, земельные участки, деньги, а также здания мечетей и религиозных учебных заведений с прилегающей территорией [Далгат, 2001; Ислам ... 1991; Салихов, 2006]. По правилам ислама требуется обязательное употребление термина «вакф» по отношению к даримому имуществу, отсутствие временных ограничений и точное упоминание времени учреждения вакфа [Нофаль, 1886; Вакфное имущество изымается из оборота и не подлежит налогообложению. А. Рассуни выделяет следующие цели вакфа: 1) стремление к прощению в загробном мире; 2) благодарение Аллаха; 3) очищение души; 4) обеспечение основных потребностей общества и нуждающихся классов; 5) забота о будущем [Raissouni, 2001]. З. Хан отмечает позитивную роль вакфов в сохранении живой природы и водных ресурсов [Khan, 2020].

Интерес к вакфам в России возрос в 1990–2000-е годы, а также с 2023 года привлек внимание экономистов как пример религиозно обусловленной предпринимательской активности в сфере социального служения в связи с началом эксперимента по внедрению партнерского финансирования (исламских финансов). В настоящей статье мы раскроем исторические особенности функционирования вакфов на территории Европейской части России, Урала, Сибири, входивших в округ Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), и затронем проблему возрождения данного института в современных условиях.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВАКФОВ В РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Внедрение института вакфа в правовую систему было следствием расширения территории Российской империи в последней четверти XVIII–XIX веков, приведшего к многократному увеличению подданных-мусульман [Загидуллин, 2006]. Манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 года закрепил за мусульманами Крыма право использовать

на уровне закона шариат, в том числе правила, касающиеся вакфа [Арапов, 2003]. С 22 марта 1829 года ответственность за сохранность вакфных недвижимых имуществ и капиталов было возложено на Таврическое Магометанское Духовное Правление (ТМДП)¹. Впоследствии положения закона «О вакуфских в Крыму имениях» вошли в Свод Законов Российской империи 1857 года. Доходы с вакфного имущества распределялись по желанию жертвователей, мутавалии ежегодно представляли в религиозное управление отчеты и несли ответственность в случае нарушений². Отдельно от вакфов выделялись денежные капиталы. С 1874 года Комитет министров передал надзорные функции в указанной сфере местной палате государственных имуществ.

Детально вопросы вакфного имущества регламентировались на Кавказе. К ведению Закавказских магометанских суннитского и шиитского духовных правлений и вышестоящих властей были отнесены вакфы в виде движимого и недвижимого имущества религиозного назначения, а также сборы от добровольных приношений мусульман, в том числе закят. Учет всех сумм, поступающих с вакфного имущества, пожертвований и сборов, велся духовными правлениями по форме МВД. Споры разрешались в порядке гражданского судопроизводства. Непосредственное заведование духовным имуществом осуществлялось комиссией из приходского духовенства или избранным приходом доверенным лицом. В пределах губернии надзор осуществлял губернский меджлис, а высший надзор – духовные правления и царская администрация (ст.ст. 1546–1557, 1661–1672)³. Важную роль вакфы в виде земельных участков играли на Северном Кавказе: за счет доходов с них, в том числе платы за аренду, удовлетворялись нужды джамаатов, мечетей, бедных слоев населения. Учреждение происходило, как правило, посредством завещаний [Ойсунгуров, 2019] или договоров дарения, но в последнем варианте статус имущества мог оказаться спорным [Матвеев, 2020].

Для округа ОМДС, в отличие от округов других мусульманских духовных учреждений, было сделано исключение. Формально на территории ОМДС вакфов не существовало, так как специальный нормативный акт не был принят. Хотя это никак не препятствовало мусульманам учреждать вакфы: первая передача имущества (земельного надела) в пользу соборной мечети Стерлитамака

¹Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1829. Т. 4. Ч. 1. № 2761.

²ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 87, л. 35.

³Устав духовных дел.

была произведена в 1849 году купцом А. Ибраевым [Масагутов, 2020].

Вплоть до 1917 года вместо термина «вакф» в официальной документации использовалось понятие «пожертвованное имущество». Когда 12 января 1891 года муфтий ОМДС М. Султанов обратился в МВД с просьбой использовать правила управления вакфами, существующие в округе ТМДП, на территории ОМДС из-за необходимости налаживания контроля за фактическими вакфами¹, МВД предложило ОМДС представить проект правил. ОМДС предложило следующее: 1) вакфы могут состоять не только из недвижимого имущества, но и из движимого имущества и денежных капиталов; 2) вновь создаваемые вакфы учреждаются в соответствии с гражданскими законами; 3) вакф управляется мутавалиями, определяемыми ОМДС согласно воли жертвователя, если она не выражена – то мутавалии назначаются из числа его потомков, признанных благонадежными, или из числа избранных прихожанами мечети, которой передан вакф; 4) мутавалий должен управлять по инструкции ОМДС и испрашивать разрешения в сомнительных случаях; 5) мутавалий может получать из доходов вакфа за свою работу вознаграждение по определению ОМДС; 6) в случае неправильных действий мутавалии могут отстраняться от заведывания вакфом по решению ОМДС, подвергаться взысканию убытков по судебному решению, а в случаях присвоения или растраты вверенного имущества подлежат уголовной ответственности².

14 августа 1894 года ОМДС направило в МВД проект управления вакфами, который в целом повторял правила о вакфах в Таврической губернии³. Предусматривалось, что мутавалии со служителями мечети обязаны все пожертвованное имущество и капиталы записывать в свои шнуровые книги, копии которых передавались в ОМДС. Вакфное имущество должно было официально отдаваться в аренду, а капиталы – в ссуду с общего согласия прихода и мутавалия. Мутавалии были обязаны вкладывать переданные капиталы для приращения процентами в сберегательную кассу или отдавать в ссуду по правилам об общественных ссудных кассах⁴. Хотя МВД изучило проект, но не утвердило его, признав неудобным рассматривать проект до утверждения новых правил о вакуфных имуществах в Крыму⁵. В том же году МВД предписало ОМДС не использовать в переписке слово

«вакуф» [Азаматов, 2000]. Закон о вакфах в округе ОМДС так и не был принят.

Позиция российских государственных органов по поводу вакфов в округе ОМДС была противоречивой. В своей противоположности позиции МВД, практика гражданских судов позволяет сделать вывод, что нормы, регулировавшие вакфы в Крыму и Закавказье, распространялись судебными учреждениями по аналогии на округ ОМДС. Например, Казанская судебная палата по делу 1903–1904 годов по иску жены ахуна М. Усмановой указала, что вопросы о регулировании вакфов возникают не только в Крыму и Закавказье, поэтому их нормы могут быть распространены на округ ОМДС. В обоснование своей позиции судебная палата привела ст. 1426 Устава духовных дел иностранных исповеданий, согласно которой в решении дел по вопросам религиозным и имущественным, постройке и содержании мечетей, назначении к ним духовных чинов соблюдается порядок, определенный в законах о ТМДП⁶.

К сожалению, несмотря на общую социальную значимость вакфов, их существование было сопряжено с недостатками. По словам К. П. Победоносцева, вакфы наносили ущерб государственной власти и обществу из-за неуплаты налогов, изъятия из оборота и низкой производительности вакфных земель [Победоносцев, 2003]. Перечисленное служило основанием для ограничения вакфов.

ПРИМЕРЫ ВАКФОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОКРУГА ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ

Как уже отмечалось, российские власти запрещали использование термина вакф в округе ОМДС, однако вакфы все равно учреждались в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, пусть и в несколько иной форме. Наиболее распространены были акты пожертвования. Согласно исследованиям Р. Р. Салихова, учреждение вакфов происходило следующим образом: состоятельный жертвователь обращался с письменным заявлением к собранию прихожан (махалле), в котором подробно описывал жертвуемое имущество, указывал его стоимость, владельцев, условия управления. Община уполномочивала попечителя мечети ходатайствовать перед губернатором о том, чтобы тот обратился за разрешением на прием пожертвования в МВД, которое переправляло свое решение в ОМДС. ОМДС выдавало разрешающую резолюцию и через полицейское управление доводило информацию до сведения прихожан, сообщало мутавалиям

¹РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 906, л. 1; ЦГИА РБ, ф. И–295, оп. 6, д. 87, л. 35

²ЦГИА РБ, ф. И–295, оп. 6, д. 87, л. 38 об., 39 об.

³РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 916, л. 37 об.

⁴ЦГИА РБ, ф. И–295, оп. 6, д. 87, л. 35–36

⁵РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 916, л. 37–38

⁶НА РТ, ф. 51, оп. 5, д. 2982, л. 43–45, 68

о необходимости ежегодной отчетности по вакфу, пересылало им приходно-расходную книгу. Дарение утверждалось у нотариуса, после чего вакф считался оформленным [Салихов, 2005].

Учреждение вакфов в форме пожертвования было достаточно распространенным. Например, 6 ноября 1829 года купец третьей гильдии А. Абдул-мазитов пожертвовал восемь каменных лавок на базарной площади Стерлитамака в пользу медресе. Жертвователю запретил кому-либо из наследников после его смерти, а также себе самому дарить, продавать, закладывать лавки, не включать их в раздел наследства, не заявлять на них прав собственности и не оспаривать акт пожертвования. Мутавалием он назначил себя, после своей смерти – наследников мужского пола, а на случай пресечения рода – имамов и преподавателей медресе¹.

Пожертвование не было единственной формой учреждения вакфа, отношения могли быть закреплены и договором купли-продажи, завещаниями. Так поступили 26 января 1891 года в Троицке мещанин К. М. Халилев и купец М. А. Бакиров. По договору М. А. Бакиров приобрел каменную лавку в пользу мечети и состоящего при ней духовенства. Распоряжение доходами было поручено имамам мечети². 26 марта 1896 г. казанский купец А. Ю. Чукин завещал сдавать свой каменный дом со строениями в Казани на Екатерининской улице в аренду с последующим направлением доходов от аренды на обучение при приходском медресе сирот и детей беднейших мусульман, на содержание их и учителей.³

Некоторые пожертвования мусульман можно назвать актами учреждения вакфов лишь отчасти. В них могли не содержаться конкретное предназначение имущества и направления расходования средств. Духовные учреждения могли, таким образом, распорядиться переданным имуществом или его частью по собственному усмотрению (сдавать в аренду, использовать для размещения духовенства, постройки мечетей, медресе и др.). 2 августа 1913 года башкир дер. Толбазов Московской волости Бирского уезда М. Давлетшин составил завещание, посредством которого земельный надел передавался в полную собственность жене, а другой надел душеприказчики (жена и имам) должны были продать и передать вырученные деньги в пользу Толбазинской второй соборной мечети. Подлежащий продаже надел должен был находиться до момента продажи в безвозмездном пользовании жены⁴.

¹ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 87, л. 45, 45 об.

²ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 87, л. 63.

³ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 87, л. 70–71 об.

⁴ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 3839, л. 1, 2, 4, 9.

УЧРЕЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВАКФА НА ПРИМЕРЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАЗАНИ

Процедуру учреждения и функционирования вакфа более подробно можно рассмотреть на примере вакфа потомственного почетного гражданина Казани Ю. Апанаева. 27 января 1902 года Ю. Апанаев направил в ОМДС прошение об учреждении вакфа в виде передачи каменных лавок в пользу мечети № 10, построенной его дедом М. Апанаевым. Были поставлены условия: 1) весь чистый доход вносится в кредитное учреждение на образование запасного фонда для капитальных ремонтов мечети; 2) заведовать лавкой и страховать ее должен избранный приходом попечитель; 3) попечитель должен ежегодно представлять в ОМДС отчет о доходах лавки⁵.

18 марта 1902 года ОМДС попросило МВД разрешить принять жертвуемую лавку на вышеуказанных условиях, 28 мая 1902 года МВД одобрило передачу⁶. 15 октября 1902 года ОМДС приказало жертвуемое имущество внести в специально заведенную книгу и распорядилось объявить об этом Ю. Апанаеву и прихожанам мечети, а также назначить решением прихода попечителя лавки. 6 октября 1902 г. решение ОМДС было вручено под расписку Ю. Апанаеву Казанским городским полицейским управлением. 14 декабря 1902 года ОМДС приказало имаму каменной мечети № 10 г. Казани объявить прихожанам о пожертвовании и его условиях⁷.

23 декабря 1902 года нотариус г. Казани Э. К. Михаловский заверил решение прихожан, в котором имам мечети А. Абдулбадигов от лица прихода наделил попечителя мечети казанского купца А. М. Амзина следующими правами и обязанностями: 1) заведовать и управлять пожертвованным имуществом; 2) страховать имущество и не доводить его до ветхости; 3) своевременно ремонтировать лавку и квартиру при ней; 4) весь доход от лавки вносить в кредитное учреждение на образование запасного фонда на случай капитального ремонта мечети; 5) ежегодно представлять ОМДС отчеты о своей деятельности; 6) получать денежные средства из банка на ремонт пожертвованного имущества с согласия прихожан с последующим предоставлением отчета о расходах; 7) сдавать лавку в аренду за цену и на условиях по своему усмотрению; 8) получать от арендаторов деньги; 9) при страховых случаях

⁵ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 1, 1 об.

⁶ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 3-6, 13.

⁷ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 14 об., 15, 16, 21.

получать страховые вознаграждения; 10) вести судебные дела¹.

А. М. Амзин осуществлял управление вакфом по всем правилам. При направлении отчетов в ОМДС он указывал все расходы на ремонт, включая оплату труда маляров, поставщиков, плотников и иных работников. Тем не менее 30 ноября 1907 года прихожане мечети № 10 г. Казани избрали попечителями вместо него М. М. Тухватуллина и иных лиц². 19 января 1908 года ОМДС утвердило избранных приходом лиц в качестве попечителей и 29 февраля того же года направило в Казанское городское полицейское управление прошение о предложении бывшему попечителю А. М. Амзину передать имеющиеся у него на руках денежные книги, капитал и документы мечети³.

Однако новые мутавалии, в отличие от А. М. Амзина, перестали направлять в ОМДС ежегодные отчеты о своей деятельности. Поэтому ОМДС 4 марта 1910 года через Казанское городское полицейское управление попросило истребовать от попечителя М. М. Тухватуллина отчеты за 1907–1909 годы по вакфному имению. 21 июня ОМДС было направлено повторное прошение, но безрезультатно. Тогда ОМДС 13 сентября 1913 года обратилось к имаму мечети № 10 С. М. Галиеву с указанием, что М. М. Тухватуллин отчетов не представил и не желает исполнять возложенные на него обязанности. Поэтому Духовное собрание пригрозило, что при отказе мутавалий будет отстранен от должности⁴. Лишь после этого отчеты были предоставлены.

ВАКФЫ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

После Октябрьской революции происходит постепенная национализация вакфов на всей территории СССР, приведшая к исчезновению данного института к 1930-м годам. С конца 1980 – начала 1990-х интерес к исламу возрождается, начинается строительство мечетей, открываются учебные заведения, появляются мусульманские общины. В условиях рыночных реформ и нестабильности верующие на низовом уровне старались материально обеспечить мечети, медресе и нуждающиеся категории населения, вследствие чего фактические вакфные отношения постепенно восстанавливаются на Северном Кавказе и в других регионах России даже без законодательной базы.

¹ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 23.

²ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 52, 52 об., 74–75 об., 81–82 об.

³ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 55, 56.

⁴ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 255, л. 64, 66, 68.

Попытки закрепления института вакфа на правовом уровне и расширения пространства его функционирования предпринимались неоднократно. Так, в Республике Татарстан на протяжении 1990–2000-х годов лидеры мусульман и представители власти (в частности, муфтий Г. Г. Исхаков, председатель Совета по делам религий Кабинета министров РТ Р. А. Набиев) пытались выстроить институт вакфа, мусульманским организациям выделялись земельные участки, недвижимость, предоставлялась материальная помощь в виде кредитов, но несоответствие местных законов федеральным привело к сворачиванию процесса. Законодательные инициативы Татарстана по внесению в федеральное законодательство института вакфа не увенчались успехом [Беккин, 2011]. Кроме того, информация о переданном в мусульманские организации имуществе и доходах от его эксплуатации остается закрытой, нет полного реестра вакфных зданий, их статус не определен [Ахунов, 2013]. Хотя в 1999 году в Республике Татарстан был принят Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в п. 3 ст. 18 которого упоминается о праве религиозных организаций иметь вакфное имущество⁵, ситуация с вакфами не разрешена. Одной из причин является концепция расщепленной собственности, заложенная в основе вакфа: участники вакфных отношений не обладают полнотой прав собственника, тогда как по российскому законодательству право собственности сохраняется или утрачивается в полной мере. Другой причиной являются возможные злоупотребления в силу отсутствия прозрачности и надлежащего контроля за переданным имуществом. Отметим, что последнее является ключевой проблемой не только в России, но и в мусульманских странах с многовековыми традициями вакфа [Baqtayan, 2018; Owais, 2023].

В настоящее время фонды управления вакфами существуют при духовных управлениях мусульман. Например, при ДУМ Республики Татарстан функционирует Фонд «Вакф Республики Татарстан», основной целью которого является формирование и использование материальных и финансовых средств на основе добровольных взносов, преследующее социальные, благотворительные, культурные, образовательные и иные общественно полезные цели в сфере деятельности мусульманских религиозных организаций. Предмет деятельности Фонда – определение первоочередных направлений оказания адресной помощи мусульманским религиозным организациям, в том числе образовательным учреждениям, а также детским мусульманским учреждениям, отдельным малообеспеченным

⁵Закон Республики Татарстан «О свободе совести...».

гражданам, нуждающимся в социальной, материальной поддержке; содействие в охране, ремонте, реставрации зданий, сооружений, культурного, благотворительного и иного назначения; организация и участие в реализации проектов, финансируемых за счет средств Фонда¹.

На наш взгляд, для возрождения института вакфа в России, в том числе в Татарстане, можно использовать существующие правовые инструменты, например, договоры пожертвования и доверительного управления имуществом. Задачей религиозных организаций на данном этапе является выработка единых требований к контрактам и утверждение типовых форм, а также создание контрольных органов, что позволило бы обезопасить права жертвователей. Важным подспорьем для улучшения финансового положения религиозных организаций может стать создание фондов целевого капитала религиозных организаций, так как они также позволяют реализовать основные элементы института вакфа. Единственными условиями для успешного функционирования института вакфа, как и в прошлом, являются наличие: 1) предпринимателей-жертвователей, 2) системы учета имущества и доходов от него, 3) органов контроля за расходованием средств. Без учета указанных факторов невозможно говорить о полноценном возрождении института вакфа в отечественной умме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое регулирование вакфов в округе ОМДС отличалось от округов других мусульманских духовных учреждений Российской империи.

¹ Учрежден Фонд «Вакф РТ» (2012).

Законодательный акт, закреплявший вакф как правовой институт, отсутствовал. Государственная власть, несмотря на обращения ОМДС, не стала разрабатывать отдельный нормативный акт, уточнять порядок учреждения вакфа в округе и полномочия Духовного Собрания в данной сфере. Несмотря на это, вакф в округе ОМДС учреждался в соответствии с общими положениями российского законодательства посредством широкого круга правовых инструментов: актами пожертвования, договорами купли-продажи, духовными завещаниями и др., т. е. отсутствие формального закрепления института не привело к его исчезновению. В вакф могло быть передано недвижимое и движимое имущество, денежные капиталы. ОМДС в рамках своих полномочий осуществляло контроль за их функционированием. Таким образом, важным было не формальное закрепление института, а наличие людей, желающих его реализации, и организация надзора за правильным исполнением воли жертвователей.

В Российской Федерации вакфы в основном функционируют либо в виде устных договоренностей без правового оформления, либо в виде фондов, аккумулирующих пожертвования, в том числе при мусульманских духовных управлениях. Несмотря на отсутствие в России законодательного признания института вакфа, для юридического оформления схожих отношений могут использоваться договоры пожертвования и доверительного управления имуществом, а также иные инструменты, позволяющие обеспечить соблюдение интересов жертвователей и других участников. Такой подход повторяет опыт ОМДС, когда отсутствие правового закрепления института вакфа не препятствовало созданию вакфов при помощи доступных инструментов при наличии благотворителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккин Р. Институт вакфа в современной России // Россия и мусульманский мир. 2011. № 12. С. 24–31.
2. Маргинани Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Ч. 1. М.: Волтерс Клувер, 2008.
3. Мухин В. Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб.: Издание редакционной комиссии по составлению гражданского уложения, 1898.
4. Далгат Э. М. Ислам и формы земельной собственности в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
5. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
6. Салихов Р. Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX в. // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара. Казань, 2006. С. 27–31.
7. Нофаль И. Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте. Вып. 1. СПб.: Изд. воен.-учеб. ком. Главн. Штаба, 1886.
8. Raissouni A. Islamic «Waqf endowment». Scope and Implications. Rabat: ISESCO, 2001.
9. Khan Z. Reviving the Waqf Tradition: Moral Imagination and the Structural Causes of Poverty. 2 July 2020. URL: <https://yaqeeninstitute.org/zarakhan/reviving-the-waqf-tradition-moral-imagination-and-the-structural-causes-of-poverty/>.

10. Загидуллин И. К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань, 2006. С. 44–102.
11. Арапов Д. Ю. Документы об управлении мусульман Тавриды в конце XVIII – начале XIX вв. // Сборник русско-го исторического общества. М., 2003. № 7 (155). С. 91–98.
12. Ойсунгуров И. М. Вафк в Дагестане: к вопросу о становлении института вакфа в феодальных владениях и сельских общинах Дагестана // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 32, № 32. С. 26–31
13. Матвеев В. А. Особенности организации духовного управления для мусульманского населения северокавказской окраины Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 3 (264). С. 103–112.
14. Масагутов Р. Ф. Землевладение и землепользование татар уездного города Стерлитамак в конце XVIII – первой трети XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 2, № 10. С. 72–79.
15. Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 2000.
16. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: «Статут», 2003.
17. Салихов Р. Р. В конце XIX начале XX века у казанских татар был развитой опыт благотворительной деятельности // Татарский мир. 2005. № 1. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=663§ion=0&heading=0>.
18. Ахунов А. М. Попытки возрождения системы вакфов в постсоветском Татарстане // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 431–432.
19. Baqutayan Sh. M.S., Ariffin A. S., Mohsin M. I. A., Mahdzir A. M. Waqf Between the Past and Present // Mediterranean Journal of Social. 2018. Vol. 9, № 4. P. 149–155.
20. Owais M., Jawwad A. Waqf management reform: a pathway to alleviate povert within Muslim societies // Journal of Emerging Economies and Islamic Research. 2023. № 11 (1). P. 57–70.

REFERENCES

1. Bekkin, R. (2011) Institut vakfa v sovremennoj Rossii. Rossiya i musul'manskij mir. = Waqf Institute in Modern Russia. Russia and the Muslim World. № 12. P. 24–31. (In Russ)
2. Marginani, B. (2008). Xidoya. Kommentarii musul'manskogo prava. Ch. 1. = Hidoya. Commentaries on Islamic law. Part 1. Moscow: Volters Kluver. 808 p. (In Russ)
3. Muxin, V. F. (1898). Ocherk magometanskogo prava nasledovaniya = Essay on Mohammedan law of inheritance. St. Petersburg: Publication of the editorial commission for the preparation of the civil code. 296 p. (In Russ)
4. Dalgat, E. M. (2001). Islam i formy` zemel'noj sobstvennosti v Dagestane. Islam i islamskaya kul'tura v Dagestane = Islam and forms of land ownership in Dagestan // Islam and Islamic culture in Dagestan. Moscow: Eastern Literature Press of Russian Academy of Sciences. 198 p. (In Russ)
5. Islam. E'nciklopedicheskij slovar' (2001) = Islam. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Nauka. 315 p. (In Russ)
6. Salixov, R. R. (2006). Tatarskaya burzhuaziya Rossii i transformaciya tradicionnoj musul'manskoj blagotvoritel'nosti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Islam i blagotvoritel'nost'. Materialy` vserossijskogo seminar. = The Tatar bourgeoisie of Russia and the transformation of traditional Muslim charity in the second half of the 19th – early 20th centuries. Islam and charity. Materials of the All-Russian seminar. Kazan, 2006. 27–31. (In Russ)
7. Nofal', I. (1886). Kurs musul'manskogo prava, chitanny`j v 1884/85 g. v uchebnom otdelenii vostochny`x yazy'kov pri Aziatskom departamente. Vy`p. 1 = A course of Islamic law, given in 1884/85 in the educational department of oriental languages at the Asian Department. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing house of General Staff. 221 p. (In Russ)
8. Raissouni, A. (2001) Islamic «Waqf endowment». Scope and Implications. Rabat: ISESCO.
9. Khan, Z. (2020) Reviving the Waqf Tradition: Moral Imagination and the Structural Causes of Poverty. 2 July. URL: <https://yaqeeninstitute.org/zarakan/reviving-the-waqf-tradition-moral-imagination-and-the-structural-causes-of-poverty/>.
10. Zagidullin, I. K. (2006). Vakufy` v imperskom pravovom prostranstve. Materialy` vserossijskogo seminar «Islam i blagotvoritel'nost'». Waqfs in the imperial legal space. Materials of the All-Russian seminar “Islam and Charity” Kazan. 44–102. (In Russ)
11. Arapov, D. Yu (2003). Dokumenty` ob upravlenii musul'man Tavridy` v konce XVIII – nachale XIX vv. Sbornik russkogo istoricheskogo obshhestva. = Documents on the administration of Muslims of Taurida at the end of

- the 18th – beginning of the 19th centuries. Collection of the Russian Historical Society. Moscow, 7(155), 91–98. (In Russ.)
12. Ojsungurov, I. M. (2019). Vakf v Dagestane: k voprosu o stanovlenii instituta vakfa v feodal'nyh vladeniyah i sel'skih obshchinah Dagestana. Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. = Waqf in Dagestan: on the issue of establishing the institution of waqf in feudal estates and rural communities of Dagestan. Legal Bulletin of the Dagestan State University, 32(32), 26–31. (In Russ.)
 13. Matveev, V. A. (2020). Osobennosti organizacii duhovnogo upravleniya dlya musul'manskogo naseleniya severokavkazskoj okrainy Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya = Features of the organization of spiritual administration for the Muslim population of the North Caucasian outskirts of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies, 3(264), 103–112. (In Russ.)
 14. Masagutov, R. F. (2020). Zemlevladienie i zemlepol'zovanie tatar uezdnogo goroda Sterlitamak v konce XVIII – pervoj treti XX veka. Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. = Land ownership and land use of the Tatars of the district city of Sterlitamak at the end of the XVIII century – the first third of the XX century. From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region, 2(10), 72–79. (In Russ.)
 15. Azamatov, D. D. (2000). Iz istorii musul'manskoj blagotvoritel'nosti. Vakufy na territorii Evropejskoj chasti Rossii i Sibiri v konce XIX – nachale XX vv. Ufa: Izdatel'stvo Bashkirskogo universiteta. (In Russ.)
 16. Pobedonoscev, K. P. (2003). Kurs grazhdanskogo prava. Ch. 2. Prava semejstvenny'e, nasledstvenny'e i zaveshhatel'ny'e = Civil law course (Part 2. Family, hereditary and testamentary rights). Moscow: Statut. (In Russ.)
 17. Салихов, Р. Р. (2005). V konce XIX nachale HH veka u kazanskij tatar byl razvitoy opyt blagotvoritel'noj dejatel'nosti = In the late 19th and early 20th centuries, the Kazan Tatars had a well-developed experience of charitable activities. Tatarskij mir, 1. <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=663§ion=0&heading=0>. (In Russ.)
 18. Axunov, A. M. (2013). Popy'tki vozrozhdeniya sistemy` vakfov v postsovet'skom Tatarstane. Problemy` sovremennoj e'konomiki = Attempts to revive the waqf system in post-Soviet Tatarstan. Problems of modern economics, 4(48), 431–432. (In Russ.)
 19. Baqutayan, Sh. M. S., Ariffin, A. S., Mohsin, M. I. A., Mahdzir, A. M. (2018). Waqf Between the Past and Present. Mediterranean Journal of Social, 9(4), 149–155.
 20. Owais, M., Jawwad, A. (2023). Waqf management reform: a pathway to alleviate povert within Muslim societies. Journal of Emerging Economies and Islamic Research, 11(1), 57–70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухаметзари́пов Ильшат Амирович

кандидат исторических наук

ведущий научный сотрудник

Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhametzaripov Ilshat Amirovich

PhD in History

Leading Researcher

of the Center for Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
10.07.2024
15.07.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Тема алавитов в турецких исследованиях

В. Н. Саутов

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
sv@vlldoc.com

Аннотация. Историография турецких исследований на тему арабских алавитов / нусайритов анализируется за республиканский период истории Турции. Особое внимание уделяется современным публикациям, которые отличаются более взвешенным и объективным подходом. Цель статьи заключается в определении типологии и специфики турецкой научной литературы об алавитах. Материалы и методы обусловлены задачей изучения турецкой историографии об алавитской общине. Они включают в себя работы из подписных изданий, зарубежных библиотек, а также сравнительно исторический метод исследования. В соответствии с авторской периодизацией проанализированы отличительные аспекты научных трудов по заявленной тематике на разных этапах развития турецкого государства, выявлена специфика и определена типология подходов турецких авторов к теме.

Ключевые слова: алавиты, нусайризм, Турция, источниковедение, историография

Для цитирования: Саутов В. Н. Тема алавитов в турецких исследованиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 99–106.

Review article

The Alawite Topic in Turkish Studies

Vladimir N. Sautov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sv@vlldoc.com

Abstract. The historiography of Turkish studies on the topic of Arab Alawites/Nusayris is analyzed for the Republican period of Turkish history. Particular attention is paid to modern publications, which are distinguished by a more balanced and objective approach. The purpose of the article is to determine the typology and specificity of Turkish scientific literature about the Alawites. Materials and methods are determined by the task of studying Turkish historiography about the Alawite community and include works from subscription publications, foreign libraries, as well as a comparative historical research method. In accordance with the author's periodization, the distinctive aspects of scientific works on the stated topic at different stages of the development of the Turkish state were analyzed, the specifics were identified and the typology of approaches of Turkish authors to the topic was determined.

Keywords: Alawites, Nusairism, Turkey, source studies, historiography

For citation: Sautov, V. N. (2024). The Alawite Topic in Turkish studies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 99–106. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Значительный интерес турецких ученых к проблематике алавитской общины связан, в первую очередь, со множественным присутствием на территории Малой Азии представителей означенной религиозной конфессии. Турецкий вариант алавитского вероучения принято обозначать термином «алевизм». Однако в отношении полного генетического родства с арабским алавизмом среди ученых до сих пор нет единства. Кроме того, арабские «алавиты» – самоназвание общины, которая до 20-х годов XX века называлась «нусайриты». Это именование фигурирует и в работах турецких исследователей, занимающихся историей общины до новейшего периода. При этом следует учитывать, что турецкая провинция Хатай, где значительную долю населения до сих пор составляют алавиты, исторически представляет собой бывший сирийский Александреттский санджак, отошедший к Турции только в 1939 году.

Представленный анализ турецкой историографии охватывает работы только республиканского периода, т. е. публикации, вышедшие на протяжении последних ста лет.

В историографии различных аспектов нусайризма / алавизма или алевизма на турецком языке прослеживаются несколько этапов в хронологическом порядке. Они характеризуются всплесками интереса к тому или иному вопросу алавитской проблематики. Отчасти такой интерес может объясняться неравномерной динамикой стратегии национальной политики Турецкой Республики, но в значительной степени это волнообразное движение подчинено флуктуациям исторической научной мысли, развивающейся по собственным законам.

Можно выделить также и «горизонтальные» группы научных публикаций по этой общей теме. Они характеризуются различными подходами авторов в освещении истории арабских алавитов / нусайритов (а также, как правило, и турецких алавитов). Избираемые различными авторами методы работы, подходы к теме, в свою очередь зависят как от социального положения исследователей, так и от целей, стоящих перед ними.

Особое внимание уделяется современным публикациям на турецком языке, которые отличаются более взвешенным и объективным подходом.

Цель статьи заключается в определении типологии и специфики турецкой научной литературы об алавитах. Среди задач исследования можно выделить следующие: охарактеризовать разные типы научных публикаций на турецком языке, выявить основные типологические характеристики,

а также определить специфические черты работ турецких ученых по данной проблематике.

Обзор литературы. В отечественном востоковедении столь детальное исследование, претендующее на исчерпывающий охват турецкой историографии по алавитам, предпринимается впервые. В западной научной литературе также не удалось обнаружить подробного изложения историографии темы. Отдельные элементы содержатся в некоторых работах по истории конфессиональных общин Анатолии, но в качестве работ-предшественников они рассматриваться не могут. Единственной работой, посвященной специально историографии, можно считать статью на турецком языке Селахаттина Тозлу «Библиография по нусайритам и нусайризму» в сборнике 2010 года [Tozlu, 2010a; Tozlu, 2010b]. Тем самым, представляемое исследование не может не обладать определенной научной новизной.

Методы работы обусловлены задачами изучения турецкой историографии об алавитской общине. Соответственно, методы исследования включают в себя работы с базами данных и зарубежными библиотеками, турецкими подписными изданиями. В основе же методологии лежит сравнительно-исторический подход, включающий в себя методы сопоставления данных, сравнение типологических характеристик публикаций, а также общепринятые методы историографических исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Турецкая библиография на тему арабских алавитов / нусайритов условно может быть разделена на несколько категорий:

- 1) книги религиозных деятелей (шейхов), в частности, наиболее известных: Шерафетина Серина, Мехмета Муллаоглу, Махмута Рейхани, Насреддина Эскиоджака, Махмута Недима Турханера и др.,
- 2) научные исследования нусайризма,
- 3) популярные работы в основном этнографического характера, базирующиеся на полевых исследованиях.

Сочинения первой категории характеризуются широкой свободой интерпретации религиозного знания, разнообразием подходов к оценке природы Али бин Аби Талиба и к проблеме божественной инкарнации (*хулул*).

Работы второй категории демонстрируют вариативность оценок алавитского вероучения, его соотношения с суннитской и шиитской традициями. Закрытый характер доктрины и стремление раннереспубликанского правительства Турции ассимилировать алавитов задали тон академическим исследованиям в сфере алавизма / нусайризма на

долгие годы вперед. Лишь в последние два десятилетия исследования алавизма в Турции вышли на качественно новый этап, значительно повысив уровень объективности интерпретаций и расширив источниковую базу.

Работы третьей категории, как правило, методологически несовершенны, написаны рядовыми представителями алавитской общины или людьми, не входящими в нее, но проявляющими интерес к культуре и обычаям нусайритов.

Особняком стоят переводы основополагающих источников нусайритского вероучения с арабского на турецкий язык. Существующее многообразие работ и имеющейся в них информации значительно усложняет исследование алавитской проблематики в Турции, определяет необходимость оценки исторических, социально-политических условий появления того или иного материала и личности его автора.

Избранная историография не претендует на всеохватность, но содержит систематизацию работ по алавизму / нусайризму, подготовленных в Турции, в хронологическом порядке и в соответствии с тематикой, позволяя группировать их и выявлять то особенное, что привносится в изучение вопроса на каждом этапе.

В связи с закрытым образом жизни, традиционным для общины алавитов / нусайритов, для самого раннего периода Турецкой Республики характерно отсутствие научных исследований по теме. Первая статья раннереспубликанского периода турецкой историографии, посвященная арабским алавитам / нусайритам, принадлежит Баха Саиду [Said, 1927]¹. Она была опубликована в 1927 году и включила в себя материалы полевых исследований. В ней автор описывает места компактного проживания алавитов / нусайритов, выявляет их отличия от турецкого и арабского населения, несмотря на языковую общность с последним.

Вторая по времени работа написана в 1938 году Хасаном Решитом Танкутом в преддверии вхождения провинции Хатай в состав Турецкой Республики [Tankut, 1938]. В ней особое внимание уделено этническим корням алавитов. Автор указывает на политическую ангажированность произведений европейских исследователей и миссионеров, подчеркивает якобы истинно турецкую природу нусайритов, которых называет потомками хеттов.

В 1973 году в Парижском университете Ахмет Туран защитил докторскую диссертацию на тему нусайризма в Хатае [Turan, 1973]. К этому же периоду можно отнести публикации различных статей

в энциклопедиях, а также написание выпускных квалификационных работ на теологических факультетах университетов [Bozgaç, 1983; Saraç, 1984]. В 1975 году в Антакье Селим Сонмез опубликовал книгу, посвященную празднику Гадир Хум и личности Али бин Аби Талиба [Sönmez, 1975]².

И вот что примечательно! В то время как период 1980–1990-х годов характеризуется резким подъемом интереса к анатолийскому алевизму и значительному увеличению исследовательских и научно-популярных публикаций на эту тематику, на тему нусайризма в журналах³ было подготовлено всего лишь несколько статей и монографий. К наиболее информативным из них относятся книга Омера Улучая [Uluçay, 1996]. В ней рассматривались как общие вопросы нусайризма, так и частные особенности алавизма в Турции, а также работа Касыма Энера [Ener, 1993], посвященная истории и этнографии провинции Адана. Комплексный характер имеет труд известного религиоведа Этхеме Рухи Фыглалы о разных течениях в исламе [Fiğlalı, 1980]⁴, который содержит, в частности, сведения о нусайризме.

Отдельно необходимо рассмотреть работы, опубликованные нусайритскими лидерами, в том числе за пределами Турции. В связи с активной миграцией граждан Турции в Европу многие алавиты / нусайриты, оказавшись за пределами родины, испытывали недостаток сведений о собственной религии и культуре. Так, например, в 1981 году в Кёльне была опубликована книга алавитского шейха Махмута Недима Турханера «Что такое религия?» [Turhaner, 1981]⁵, адресованная, как пояснял ее издатель Мехмет Ай, нусайритам Германии. Кроме того, стоит упомянуть изданные в Турции в 1990-х годах и широко известные в алавитской среде сочинения шейхов – Мехмета Муллаоглу (M. Mullaoglu, 1996, 1999, 1998), Шерафеттина Серина (Ş. Serin, 1988, 1995, 1999), Махмута Рейхани – особого внимания заслуживает четырехтомное сочинение автора «Огни без теней» (M. Reyhani, 1994, 1995, 1997, 2000), Насредина Эскиоджака (N. Eskiocak)⁶, а также Мехмета Тевфика Оззена (M. Özzen, 1992), Мустафы

²Более поздняя работа автора: Sönmez S. Alevilik Nedir? Antakya, 1993.

³Can S. Türkiyeli Arap Alevileri // Kervan. 1994. S. 17–19.

⁴Впоследствии книга многократно переиздавалась. Ее современное название «Современные исламские мазхабы».

⁵Еще одно важное сочинение автора называлось «Борьба Аллаха с мазхабами» (1997).

⁶Важной работой автора стоит считать «Кто первый алевит?» (Eskiocak N. İlk Alevi Kimdir? İstanbul, Can Yayınları, 1996). Проблема реинкарнации и божественной манифестации в личности Али б. Аби Талиба освещена в книге: Eskiocak N. Yaratıcının Azameti ve Kur'an'daki Reenkarnasyon. İstanbul 1997.

¹Для более полных сведений по алевизму, бекташизму и нусайризму в сравнительном плане см.: Said B. Türkiye'de Alevî-Bektaşî, Ahî ve Nusayrî Zümreleri, (yay. haz. İsmail Görkem). Ankara, Kültür Bak. Yayınları, 2000.

Бедира Соная (M. B. Sonay, 1999), Сабахаттина Соная (S. Sonay, 1991), Селима Сонмеза (S. Sönmez, 1975, 1993), Сафаздина Аксоя (E. Aksoy, 2010).

Большой научный интерес представляет труд шейха из Мерсин Абдюлькерима Куртулуша, поведующий о непростой судьбе его отца – также шейха-нусаирита – попавшего в плен к французам и чудом спасшегося из него [Kurtuluş, 2000]. Примечательно, что исследователи-сунниты (например, Ильяс Юзюм), анализируя работы шейхов-нусаиритов, указывают на то, что сведения, содержащиеся в них, зачастую не отражают или даже противоречат основным постулатам алавитской доктрины, закрепленным в священных текстах нусаиритов, и объясняют это принципом сокрытия веры [Üzüm, 2000].

Для объективизации знаний о нусаиризме в Турции большое значение имеют переводы с арабского на турецкий язык оригинальных источников по религии алавитов. Без всяких сомнений, ключевым из них является «Книга всеобщего», или *Kıtab al-madżmu'*, перевод которой был осуществлен Ахметом Тураном в 1996 году [Turan, 1996]¹. Другое важное издание принадлежит Абдюльхамиту Синаноглу, оно представляет собой краткий перевод сочинения Сулаймана-эфенди ал-Адани (турецкий вариант имени – Сулейман-эфенди Аданалы)² и включает в себя материалы интервью с нусаиритским шейхом из Антакьи [Sinanoğlu, 1997]. Третий значимый перевод был сделан с известного сочинения Мухаммада Амина Галиба ат-Тавила о нусаиритах (или «арабских алевитах») и выполнен Исмаилом Оздемиром в 2000 году.

Кроме того, имеются два перевода арабского источника нусаиритского шейха IX–X веков ал-Хусайна б. Хамдана ал-Хасиби «Ал-Хидайа ал-кубра», выполненные Ахметом Сонаем в 2015 году и Эмином Айбаджи в 2022 году.

Своеобразным преддверием комплексного научного изучения алавизма / нусаиризма в Турции можно считать проведение в 1997 году Фондом научных исследований ислама (İslâmî İlimler Araştırma Vakfı) масштабной конференции, посвященной алевитам, бекташи и нусаиритам Турции. По ее результатам издан сборник под редакцией видного специалиста в области изучения исламской гетеродоксии Ахмета Яшара Оджака, который переиздавался не раз и до сих пор представляет собой важный источник по алевизму

в Турции. В этой книге содержится, в частности, статья о нусаиритах, принадлежащая авторству несомненного лидера современной исторической науки в Турции Ильбера Ортайлы [Ortaylı, 1999]. В ней ученый подчеркивает отличие групп алевитов Анатолии и Румелии (используя применительно к ним термин *Alevî*) от нусаиритов Сирии и Хатая (которых именует *Alavî*).

Для периода начала 2000-х годов характерен подъем интереса в Турции к вопросам нусаиризма. В частности, внимания заслуживают работы Хюсейина Тюрка (H. Türk, 2010), Омера Улучая (Ö. Uluçay, 1996, 2001, 2003), Инана Кесера (I. Keser, 2005, 2006, 2008, 2016, 2020), Шахие Сай (Ş. Say, 2004), Энгина Сертеля (E. Sertel, 2005), Исмаила Онарлы (İ. Onarlı, 2006), Джахита Аслана (C. Aslan, 2009), а также ряд магистерских диссертаций.

Представляет интерес специальный выпуск научного журнала «Турецкая культура и Хаджи Бекташ Вели» (*Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*), посвященный исключительно алевитской проблематике, вобравший в себя статьи турецких ученых, которые освещают различные аспекты нусаиризма.

Так, четыре статьи, вошедшие в журнал, а именно исследование Али Синана Бильгили «Нусаириты Аданы, Тарса и Мерсина в османских архивных документах (XIX–X вв.)» [Bilgili, 2010], статьи Селахаттина Тозлу «Нусаириты Антакьи и Искендеруна в османских архивных документах (XIX в.)» [Tozlu, 2010] и Угура Акбулута «Нусаириты Латакии в османских архивных документах (XIX в.)» [Akbulut, 2010], а также совместная работа Наима Уркмеца и Айдына Эфе «Общие сведения о нусаиритах в османских архивных документах (XIX век)» [Ürkmez, Efe, 2010], основаны на османских архивных материалах. Они тематически дополняют друг друга. В этих статьях рассматриваются связи центрального правительства и нусаиритов, негативное отношение османов к миссионерской деятельности европейцев и американцев, направленной на алавитов, принятие ответных мер, таких как строительство школ и мечетей. Примечательно, что в этих статьях акцентируется желание самих нусаиритов перейти в суннитский ислам. Также в 2010 году коллективом авторов была опубликована монография «Нусаириты и нусаиризм в османских архивных документах», охватывающая 1745–1920 годы [Ürkmez et al., 2010].

Миссионерской деятельности и западному взгляду на нусаиризм посвящены статьи Ахмета Беше «Нусаириты в английских и американских источниках» [Beşe, 2010], Неджметтина Алкана «Османские нусаириты согласно немецким источникам» и Абдуллаха Эра «Нусаириты во французских письменных источниках» [Er, 2010], которые

¹В своем предисловии автор отмечает, что «нам неизвестно, когда именно была написана книга... впервые она была опубликована в Бейруте как часть книги Сулеймана-эфенди Аданалы в 1863 г.»

²Речь идет об известном сочинении «Книга первого плода Сулейманова в открытии тайн нусаиритской веры» (*Кıtab al-bakura as-Suлайманийя фи кашф асрар ад-дийана ан нусаирийя*), или кратко «Кıtab al-bakura».

также базируются на архивных материалах: отчетах, официальной переписке, путевых заметках, воспоминаниях миссионеров, исследователей и т.д. В этих работах деятельность западных миссий оценивается как политически ангажированная.

Следующие статьи касаются различных аспектов доктрины и религиозной практики нусайритов. Так, исследование Ханефи Палабийыка «Нусайризм с точки зрения религиозных верования и особенностей» [Palabıyık, 2010] освещает историю нусайризма, выявляет его характерные черты. Подчеркивается самобытность нусайризма и невозможность его полного включения в суннитскую или шиитскую парадигму.

Вопрос исторических связей и взаимовлияния нусайризма и исмаилизма освещен в статье Айше Атыджы Араянджан «Два религиозных течения в сирийском регионе: исмаилиты-низариты и нусайриты» [Araıanjan, 2010]. Автор отмечает сходство в философии и структуре двух исламских течений, которые именует шиитскими, и утверждает, что нусайризм оказал существенное влияние на формирование веры в переселение душ в среде низаритов Сирии.

Статья Эрдала Аксоя «Социальная структура нусайритской общины и подход раннереспубликанского правительства к данной общине, проживавшей в Турции» [Aksoy, 2010] основана на официальных документах. Автор прослеживает эволюцию социального и правового статуса нусайритов в период после провозглашения Турецкой Республики. Показано, что нусайриты являются одним из элементов, формирующих турецкую нацию.

Современное состояние нусайризма рассмотрено в статьях Мехмета Донмеза «Способы отправления культа религиозными лидерами в хатайском алевизме» [Dönmez, 2010] и Хюсейина Тюрка «Култ Хызра среди нусайритов», основанных на результатах полевых исследований [Türk, 2010]. В статье Мехмета Темизкана «Нусайризм в литературе алевитов-бекташи» [Temizkan, 2010] приводятся редкие сведения об устной поэтической традиции нусайритов, анализируется творческое наследие известного поэта Озана Вирани.

Наряду с исследовательскими статьями в специальном выпуске журнала присутствуют важные обзорные работы, подготовленные по результатам полевых исследований в Хатае, а также рецензии на телевизионную программу и переизданную монографию Хюсейина Тюрка «Тайная вера Анатолии: религиозные системы и культурные особенности нусайризма». В книге приводятся общие сведения о нусайритском вероучении, социальной организации и механизмах взаимопомощи и

контроля внутри общины, праздниках, методах передачи религиозного знания, религиозных практиках и обычаях (в том числе, о значении *тюрбе*, почитании *Хызра / Ходра* и т. д.), а также вере в реинкарнацию. Автор книги указывает на отличия нусайритов как от суннитов, так и от шиитов, отмечает закрытый характер общины, обусловленный долгими преследованиями со стороны доминирующих религиозных сил, и подчеркивает мистический характер вероучения.

Завершает специальный выпуск журнала упомянутая работа С. Тозлу, посвященная библиографии по теме нусайризма [Tozlu, 2010a; Tozlu, 2010b], которая содержит перечень западных и турецких тематических исследований, составленный в алфавитном порядке.

Для позднейшего периода, начиная с 2010-х годов, среди турецких исследователей проявляется и находит выражение в многочисленных публикациях устойчивый интерес к проблеме алавизма. Среди них необходимо выделить неоднократно переизданную популярную монографию Инана Кесера¹ и его новую книгу об арабах на востоке Турции², исследование Эрдинча Кинешчи, посвященное оценке влияния деятельности политических партий на формирование идентичности нусайритов [Kineşçi, 2017], работу Али Ихсана Октена, выступающего защитником культурного и религиозного многообразия в Турции, в частности традиций нусайритов [Ökten, 2017], и работу Рейхана Эрдогду Башарана³. Книга Селахаттина Тозлу и Наима Уркмеза включает в себе ранее не опубликованные архивные материалы по нусайритам времен Первой мировой войны. Историческое исследование Саджита Угуза охватывает историю нусайризма со времен его возникновения вплоть до распада Османской империи [Uğuz, 2019]. Однако особое внимание в работе уделено периоду Танзимата. Отличительной особенностью последней книги является сравнительный анализ арабского нусайризма и алевизма Анатолии, а также выявление сходных черт и степени взаимовлияния нусайризма и исхакизма на ранних этапах. Кроме того, в начале 2024 года была опубликована монография Ахмета Баглыоглу, в которой освещается процесс формирования нусайризма, особенности его вероучения и ритуальная практика [Bağlıoğlu, 2024].

¹Keser İ. Nusayrî Alevilik. Tarih, İnanç, Kimlik. Adana Karahan Kitabevi, 2016.

²Keser İ., Seyidoğlu S. Türkiye'nin Doğusunda Araplar. Adana, Karahan Kitabevi, 2020.

³Başaran R. E. Nusayrîlik, İshakîlik, Alevilik. Tarih, Literatür ve İnanç. Ankara, Eski Yeni Yayınları, 2023.

ОБСУЖДЕНИЕ

Динамика развития научного интереса к теме общины алавитов / нусайритов характеризуется неравномерностью. Начальные публикации пришлись на период французского мандата в Сирии, когда осуществлялись проекты дробления сирийских территорий, в том числе, по конфессиональному признаку. Вполне возможно, что первые турецкие полевые исследования на эту тему были осуществлены не без политической подоплеки, особенно учитывая дальнейший успех в «оттягивании» от подмандатной Сирии в пользу Турецкой Республики Александреттского санджака (провинции Хатай).

Впоследствии умозрительный подход к исторической тематике был, очевидно, заслонен сугубо практическими соображениями турецких властей: в период подъема в регионе исламистских движений, особенно в Сирии – с конца 70-х и в 90-е годы XX века – акцент турецких ученых был сделан на изучении собственных общин этой деноминации, турецких алевитов.

Увеличивается количество академических исследований на тему нусайризма в Турции. Всплеск интереса к данной теме в академических кругах пришелся на рубеж XX–XXI веков. Работы этого периода разнообразны, многосторонни, базируются на богатом источниковом и эмпирическом материале, демонстрируют более объективный и обоснованный взгляд на проблемы, нежели ранние публикации.

Приток миллионов сирийских беженцев на территорию Турции в период так называемого сирийского кризиса вкупе со значительной внутренней трудовой миграцией (в том числе арабов) из восточных районов страны в более развитые западные районы обусловил интерес

исследователей к религиозной культуре турецких арабов Восточной Анатолии (работа 2020 года).

Необходимостью более фундировано обеспечивать национальную и религиозную политику можно объяснить повторное – после издания 2015 года – обращение к одному из главных и наиболее популярных источников алавитского вероучения «Ал-Хидайя ал-кубра»: другой вариант перевода был осуществлен уже в 2022 году. В 2024 году турецкими учеными вновь публикуется научный труд о нусайритах, начиная с истоков формирования этой общины и складывания ее вероучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, интерес со стороны турецкого научного сообщества к теме алавизма / нусайризма с течением времени не только не угасает, но углубляется. Подходы становятся, по-видимому, более основательными, включающими изучение алавитско / нусайритских догматов по первоисточникам.

Внутренняя проблематика алевизма даже уступает место изучению нусайризма как истока этой турецкой общины. Исторический подход прослеживается и в исследованиях локальных конфессиональных групп – алевитов Аданы, Тарса, Мерсина, Хатая, а также восточных областей страны с их многонациональным и многоконфессиональным составом, включая алевитов. Налицо сознательное обращение турецких исследователей к истокам вероучения нусайритов, к трактатам эпохи Средневековья с целью выяснить природу религиозной культуры, а возможно, и спрогнозировать в ближайшей перспективе (особенно с учетом неизбежного периода восстановления разрушенной войной соседней Сирии) социальное алавитско / нусайритское поведение столь важной для Турции конфессиональной общины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tozlu S. Osmanlı Arşiv Belgelerinde Antakya ve İskenderun Nusayrîleri (19. Yüzyıl) // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010a. № 54. S. 79–110.
2. Tozlu S. Nusayrîler ve Nusayrîlik Bibliyografyası // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010b. № 54. S. 323–350.
3. Said B. Anadolu'da Gizli Mâbedlerden: Nusayrîler ve Esrâr-ı Mezhebiyeleri // Türk Yurdu, Kânunisânî. 1927. H. V. S. 6–27.
4. Tankut H. R. Nusayrîler ve Nusayrîlik Hakkında. Ankara: Ulus Basımevi, 1938.
5. Turan A. Les Nusayrîs de Turquie dans la Region D'Hatay. PhD thesis, Histoire. Paris: Sorbonne, 1973.
6. Bozgaç M. Tarsus ve Çevresindeki Nusayrîler'le Mülakat. Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Ktp. 1983. Nr. 22910.
7. Saraç C. Nusayrîlik. Dokuz Eylül Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Ktp. 1984. Nr. 15724.
8. Sönmez S. Gadir Bayramı ve Hz. Ali. Antakya. 1975.
9. Uluçay Ö. Arap Aleviliği: Nusayrîlik. Adana: Gözde Yayıncılık, 1996.
10. Ener K. Tarih Boyunca Adana Ovasına Bir Bakış. Adana: Hakan Ofset, 1993.
11. Fırlı E. R. Çağımızda İtikâdî İslâm Mezhepleri. İstanbul: Selçuk Yayınları, 1980.
12. Turhaner M. N. Din Nedir? N/p, 1981.

13. Kurtuluş A. Şih İbrahim Esir'in Esaretten Kurtuluşu / Şih Yusuf Esir'in Mersiyesi ve Vasiyeti. Mersin, 2000.
14. Üzümlü İ. Türkiye'de Alevî/Nusayrî Önderlerinin Eserlerinde İnanç Konularına Yaklaşım // İslâm Araştırmaları Dergisi. İstanbul, 2000. Sayı 4. S. 173–187.
15. Turan A. Kitabı'l-Mecmu'u'nun Tercümesi // Ondokuz Mayıs Üniversitesi İlahiyat Fak. Dergisi. Samsun. 1996. № 8. S. 5–18.
16. Sinanoğlu A. Nusayrîler'in İnanç Dünyası ve Kutsal Kitabı. Konya: Yayınları, 1997.
17. Ortaylı İ. Alevilik, Nusayrîlik ve Bâb-ı Âlî // Tarihi Kültürel Boyutlarıyla Türkiye'de Aleviler, Bektaşiler : Nusayrîler Sempozyumu Bildireleri İstanbul. Ensar Neşriyat, 1999. S. 35–46.
18. Bilgili A. S. Osmanlı Arşiv Belgelerinde Adana, Tarsus ve Mersin Nusayrîleri (19–20.Yüzyıl) // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. P. 49–78.
19. Akbulut U. Osmanlı Arşiv Belgelerinde Lazkiye Nusayrîleri (19.Yüzyıl) // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 111–126.
20. Ürkmez N., Efe A. Osmanlı Arşiv Belgelerinde Nusayrîler Hakkında Genel Bilgiler // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 127–134.
21. Ürkmez N. et al. Osmanlı Arşiv Belgelerinde Nusayrîler ve Nusayrîlik (1745–1920) / N. Ürkmez, A. S. Bilgili, S. Tozlu, U. Akbulut. Ankara: Gazi Üniversitesi Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Merkezi, 2010.
22. Beşe A. İngiliz ve Amerikan Kayıtlarında Nusayrîler // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 159–182.
23. Er P. Sözlü Gelenekten Derlemelerle Hatay Alevileri (Nusayrîler) ve İnanç Esasları // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 277–290.
24. Palabıyık M. H. Dini İnançları ve Özellikleri Bakımından Nusayrîlik // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 19–48.
25. Arayancan A. A. Suriye Bölgesinde İki İnanç Hareketi: Nizârî İsmâîlîleri ve Nusayrîlik // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 183–198.
26. Aksoy E. Nusayrîlerin Sosyal Yapıları ve Cumhuriyetin İlk Yıllarında Türkiye'de Yaşayan Bu Topluluğa Devletin Yaklaşımları // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. P. 199–212.
27. Dönmez M. Hatay Aleviliğinde İnanç Önderlerinin İbadeti İdrak Ediş Tarzları // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. P. 213–224.
28. Türk H. Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. P. 314.
29. Temizkan M. Alevi-Bektaşî Edebiyatında Nusayrîlik // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı. Ankara, 2010. № 54. S. 243–252.
30. Kineşçi E. Nusayrî Kimliğinin Oluşumunda Siyasal Katılımın ve Siyasi Partilerin Rolü: Hatay Örenği. Ankara: Gece Kitaplığı, 2017.
31. Ökten A. I. Anadolu'nun Sırlı Aynası, Arap Aleviler (Nusayrîler). Adana: Karahan Kitabevi, 2017.
32. Uğuz S. Tarihte Nusayrîler. Ortaya Çıkışı, Yayılışı ve Osmanlı'da Nusayrî Toplumu. İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2019.
33. Bağlıoğlu A. Nusayrîliğin Teşekkül Süreci, İnanç ve Ritüelleri. Ankara: Okulu Yayınları, 2024.

REFERENCES

1. Tozlu, S. (2010a) Osmanlı Arşiv Belgelerinde Antakya ve İskenderun Nusayrîleri (19. Yüzyıl). Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 79–110. Ankara.
2. Tozlu, S. (2010b). Nusayrîler ve Nusayrîlik Bibliyografyası. Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 323–350. Ankara.
3. Said, B. (1927). Anadolu'da Gizli Mâbedlerden: Nusayrîler ve Esrâr-ı Mezhebiyeleri. Türk Yurdu, Kânunisânî, V, 6–27.
4. Tankut, H. R. (1938). Nusayrîler ve Nusayrîlik Hakkında. Ankara: Ulus Basımevi.
5. Turan, A. (1973). Les Nusayrîs de Turquie dans la Region D'Hatay. PhD thesis, Histoire. Paris: Sorbonne.
6. Bozgaç, M. (1983). Tarsus ve Çevresindeki Nusayrîler'le Mülakat. Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Ktp., 22910.
7. Saraç, C. (1984). Nusayrîlik. Dokuz Eylül Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Ktp., 15724.
8. Sönmez, S. (1975). Gadir Bayramı ve Hz. Ali. Antakya.
9. Uluçay, Ö. (1996). Arap Aleviliği: Nusayrîlik. Adana: Gözde Yayıncılık.
10. Ener, K. (1993). Tarih Boyunca Adana Ovasına Bir Bakış. Adana: Hakan Ofset.
11. Fırlı, E. R. (1980). Çağımızda İtikâdî İslâm Mezhepleri. İstanbul: Selçuk Yayınları.
12. Turhaner, M. N. (1981). Din Nedir? N/p.
13. Kurtuluş, A. (2000). Şih İbrahim Esir'in Esaretten Kurtuluşu. Şih Yusuf Esir'in Mersiyesi ve Vasiyeti. Mersin.

14. Üzümlü, İ. (2000). Türkiye'de Alevî/Nusayrî Önderlerinin Eserlerinde İnanç Konularına Yaklaşım. *İslâm Araştırmaları Dergisi*, 4, 173–187. İstanbul.
15. Turan, A. (1996). *Kitabu'l-Mecmu'u'nun Tercümesi*. Ondokuz Mayıs Üniversitesi İlahiyat Fak. Dergisi. Samsun, 8, 5–18.
16. Sinanoğlu, A. (1997). Nusayrîler'in İnanç Dünyası ve Kutsal Kitabı. Konya, Yayınları.
17. Ortaylı, İ. (1999). Alevilik, Nusayrîlik ve Bâb-ı Âlî. Tarihi Kültürel Boyutlarıyla Türkiye'de Aleviler, Bektaşiler (s. 35–46). Nusayrîler Sempozyumu Bildireleri İstanbul, Ensar Neşriyat.
18. Bilgili, A. S. (2010). Osmanlı Arşiv Belgelerinde Adana, Tarsus ve Mersin Nusayrîleri (19-20. Yüzyıl). *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 49–78. Ankara.
19. Akbulut, U. (2010). Osmanlı Arşiv Belgelerinde Lazkiye Nusayrîleri (19. Yüzyıl). *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 111–126. Ankara.
20. Ürkmez, N., Efe, A. (2010). Osmanlı Arşiv Belgelerinde Nusayrîler Hakkında Genel Bilgiler. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 127–134. Ankara.
21. Ürkmez, N., Bilgili, A. S., Tozlu, S., Akbulut, U. (2010). Osmanlı Arşiv Belgelerinde Nusayrîler ve Nusayrîlik (1745–1920). Ankara, Gazi Üniversitesi Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Merkezi.
22. Beşe, A. (2010). İngiliz ve Amerikan Kayıtlarında Nusayrîler. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 159–182. Ankara.
23. Er, P. (2010). Sözlü Gelenekten Derlemelerle Hatay Alevileri (Nusayrîler) ve İnanç Esasları. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 277–290. Ankara.
24. Palabıyık, M. H. (2010). Dini İnançları ve Özellikleri Bakımından Nusayrîlik. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 19–48. Ankara.
25. Arayancan, A. A. (2010). Suriye Bölgesinde İki İnanç Hareketi: Nizârî İsmâîlîleri ve Nusayrîlik. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 183–198. Ankara.
26. Aksoy, E. (2010). Nusayrîlerin Sosyal Yapıları ve Cumhuriyetin İlk Yıllarında Türkiye'de Yaşayan Bu Topluluğa Devletin Yaklaşımları. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 199–212. Ankara.
27. Dönmez, M. (2010). Hatay Aleviliğinde İnanç Önderlerinin İbadeti İdrak Ediş Tarzları. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 213–224. Ankara.
28. Türk, H. (2010). *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 314. Ankara.
29. Temizkan, M. (2010). Alevi-Bektaşî Edebiyatında Nusayrîlik. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. Nusayrîlik Özel Sayısı, 54, 243–252. Ankara.
30. Kineşçi, E. (2017). Nusayrî Kimliğinin Oluşumunda Siyasal Katılımın ve Siyasi Partilerin Rolü: Hatay Örneği. Ankara: Gece Kitaplığı.
31. Ökten, A. İ. (2017). Anadolu'nun Sırlı Aynası, Arap Aleviler (Nusayrîler). Adana: Karahan Kitabevi.
32. Uğuz, S. (2019). Tarihte Nusayrîler. Ortaya Çıkışı, Yayılışı ve Osmanlı'da Nusayrî Toplumu. İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık.
33. Bağlıoğlu, A. (2024). Nusayrîliğin Teşekkül Süreci, İnanç ve Ritüelleri. Ankara: Okulu Yayınları.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саутов Владимир Николаевич

кандидат исторических наук
заместитель научного руководителя
Института востоковедения Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sautov Vladimir Nikolaevich

PhD (Historical Sciences)
Deputy Scientific Director of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	02.07.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.07.2024	approved after reviewing
принята к публикации	15.07.2024	accepted for publication

Институционализация социального партнерства гражданского общества и военной организации государства в Российской Федерации

Е. С. Гореликов

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
general85@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье решаются вопросы появления и развития экспертного взаимодействия гражданского общества и военной организации государства в условиях СВО. Цель статьи – обосновать целесообразность реализации такого взаимодействия на основе институционализации социального партнерства и с использованием структурно-функционального подхода. Делаются выводы о том, что данное социальное партнерство, будучи институционализированным, исполняло бы инструментальную функцию обеспечения военной безопасности государства и социальную функцию укрепления общественного порядка.

Ключевые слова: институционализация, гражданское общество, военная организация государства, экспертное взаимодействие, социальное партнерство, военная безопасность государства

Для цитирования: Гореликов Е. С. Институционализация социального партнерства гражданского общества и военной организации государства в Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 107–113.

Original article

Institutionalization of Social Partnership between Civil Society and Military Organization of the State in Russian Federation

Evgeniy S. Gorelikov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
general85@yandex.ru*

Abstract. This article discusses the issues of the emergence and development of expert interaction between civil society and the military organization of the state in Russian Federation giving the conditions of Special military operation. The purpose of the article is, using a structural and functional approach, to substantiate the expediency of implementing such interaction on the basis of institutionalization of social partnership. It is concluded that this social partnership, being institutionalized, would perform the instrumental function of ensuring the military security of the state and the social function of strengthening public order.

Keywords: institutionalization, civil society, military organization of the state, expert interaction, social partnership, military security of the state

For citation: Gorelikov, E. S. (2024). Institutionalization of social partnership between civil society and military organization of the state in Russian Federation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 107–113. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция на Украине выявляет проблемы реорганизации различных структур российского государства, в том числе требования существенной корректировки военной политики, военного строительства и военного управления, меняет характер отношений между обществом и военной организацией государства. Ее затягивание обостряет проблему поиска путей привлечения потенциала всего общества. При этом имеет место массовое повышение заинтересованности гражданского общества в России во включении людей в помощь военной организации государства. Стихийно и исключительно интенсивно формируются новые связи и отношения, взаимодействие гражданского общества с военной организацией государства обретает новые формы, обращено не только к традиционным, но и к новым практикам, формальным и неформальным, подчас отдельным, единичным действиям, которые еще не получили массового распространения, но крайне важны для функционирования военно-гражданских отношений. Они проявляются в самых разных областях стыковых с военной деятельностью, во многих из которых граждане, обладающие специальными знаниями, могут считаться экспертами. Таким образом, подобная включенность представителей гражданского общества в деятельность органов военного управления, воинских формирований, а также производственного и научного комплексов страны, результатом чего является их совместная деятельность по обеспечению военной безопасности Российской Федерации, может быть обозначена как экспертное взаимодействие. В широком смысле под экспертным взаимодействием следует понимать тип социального взаимодействия между экспертными сообществами различных областей, либо между экспертным сообществом одной области и лицами, принимающими решения другой, построенное на принципах диалога и сотрудничества. В данной статье рассматривается их частный случай – экспертное взаимодействие военной организации государства и гражданского общества. Организационно такое взаимодействие выглядит как привлечение и включение в военную деятельность представителей некоммерческих и общественных организаций, добровольно оказывающих содействие по таким областям как: военно-политический анализ и прогнозирование, гуманитарная помощь, материально-техническое снабжение, тактическая подготовка, тактическая медицина, техническое сопровождение, во многих из которых они являются экспертами. Оно может проявляться на трех

уровнях, соответствующих трем уровням военного управления и функционирования военной организации государства: тактическом, оперативном и стратегическом. В то же время данное экспертное взаимодействие имеет место как в областях, касающихся подготовки к ведению вооруженной борьбы и обеспечения военной безопасности, так и в областях, связанных с военной проблематикой общественных, естественных и технических наук. В данной статье эксперты рассматриваются в двух проявлениях: теоретики (аналитики, прогнозисты, военкоры) и практики (технические специалисты, волонтеры-снабженцы, инструкторы). Раскрытие отечественных подходов к экспертному взаимодействию военной организации и гражданского общества стоит начать с возрождения институтов гражданского общества в современной России. В частности, согласно Указу Президента Российской Федерации, по приказу министра обороны РФ в декабре 2006 года был создан Общественный совет при Министерстве обороны РФ. Однако он функционирует в качестве совещательного органа, и его решения носят исключительно рекомендательный характер, не обязывая ни политическое, ни военное руководство к каким-либо действиям. Так же как на проявление экспертного взаимодействия гражданского общества и военной организации предлагается взглянуть на проект «Армия и Общество». Создатели и кураторы проекта рассматривали общество и армию как части единого социума, взаимодополняющие, взаимопроникающие друг в друга. Ключевой была идея формирования постоянно действующей системы взаимодействия, площадки, где две стороны обсуждают общие наиважнейшие государственные вопросы и их решения.

Новую актуальность аналогичные идеи приобрели с началом специальной военной операции. Так, в частности, в июне 2022 года состоялась первая из последующего ряда постоянных официальных встреч президента Российской Федерации с военными корреспондентами, работающими на передовой, с целью обсуждения проблемных вопросов, возникающих в ходе спецоперации. Этой встречей было положено начало регулярному диалогу высшего руководства Российской Федерации и представителей независимой журналистики, как части гражданского общества, именно по военным вопросам. Позже, в декабре 2022 года данному диалогу были приданы формализованные очертания с подписанием президентом Российской Федерации Распоряжения №420-РП «О рабочей группе по обеспечению взаимодействия органов публичной власти и организаций по вопросам мобилизационной

подготовки и мобилизации, социальной и правовой защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей». Собранный в группе пул военных корреспондентов нужен именно для задания некоего вектора освещения событий с последующей выдачей практических рекомендаций. В контексте приведенных выше примеров можно говорить не только об объективной актуальности интенсификации военно-гражданского экспертного взаимодействия, но и об осознанности действий политического и военного руководства в объединении с разносторонним опытом гражданских отраслей для повышения собственной эффективности.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Однако несмотря на фактическое наличие такого экспертного взаимодействия, к сожалению, нельзя сказать, что происходящий пересмотр подходов принес сдвиги системного характера. Военная сфера все еще остается закрытой для общества, которое лишено реальной возможности влиять на решения по вопросам военной политики и военного строительства, принимаемые на высшем уровне, хотя именно от этих решений напрямую зависит обеспечение обороноспособности страны, обеспечение военной безопасности ее граждан. Неформализованность практик экспертного взаимодействия указывает на отсутствие или недостаток реализующих структур. Также общеизвестно, что целью деятельности гражданского общества помимо сдерживания политической власти, борьбы за внедрение в жизнь принципов правового государства и защиты частных сфер жизни является повышение эффективности функционирования государственных институтов. Целью же функционирования военной организации является обеспечение военной безопасности. Автору очевидна общность устремлений гражданского общества и военной организации, заключающаяся в обеспечении национальных интересов Российской Федерации. Налицо единая цель, к которой заинтересованные субъекты идут разными путями, синергетически не используя свои потенциалы. В факте оторванности гражданской экспертизы от деятельности военной организации государства автор видит источник возможных социальных проблем.

Как было отмечено, определенная часть гражданского общества избирает путь включенности в общественные процессы, обусловленные обеспечением военной безопасности наряду с государственными структурами, и выделяет на это ресурсы. Однако неинституциональный характер

данной включенности говорит о проявлении невнимания и недоверия государства к гражданским инициативам. Поскольку деятельность гражданских инициатив помощи и содействия военной организации находит сочувствие значительной части патриотически настроенных граждан, пусть и не вступающих в общественные организации, то такого рода игнорирование потребностей общества со стороны государства создает предпосылки для развития социальной напряженности. Данные предпосылки проявляются в недовольстве текущей ситуацией в наиболее значимых сферах общественной жизни:

1. В политической – в недовольстве самим фактом продолжающихся военных действий и отсутствием оптимизма в оценке развития текущих событий, в низком уровне доверия к принимаемым и реализуемым политическим решениям;
2. В социальной – в недовольстве дискриминацией и расслоением общества на вовлеченных в обеспечение военной безопасности государства и полностью игнорирующих данный социальный процесс;
3. В экономической – в недовольстве и часто задаваемых вопросах на предмет вынужденного финансового участия граждан в помощи военной организации и недостаточности усилий государства в этом отношении.

Общеизвестно, что развитие подобного состояния общества может выполнять как конструктивную, так и деструктивную функцию. При деструктивном сценарии бесконтрольный рост социального напряжения часто приводит к протестам, массовым беспорядкам, оттоку кадров, недоверию к власти, что впоследствии обостряет политические и экономические проблемы, способствует еще большему росту напряженности у большего количества индивидуумов.

ПУТИ РЕШЕНИЯ

Ключом к упреждению подобных социальных кризисов, а также к созданию общей созидательной направленности жизнедеятельности общества в период текущего военно-политического противостояния, автор видит в упорядочивании экспертного взаимодействия военной организации государства и гражданского общества. Реализация как общих интересов, так и интересов отдельных субъектов этого взаимодействия может быть достигнута на основе социального партнерства. Введение этого термина предполагает обсуждение того, как следует его понимать. Энциклопедический социологический словарь под редакцией

Осипова определяет «партнерство» в общем смысле как «Совместная деятельность, основанная на равных правах и обязанностях, направленная на достижение общей цели» [Осипов, 2000, с. 234]. Социальное же партнерство в широком смысле характеризуется как спектр социальных взаимодействий, направленных на удовлетворение общих интересов при условии отказа от конфронтации. При этом на сегодняшний день существует как минимум два подхода к трактовке социального партнерства. Первый – традиционное понимание: взаимодействие как способ регулирования противоречий в социально-трудовой сфере. Второй рассматривает социальное партнерство более широко и относит это понятие скорее к области регулирования отношений в социально-экономической и политической сферах жизни общества через межсекторное взаимодействие. С означенных позиций социальное партнерство можно рассматривать как совокупность взаимодействующих и выстроенных в определенной последовательности методов решения социальных проблем путем реализации контактов между институтами, сформировавшимися в ходе человеческой деятельности в различных областях [Шевцова, 1999].

Для уяснения предмета статьи значимо взаимодействие между такими социальными институтами, как институт государства, институт армии (в лице военной организации государства) и институты гражданского общества. Известно, что в социальной практике сочетания взаимодействий данных институтов могут находить свои выражения в сферах СМИ, бизнеса, политики и так далее. Таким образом, экспертное взаимодействие военной организации государства и гражданского общества выступает как одна из составных частей, как частный случай многогранного взаимодействия государства и гражданского общества, который предлагается реализовать с помощью социального партнерства [Лашёнов, 2018].

С теоретико-методологической точки зрения социальное партнерство – это специфический тип общественных отношений, рассматриваемый через категории «социальное взаимодействие», «социальная солидарность», «социальный порядок», «баланс интересов». С теоретико-прикладных позиций целью социального партнерства является формирование особого типа социального взаимодействия в системе «государство, военная организация государства и гражданское общество». Данное взаимодействие, понятое как часть государственной политики, должно обладать устойчивыми и регулярными формами. Переход от временных связей военной организации государства и гражданского общества, обусловленных

возникнувшей внешней военной угрозой, к устойчивым и постоянным связям, отсылает к институциональному характеру такого взаимодействия [Барабанов, 2019].

Таким образом, в форме экспертного взаимодействия военной организации государства и гражданского общества межинституциональное социальное партнерство проявляется как интегративный (объединяющий различные виды деятельности), многокомпонентный (имеющий свою структуру), полисубъектный и полифункциональный феномен [Греджев, 2003]. Сущность института социального партнерства военной организации государства и гражданского общества заключается в партисипативном принятии решений в сфере военной безопасности государства, основанном на добровольной кооперации, на глубоком осознании общности интересов и рациональности объединения ресурсов для их достижения. Но как указывает Г. Спенсер, «согласованные действия не могут совершаться без участия некоторых деятелей, которые приспособляли бы их друг к другу относительно времени, количества и рода. Другими словами, сотрудничество должно получить организацию, добровольную или недобровольную» [Спенсер, 1997]. Представляется, что эта организация может быть осуществлена двумя способами. Первый – выполнение государством медиативных и регулирующих функций в системе «государство, военная организация государства и гражданское общество». Второй способ организации – это и есть институт, исполняющий указанные функции.

Институционализация социального партнерства военной организации государства и гражданского общества актуальна и востребована. Обобщая различные определения институционализации, результирующим будет понимание данного процесса в двух аспектах: 1. Как процесс внедрения некоторой концепции в социальную систему или общество в целом. 2. Как процесс создания правительственных учреждений или конкретных органов (или реорганизация уже существующих) для какого-либо вида деятельности.

В классическом понимании процесс институционализации проходит несколько этапов. Для того чтобы осмыслить форму существования института социального партнерства военной организации государства и гражданского общества, покажем его поэтапное образование.

1. Социальный институт по определению является устойчивой организационной формой совместной деятельности людей. Означенная деятельность возникает на основе стремления граждан к удовлетворению некоторой общественной потребности

и достижения общих целей. Так, невозможно отрицать существование всеобщей и актуальной потребности в обеспечении достаточного уровня военной безопасности и в связи с этим — потребность военной организации в прикладных проблемно-ориентированных экспертных знаниях. Невозможно отрицать и потребность гражданского общества участвовать в политической жизни страны.

2. Система статусов и ролей, присущая данному институту, выражается в делении субъектов взаимодействия на представителей военной организации, принимающих решения, на взаимодействие с гражданскими экспертами и на самих субъектов гражданской экспертизы в самом общем смысле.
3. К сожалению, недостатком социального партнерства военной организации государства и гражданского общества остается пробел в законодательном закреплении социальных норм, правил, процедур, практик и системы санкций, регламентирующих действия субъектов взаимодействия. Всё перечисленное представлено лишь несколькими правительственными распоряжениями, носящими узконаправленный характер. Это влечет за собой ограничения в масштабах и пространстве воспроизведения нефиксированных процедур.

Далее приведем классификацию Скобелиной Н. А., касающуюся институционализации общественных движений. Данная классификация в полной мере актуальна и в нашем случае. На ее основе, социальные институты представляется возможным классифицировать по природе организации.

- 1) институты, основанные на инициативе, идущей «снизу», от общества. Их появлению предшествует выкристаллизовывание социальной потребности, далее — интернализация членами специфических социальных норм, ценностей и формирование на их основе новых потребностей, ценностных ориентаций и ожиданий. Впоследствии ведется самостоятельное создание материальной, финансовой, ресурсной базы и работа по распространению институционализированных форм деятельности. Как правило они имеют ограниченные возможности для развития и характеризуются неустойчивыми социальными связями (спонтанный путь институционализации);
- 2) институты, поддерживающиеся со стороны власти, созданные «сверху», вокруг организационного ядра или лидера. Они

изначально признаны и легитимны, имеют институционализированные формы деятельности, не нуждаются в ресурсах, имеют достаточно возможностей для достижения своих целей и характеризуются стабильными социальными связями (планируемый путь институционализации);

- 3) институты комбинированного типа, которые организуются как «снизу», на основе гражданской инициативы, так и «сверху», политическим лидером (либо спланированный, либо спонтанный путь институционализации) [Скобелина, 2014]. Социальным связям подобных институтов присущи нерегулярность, неустойчивость и кратковременность.

Продолжая рассуждения и следуя за Г. Спенсером, скажем, что он выделял кооперацию двух родов — принудительную и непринудительную. При этом, он ставил вопрос о том каким образом лучше обеспечивается успех — «при помощи тех бессознательных коопераций, которые сами собой развились в течение социальной эволюции, или при помощи тех социальных коопераций, которые в настоящее время находят защитников...» [Спенсер, 1997, с. 331]. В принципе деятельность гражданских инициатив в партнерстве с военной организацией государства основана на добровольной и непринудительной основе. С другой стороны, принимая во внимание институциональную закрытость военной организации государства, приведение ее к исполнению своей роли в данном партнерстве должно проводиться в некоторой обязательной, принудительной форме.

Именно здесь уместно обозначить некую двоякость в трактовке понятия «институционализация» как процесса формирования различных типов социальной деятельности в качестве социальных институтов. Итак, в первом смысле — это стихийное возникновение и становление новых типов социальной деятельности в обществе, частота и взаимосвязанность которых настолько высоки, что вполне заслуживают определения институтов. В ином смысле это управляемое развитие необходимых организационных структур и связанных с ними социальных норм и регулятивов поведения, интеграция нового вида социальной деятельности в существующую структуру общественных отношений.

Закрытость военной организации в России сама по себе создает проблемы во взаимодействии с любыми другими социальными институтами, в особенности с предвзято дискредитированным гражданским обществом. Поэтому военная организация осуществляет взаимодействие с гражданским

обществом зачастую не на горизонтальном уровне, то есть не по своему желанию, а на вертикальном уровне под давлением государства. Недостаточным видится то воздействие, которое может оказать само гражданское общество своим давлением «снизу» и убеждением. Поэтому, наряду с частичным осознанием некоторыми представителями военной организации общности их целей, потребностей и устремлений с гражданским обществом, немаловажна в данном процессе и роль государства. Нужное воздействие «сверху» может быть оказано президентом через правительство, а также путем закрепления упомянутого взаимодействия в соответствующих нормативно-правовых актах.

Итак, институт социального партнерства военной организации государства и гражданского общества фактически уже существует и является ярким примером неформального социального института комбинированного типа. Отвечая в разной степени всем признакам социального института, он характеризуется мощной гражданской инициативой «снизу», высокой частотой, но низкой систематизацией социальных практик, довольно ограниченной государственной

поддержкой и практически полным отсутствием нормативно-правовой базы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В полноценной институционализации «сверху» и во внедрении в общественную практику таких отношений в сфере обеспечения военной безопасности государства, которые бы аккумулировали и интегрировали экспертный потенциал как непосредственно военной организации государства, так и гражданского общества при рациональном балансе принудительной и непринудительной кооперации автор видит путь предотвращения возможных социальных проблем и нейтрализации их негативных социальных следствий. Соответственно, институционализация социального партнерства военной организации государства и гражданского общества на основе их экспертного взаимодействия, неся инструментальную (практическую) функцию в области обеспечения военной безопасности государства, впоследствии исполняет главную социальную функцию снятия социальной напряженности и укрепления общественного порядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА – М). М.: 2000.
2. Шевцова Е. А. Совершенствование управления занятостью персонала на предприятиях промышленности в условиях формирования рынка труда: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Орел, 1999.
3. Лашёнов М. С. Формирование социального партнёрства в правоохранительной сфере: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2018.
4. Барабанов А. А. Потенциал социального партнерства в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 234–248.
5. Греджев В. А. Взаимодействие военной организации государства и гражданского общества в современной России (Социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2003.
6. Спенсер Г. Синтетическая философия: пер. с англ. К.: Ника-Центр, 1997.
7. Скобелина Н. А. Институционализация общественных движений в российском обществе конца XX – начала XXI веков (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2014.

REFERENCES

1. Osipov, G. V. (2000). Sociologicheskij e`nciklopedicheskij slovar` na russkom, anglijskom, nemeczkom, francuzskom i cheshskom yazy`kax = Sociological encyclopedic dictionary in Russian, English, German, French and Czech. Izdatel'stvo NORMA (Izdatel'skaya gruppa NORMA—INFRA – M) Moscow. (In Russ.)
2. Shevczova, E. A. (1999). Sovershenstvovanie upravleniya zanyatost`yu personala na predpriyatiyax promy`shlenosti v usloviyax formirovaniya ry`nka truda = Improving the management of personnel employment at industrial enterprises in the context of the formation of the labor market. PhD in economics. Orel. (In Russ.)
3. Gredzhev, V. A. (2003). Vzaimodejstvie voennoj organizacii gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii (Social'no-filosofskij analiz) = The interaction of the military organization of the state and civil society in modern Russia (Socio-philosophical analysis). PhD in philosophy. Moscow. (In Russ.)

4. Laschenov, M. S. (2018). Formirovanie sotsial'nogo partnerstva v pravookhranitel'noj sfere = Formation of social partnership in the law enforcement sphere: PhD in sociology: Moscow. (In Russ.)
5. Barabanov, A. A. (2019). Potentsial sotsial'nogo partnerstva v sovremennoj Rossii = The potential of social partnership in modern Russia // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. Vol. 12. Issue 3. (In Russ.)
6. Spenser, Gerbert. (1997). Sinteticheskaya filosofiya = Synthetic Philosophy. Per. s angl. K.: Nika-Centr. (In Russ.)
7. Skobelina, N. A. (2014). Institucionalizaciya obshchestvenny`x dvizhenij v rossijskom obshchestve konca XX – nachala XXI vekov (sociologicheskij analiz) = Institutionalization of social movements in Russian society of the late XX – early XXI centuries (sociological analysis): PhD in sociology. Volgograd. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гореликов Евгений Сергеевич

кандидат военных наук

докторант кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorelikov Evgeniy Sergeevich

PhD in Military Sciences

doctoral student of Department of Sociology of the Prince Alexander Nevsky Military University

of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2024
12.06.2024
13.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316:311.2

К вопросу о классификации методов формирования выборок в социологических исследованиях

В. Л. Примаков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vprim2007@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей статье на основе теоретического и практического обобщения опыта реализации современных методов выборочных исследований систематизируется и предлагается обновленное понимание оснований классификаций. Выделяются и кратко характеризуются различные классы, типы, виды и конкретные методы построения выборок в социологических исследованиях.

Ключевые слова: основания классификации, классы выборочных методов, типы методов формирования выборок, виды выборочных методов

Для цитирования: Примаков В. Л. К вопросу о классификации методов формирования выборок в социологических исследованиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 114–121.

Original article

On the Issue of Classification of Sampling Methods in Sociological Research

Viacheslav L. Primakov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vprim2007@yandex.ru*

Abstract. Based on the theoretical and practical analysis of the experience in implementing modern sampling methods, the article presents a systematic and updated understanding of classification principles, identifies and characterizes various types, categories, and specific sampling methods in sociological research.

Keywords: criteria for classifying, classes of sampling methods, types of sampling methods, subtypes of sampling methods

For citation: Primakov, V. L. (2024). On the issue of classification of sampling methods in sociological research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 114–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В общенаучном дискурсе вопрос классификаций всегда имел важное значение. Особенно, когда речь шла о классификации методов научной деятельности. Особую актуальность научная классификация приобретает тогда, когда практика наполняется большим количеством методических приемов и способов решения поставленных задач, которые требуют научного соотнесения, упорядоченности, систематизации.

Это умозаключение можно всецело отнести к методам формирования выборок в социологических исследованиях. Только за последние годы методические приоритеты на российском исследовательском рынке существенно изменились. Например, в 2022 году в сегменте количественных исследований, базирующихся, в основном, на выборочных данных, доминировали телефонные (41 %) и выборочные исследования онлайн (32 %). А на выборочных личных опросах (face-to-face) базировалось менее четверти исследований (23 %)¹. Тогда как несколько лет назад в приоритете были выборочные личные опросы. Появляются и активно используются новые методы построения выборок.

Однако единого или хотя бы общепринятого классификационного подхода к выборочным методам нет. Между тем вопрос такой классификации является принципиальным, особенно в социологических выборочных исследованиях, поскольку выбор тех или иных методов существенно влияет на основные параметры выборки (объем, структура, репрезентативность). Прочитаем коллег: «К сожалению, в социологической литературе, причем не только в отечественной, но и в зарубежной, не наведен порядок в отношении четкой классификации типов выборки и методов ее получения. Можно встретить самые разные названия для одного и того же типа выборки» [Добренков, Кравченко, 2009, с. 179]. Приведем лишь некоторые примеры, главным образом, из учебно-методической литературы, которая должна, по нашему мнению, анализировать и систематизировать всевозможные подходы к подобным классификациям для использования в учебном процессе при подготовке специалистов-социологов.

Так, например, в ставшем классическим и не единожды переизданном учебнике В. А. Ядова «Социологические исследования: методология, программа, методы» классификации выборочных методов не приводится, но выделяются выборки

репрезентативные «по параметрам, приближенным к пропорциям в генеральной совокупности», и целевые, «в которой численность каждой интересующей нас группы будет достаточна для более основательного анализа» [Ядов, 2001, с. 112, 115]. Известный отечественный социолог Г. Г. Силласте выделяет следующие виды выборочных методов: вероятностная (случайная) и целенаправленная. В первую группу автором включаются собственно случайный отбор (повторный и бесповторный), механическая выборка, серийная и гнездовая. Во вторую группу – репрезентативная, квотная и стихийная выборка [Силласте, 1998]. В уже цитируемом нами учебнике не менее известных социологов В. И. Добренкова и А. И. Кравченко предлагается выделять два типа методов формирования выборок: вероятностные (случайные) и невероятностные (неслучайные, целевые, целенаправленные), а также комбинационный, смешанный (многоступенчатый) тип [Добренков, Кравченко, 2009]. Авторы широко распространенного учебного пособия «Прикладная социология: методология и методы» выделяют модель вероятностной и фокусированной выборок [Горшков и др., 2009]. Наконец в учебнике коллектива авторов Санкт-Петербургского университета в классификационной схеме выделяют повторные и бесповторные, а также случайные и неслучайные виды выборок [Методология и методы ... 2014]. Внимание авторов сосредотачивается на анализе таких случайных видов отбора, как простой случайный и систематический (шаговый). К неслучайным относятся квотный, целевой (типический, типологический), метод «снежного кома». Отдельно рассматривается кластерный (гнездовой) отбор, а также некоторые типы онлайн-выборок.

Очевидно, что при таком плохо структурированном наборе моделей, классов, типов, видов выборочных методов отбора сложно увидеть систему, более или менее четкую их классификацию. Собственно, цель данной статьи и заключается в попытке систематизировать используемые в практике социологических исследований методы формирования выборок в обоснованной классификационной модели.

ОСНОВАНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАССИФИКАЦИИ ВЫБОРОК В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В философском представлении принято считать, что *классификация* – это логическая операция разделения объектов (в данном случае методов выборочного отбора) по группам, классам на основании существенного(-ых) признаков. Такие признаки носят, как правило, единичный и объективный

¹Состояние рынка социологических и маркетинговых исследований в 2022 году. URL: https://researchfund.ru/files/industry_report_2022.pdf (дата обращения: 30.03.2024).

характер. В рамках классификаций методов, как наиболее общей логической процедуры, выделяют *типы* – группы методов, схожих (типичных) по сочетанию некоторых признаков. Типологию нередко называют классификацией, однако знак равенства в строгом смысле слова здесь ставить нельзя. Поскольку типология – выделение типов по схожим признакам, объединение объектов по этим признакам, а классификация – разделение на группы по определенным признакам, критериям, в результате которых появляются классы схожих объектов. *Вид* – это категория, определяющая выделение в классе (роде, типе), характеризующемся общими признаками, некоторой группы, обладающей, специфическими чертами, признаками.

Под *методами формирования выборки* мы, в свою очередь, понимаем совокупность способов, приемов и процедур отбора объектов репрезентации (единиц отбора и единиц анализа) в выборочную совокупность. В конкретном выборочном исследовании эта совокупность методов формирует соответствующую выборочную методику отбора.

Что касается непосредственной классификации методов формирования выборки, то речь, прежде всего, должна идти о ключевом основании. Полагаем, что таким ключевым критерием выступает *принцип отбора*. В соответствии с этим принципом все выборочные методы, используемые в социологических исследованиях, можно разделить на два класса: повторные и бесповторные.

Повторными называются методы отбора единиц анализа (реже единиц отбора или групп единиц анализа), при которых эти единицы возвращаются в основу выборки (исходную основу формирования выборки) или, шире, в генеральную совокупность. Такой принцип отбора обеспечивает одинаковую вероятность любой единице анализа быть выбранной из основы выборки.

Бесповторными называются методы отбора, в ходе которых отобранные единицы анализа обратно в основу выборки не возвращаются и исключаются из отбора. При таком подходе вероятность отбора каждой из оставшихся единиц анализа если и увеличивается, то незначительно (при большом их количестве), что не нарушает принцип случайности формирования выборки. Однако этот метод снижает ошибку повторного отбора одних и тех же единиц анализа. Поэтому во многих учебных и методических материалах утверждается *принцип бесповторного отбора в социологических выборочных исследованиях*, что, без сомнения, важно и принципиально, главным образом, при реализации случайных выборок. Однако оба эти класса (группы) методов могут быть реализованы в социологических исследованиях.

Еще одним существенным основанием для классификации анализируемых выборочных методов мы бы назвали *специфику пространства репрезентации и отбора единиц анализа*. Здесь под пространством репрезентации (представления, проявления) понимаются две принципиально различные его формы: как реально наблюдаемые материальные объекты, так и виртуально формируемые нематериальные объекты моделируемой электронно-технологической среды. Отсюда и два соответствующих класса методов отбора: аналоговые, офлайн-методы отбора и виртуальные, онлайн-методы отбора.

Под *аналоговыми* методами (*офлайн-методами*) выборочного отбора мы понимаем такие, которые основываются и используются для схожих, соразмерных природе материального существования объектов в реальном пространстве. Эти объекты реально существуют, имеют конкретную форму и содержание, их можно идентифицировать, отбирать, считать, отсеивать и пр. Это могут быть люди, общности, некоторые физические объекты (здания, документы и т. п.), символические объекты (например, телефонные номера) и пр.

Виртуальными (*онлайн-методами*) мы классифицируем методы отбора нематериальных объектов, являющихся следствием искусственного моделирования реальности программно-технологическими средствами. Они реально не существуют, их репрезентация опосредована, условна в силу условности существования самих этих объектов, средств и способов их представления и проявления, идентификации, фиксации, счета, анализа. К таким объектам можно отнести различные электронные аналоги, пользователей сети и их реакции, электронные адреса, тексты, страницы (электронные), а также коллективные формы существования в интернет-пространстве (сайты, группы, форумы, коммуникаторы, чаты и т. п.).

Следует добавить, что в профессиональном тезаурусе социологов-исследователей и не только закрепилась классификация не на аналоговые и виртуальные, а на офлайн- (*англ. offline* – вне линии, отключенный от Сети) и онлайн-выборки или методы выборочного отбора (*англ. online* – на линии, в Сети) совсем корректно, поскольку является сленгом, но рельефно и показательно.

Не менее важным основанием (критерием) классификации методов формирования выборки является *роль вероятностных закономерностей в формировании выборочной совокупности*. На основании данного признака все методы формирования выборки можно объединить также в два класса:

- а) случайные (вероятностные);
- б) неслучайные (невероятностные, направленные, целевые, фокусированные).

Случайными (вероятностными) называют методы, основанные на вероятностных закономерностях формирования выборочной совокупности, параметры которой определяются с помощью математической статистики.

Неслучайными (направленными, невероятностными, целевыми, фокусированными) называют методы, при которых единицы выборочной совокупности отбираются направленно, в соответствии с целями исследования и программой использования выборочного метода.

В некоторых учебных и прикладных источниках находят свое обоснование и другие классификационные схемы. В частности, речь идет о классификации, основанной на *методическом различии структурных ступеней (этапов) проектируемой выборки*. Так, выборки, в которых используется один метод отбора и непосредственно отбираются единицы наблюдения, называют *одноступенчатыми* (классическими, индивидуальными, непосредственными, единичными). *Многоступенчатый* отбор предполагает формирование выборки поэтапно, по разным ступеням. Если объекты репрезентации (единицы отбора и единицы анализа) на каждой ступени меняются, как меняются и способы их отбора, то выборка называется *многоступенчатой, комбинированной*. Иногда такой метод называют *групповым (серийным)*.

Если отбор строится единожды и на основе метода одного типа, такой отбор называется *монофазным, типовым*. *Многофазным* называется отбор, при котором на каждой фазе производится обследование отдельных единиц репрезентации (подгрупп) и всегда сохраняется одна и та же единица анализа.

Все выше рассмотренные классификации могут пересекаться, а выделенные по различным основаниям классы методов по совокупности признаков могут быть объединены в различные типы, реализуемые в конкретных методиках отбора единиц анализа. Например, тип бесповторных случайных многоступенчатых офлайн-выборок, или тип повторных / бесповторных неслучайных одноступенчатых онлайн-выборок.

ВИДОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНАЛОГОВЫХ МЕТОДОВ (ОФЛАЙН-МЕТОДОВ) ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРОК В СОЦИОЛОГИИ

До недавнего времени наиболее распространенными в практике социологических исследований рассматривались аналоговые одно- и многоступенчатые выборки (офлайн-выборки). Их основу составляли как случайные (вероятностные), так и

неслучайные (направленные, целевые, фокусированные) классы (типы) методов формирования выборки.

Обладая всеми свойствами принадлежности к классу, разные методы обладают специфическими видовыми свойствами. Так, в классе *случайных (вероятностных)* методов выборочного отбора традиционно выделяют следующие виды:

- простой случайный отбор;
- систематический (механический, шаговый);
- стратифицированный (районированный);
- серийный (гнездовой, кластерный).

Под *простым случайным* (Simple random sampling – SRS; собственно-случайным) понимается такой отбор, при котором обеспечивается чистая случайность (рандомизация) выбора единиц анализа из генеральной совокупности, что позволяет сохранить равную или почти равную вероятность быть отобранными в выборочную совокупность.

Систематическим (Systematic sampling; механическим, шаговым) называется отбор, при котором отбор единиц осуществляется через один и тот же интервал (шаг) в исходном алфавитном или пронумерованном списке, начиная со случайно выбранного номера.

Стратифицированный (Stratified sampling; районированный) – это такой отбор, при котором предварительно генеральную совокупность подразделяют (расслаивают) на отдельные страты (слои, районы), каждая из которых включает в себя единицы одного типа, образующие группы высокой степени однородности, из которых, собственно, и осуществляется непосредственный отбор единиц анализа.

Серийным (Cluster sampling; гнездовым, кластерным) называется такой отбор, при котором из генеральной совокупности отбираются не отдельные единицы анализа, а единицы отбора – целые гнезда, серии, кластеры, группы, на которые организационно и объективно поделена генеральная совокупность. В отобранных гнездах или сериях проводится, как правило, сплошное или выборочное внутригрупповое исследование.

Среди *неслучайных* (направленных, целевых, фокусированных) методов выборочного отбора выделяют следующие виды:

- квотный;
- целенаправленный (типологический);
- метод «основного массива»;
- стихийный.

Одним из наиболее распространенных неслучайных методов является квотный отбор. *Квотный отбор* (Quota sampling) строится как модель, воспроизводящая генеральную совокупность в виде квот (долей) распределения изучаемых объектов по некоторым контролируемым признакам.

Целенаправленный (Purposive sampling; целевой, направленный, типологический) отбор позволяет выбрать целевые (типологические) объекты по некоторым установленным исследователем критериям (признакам) и по ним производить замеры. Эти типологические элементы определяются целью исследования, поэтому нередко такие выборки именуют как целевые.

Некоторые авторы, специализирующиеся в реализации качественных исследовательских стратегических планов, предлагают широкий набор целенаправленных выборочных методик [Штейнберг, 2009]:

- *выборка экстремальных или девиантных случаев* – это выбор случаев и единиц наблюдения, демонстрирующих специфические, особые качества, необычность;
- *интенсивная выборка* сфокусирована на тех объектах (участниках, группах, документах, случаях и пр.), которые максимально проявляют определенные характеристики исследуемой совокупности, наиболее активны в тех или иных событиях;
- *выборка максимальной вариации* как метод предполагает включение в выборку тех единиц, сообществ, документов и пользователей, характеристики которых значительно различаются между собой;
- *гомогенная выборка* имеет задачей создание таких групп единиц анализа (социальных общностей), которые являются однородными по определенным критериям;
- *выборка типичных случаев* представляет собой способ, позволяющий отобрать те единицы анализа, которые наиболее соответствуют «типичному профилю» (он предварительно создается);
- *стратифицированная (целенаправленная) выборка* близка по характеру к выборке типичных случаев, только выделяет в исследуемой совокупности отдельные структурные гомогенные страты;
- *выборка критических случаев* предполагает отбор единиц анализа, составляющих критическую группу, участников критического случая (случаев) по отношению к исследуемой проблеме;
- *критериальная выборка* основана на необходимости изучения всех случаев, которые отвечают некоторым определенным заранее критериям важности, значимости;
- *цепная выборка*, по сути, является разновидностью стихийной выборки, однако позволяет решить задачи целенаправленного набора, когда ориентирована на поиск

соответствующих групп, сообществ и их ключевых представителей на основе знакомств, связи и др.

- Метод «*основного массива*» (Main array) заключается в том, что обследованием охватывается значительная (большая, достаточная) часть генеральной совокупности. Мера достаточности определяется по-разному, в наиболее распространенном варианте от 50 % до 80 %.

Стихийный отбор (Spontaneous sampling) по своей сути вообще не предполагает каких-либо формальных способов отбора, скорее, набора единиц анализа в выборочную совокупность. Основными факторами, определяющими попадание в стихийную выборку, является совпадение желания (возможности, предложения) исследователя и желания потенциального респондента (шире – любого объекта, единицы анализа).

Наиболее часто используемые в социологических выборочных исследованиях разновидности стихийного отбора следующие:

- 1) *удобная, конформная, доступная* выборка состоит из тех, кого было удобно и доступно включить в выборочную совокупность;
- 2) *первого встречного* – отбор тех объектов, которые случайным образом встретились («попались на глаза», оказались и пр.);
- 3) *себе подобного* – способ отбора потенциальных респондентов по некоторым признакам похожим на исследователя;
- 4) *выборка добровольцев* представляет собой способ, основанный на самоотборе респондентов, пожелавших участвовать в исследовании;
- 5) *сетевой* отбор основан на совместном участии в некотором сетевом социальном взаимодействии (группа, форум, чат и пр.);
- 6) *снежного кома* называют отбор, когда один испытуемый «сводит» исследователя с другими знакомыми;
- 7) *выборка, управляемая респондентом* (respondent driven sample – RDS) – вариант метода «снежного кома», отличающийся тем, что в отбор сначала находят первичных респондентов, потом каждый из них указывает (или самостоятельно рекрутирует) несколько новых своих знакомых, затем каждый вновь согласившийся рекрутирует новых респондентов и т. д.;
- 8) *социального френдинга* как способ отбора, скорее, является соединением методов «снежного кома», «сетевого» и RDS, позволяющий «выйти» на «друзей» опрашиваемого по социальному взаимодействию;

- 9) отбор в *местах скопления*, как метод, основан на предварительном определении локаций скопления людей, где представители изучаемой совокупности встречаются чаще всего и др.

ВИДОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ МЕТОДОВ (ОНЛАЙН- МЕТОДОВ) ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРОК В СОЦИОЛОГИИ

Класс виртуальных методов (онлайн-методов) выборочного социологического отбора активно расширяется и развивается в силу многочисленных очевидных причин, побуждающих обращаться к онлайн-исследованиям. Поэтому и классификационная схема их видовой дифференциации разнопрофильна и в настоящее время только формируется.

Так, одна из схем предложена А. В. Чуриковым [Чуриков, 2020], как адаптированная версия Мика Купера, являющегося, по мнению первого, признанным авторитетом в области онлайн-исследований. Он разделяет такие методы на две основные типичные группы, основанные на вероятностных и невероятностных подходах.

К группе методов, основанных на вероятностном подходе (Probability-Based Approaches), он относит следующие виды (в авторском названии):

- 1) *перехватывающие опросы* (intercept surveys). Идея методики основана на случайном отборе из списка адресов IP посетителей множества самых различных интернет-ресурсов в течение времени проведения опроса;
- 2) *выборки из списков* (list-based samples). Такая методика используется в ситуации наличия полного (относительно полного) списка представителей изучаемой совокупности с их электронными адресами;
- 3) *опросы на вероятностных онлайн-панелях* (probability-based panels). Методика такой выборки основана на создании списков (панелей) интернет-пользователей. Из соответствующих онлайн-панелей и осуществляется случайная выборка;
- 4) *выборки, управляемые респондентами* (respondent-driven sampling, RDS). Такая методика несмотря на то, что является обобщением неслучайного метода «снежного кома», относится автором к вероятностным при соблюдении ряда ограничений. И прежде всего, при онлайн-опросах ограниченных совокупностей, с множеством внутренних связей.

К группе методов, основанных на невероятностных подходах (Non-Probability Approaches), автором отнесены два вида опросов (в авторском названии):

- 1) *развлекательные опросы или опросы с открытым доступом* (entertainment and open access surveys). Подобная методика основана на приглашении участвовать в опросе всех желающих, размещенном на одном или нескольких сайтах;
- 2) *опросы на невероятностных онлайн-панелях* (opt-in or access panels). Выборочная методика основана на отборе респондентов из созданной аксесс-панели пользователей, которые проходят, как правило, профилирующее анкетирование и регулярно участвуют в исследованиях.
- 3) Несколько иная схема типологизации широко используется многими исследователями и практиками¹ [Онлайн-исследования в России, 2016] и обобщена авторами учебника из Санкт-Петербургского государственного университета [Методология и методы..., 2014]. Предлагается все методы проектирования онлайн выборки разделить на две типичные группы. *Первую* составляют методы, позволяющие реализовать, так называемую, количественную стратегию. *Вторую* составляют методы, имеющие наиболее широкое применение в рамках качественной стратегии социологического исследования.

К первой группе методов формирования онлайн-выборок относят следующие виды:

- 1) *панельная выборка* (Directional sampling) представляет собой метод отбора респондентов для участия в конкретном исследовании из аксесс-панелей (онлайн-панелей различных видов), баз потенциальных участников опросов с использованием регистрационных данных за вознаграждение;
- 2) *поточная выборка* (River sampling) является совокупностью приемов и способов таргетированного привлечения пользователей сети в режиме реального времени в онлайн-выборку под конкретный опрос;
- 3) *стихийная выборка* (Spontaneous sampling) представляет собой целую группу методик, позволяющих неорганизованным (стихийным) образом привлекать, набирать (не отбирать) респондентов, пожелавших участвовать в исследовании, из числа активных пользователей Сети.

¹Применение онлайн методов в социологических и маркетинговых исследованиях. URL: <http://www.voxru.net/onlineresearch.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

Ко второй группе методов формирования онлайн-выборок относят различные варианты целенаправленных методик. Здесь мы только перечислим их, поскольку по содержанию они повторяют некоторые из целенаправленных методик с той лишь разницей, что единицы анализа (пользователи, их сообщества, онлайн-площадки, онлайн-документы и пр.) виртуальны, а репрезентация их социальной активности условна. Это, *выборка типичных случаев, интенсивная выборка, выборка экстремальных случаев, критериальная выборка, выборка максимальной вариации, гомогенная выборка, цепная выборка* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во-первых, предложенная классификационная схема позволяет научно и обоснованно понимать и определять сущностную и содержательную

характеристику и методические границы используемых в социологических исследованиях выборочных методов. А значит, осмысливать и оценивать не только их целевое предназначение, но, и это самое главное, достигаемые с их помощью параметры выборки. Во-вторых, предлагаемая обновленная классификационная схема методов выборочного отбора позволяет существенно расширить методологические и методические возможности грамотного проектирования сложных выборочных совокупностей в социологических исследованиях, реализовывать различные исследовательские цели и стратегические ориентации. В-третьих, генеральное направление развитие методик выборочного отбора в социологии будет связано с расширением приемов и способов телефонных и онлайн-выборок. Полагаем, что предложенная классификация позволяет эти перспективы учесть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренков В. И., Кравченко А. И. Методология и методика социологического исследования: Учебник. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009.
2. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 2001.
3. Силласте Г. Г. Методика и техника социологических исследований в сфере экономики и финансов. Учебное пособие для студентов финансовых вузов, Ч. 2. Рабочая тетрадь. М.: ФА, 1998.
4. Горшков М. К. Прикладная социология: методология и методы: Учебное пособие /М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М.: Альфа-М: ИНФРФ-М, 2009.
5. Методология и методы социологического исследования: учебник / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014.
6. Штейнберг И. и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009.
7. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2020.
8. Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. Москва: Издательство МИК, 2016.

REFERENCES

1. Dobrenkov, V. I., Kravchenko, A. I. (2009). Metodologiya i metodika sociologicheskogo issledovaniya: Uchebnik = Methodology and methods of sociological research: Textbook. Moscow: Akademicheskii Proekt; Alma Mater. (In Russ.)
2. Yadov, V. A. (2001). Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody = Sociological research: methodology, program, methods. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Sillaste, G. G. (1998). Metodika i tehnika sociologicheskikh issledovaniy v sfere ekonomiki i finansov. Uchebnoe posobie dlya studentov finansovih vuzov, Ch.2. Rabochaya tetrad = Methodology and technique of sociological research in the field of economics and finance. Textbook for students of financial universities, Part 2. Workbook. Moscow: FA. (In Russ.)
4. Gorshkov, M. K. (2009). Prikladnaya sociologiya: metodologiya i metodi: Uchebnoe posobie = Applied Sociology: Methodology and Methods: Textbook. Moscow: Alfa-M; INFRF-M. (In Russ.)
5. Dudina, V. I., Smirnova, E. E. (Ed.). (2014). Metodologiya i metody sociologicheskogo issledovaniya: Uchebnik = Methodology and methods of sociological research: Textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. (In Russ.)

6. Shteinberg, I. et al. (2009). Kachestvennye metodi. Polevie sociologicheskie issledovaniya = Qualitative methods. Field sociological research. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)
7. Churikov, A. V. (2020). Osnovi postroeniya viborki dlya sociologicheskikh issledovaniy = The basics of sampling for sociological research. Moscow: Institute of the Foundation "Public Opinion". (In Russ.)
8. Shashkin, A. V., Devyatko, I. F., Davydov, S. G. (Ed.). (2016). Onlain_issledovaniya v Rossii_tendencii i perspektivi = Online research in Russia: trends and prospects. Moscow: MIC Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Примаков Вячеслав Леонидович

доктор социологических наук, профессор

профессор кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Primakov Viacheslav Leonidovich

Doctor of Sociological Sciences (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of Sociology

Institute for International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.04.2024
10.06.2024
11.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316.472

Финансовая культура как новое качество участников финансовых отношений в современной России

А. В. Саблуков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
asablukov@mail.ru*

Аннотация. В научной литературе и официальных документах все чаще и чаще встречается понятие «финансовая культура». В настоящей статье предпринята попытка обобщить существующие подходы к определению понятия «финансовая культура» и его исследованию. С этой целью проведен анализ как теоретических работ, так и эмпирических исследований по данной проблематике. По результатам анализа научной литературы, в статье дается обоснование необходимости перехода в современной России от финансового просвещения к формированию финансовой культуры и обобщенный набор возможных показателей для социологического исследования состояния финансовой культуры на разных уровнях.

Ключевые слова: финансовая культура, финансовая грамотность, культурные ценности, показатели

Для цитирования: Саблуков А. В. Финансовая культура как новое качество участников финансовых отношений в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 122–127.

Original article

Financial Culture as a New Quality of Participants in Financial Relations in Modern Russia

Alexander V. Sablukov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
asablukov@mail.ru*

Abstract. The concept of “financial culture” appears more and more often in scientific literature and official documents. The article attempts to summarize existing approaches to defining the concept of “financial culture” and its research. For this purpose, an analysis of both theoretical works and empirical studies in the field of this issue was carried out. The main result of this work is the substantiation of the need for a transition in modern Russia from financial education to the formation of a financial culture and a generalized set of possible indicators for a sociological study of the state of financial culture at different levels.

Key words: financial culture, financial literacy, cultural values, indicators

For citation: Sablukov, A. V. (2024). Financial culture as a new quality of participants in financial relations in modern Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 122–127. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Конец прошлого и начало нынешнего тысячелетий ознаменованы как бурным ростом различных предложений и инструментов на рынке финансовых услуг, так и существенной трансформацией всех институтов, регулирующих отношения в финансово-экономической сфере. В частности, отношений, связанных с использованием денежных средств в интересах различных субъектов финансовых отношений. Это повлекло за собой целый ряд изменений в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества. Так, в частности, с одной стороны, сформировался определенный социальный слой, представители которого весьма не только удачно вписались, но и сумели воспользоваться новыми условиями и инструментами в целях повышения личного благосостояния. С другой-значительная часть населения не была готова к новым процессам и подходам в финансово-экономических отношениях, что не только привело к снижению их финансового благосостояния, но и создало риски для существенного снижения уровня жизни в целом. К сожалению, можно констатировать, что во многом эти риски реализовались и затронули миллионы, если не десятки миллионов людей. Напомним, что в 90-е годы только от финансовых пирамид в России по некоторым подсчетам, пострадало до 20 % россиян. При этом каждая четвертая жертва попадала в пирамиду неоднократно.

По данным Роспотребнадзора число жалоб пострадавших от мошеннических схем на рынке финансовых услуг с 2008 по 2012 год выросло почти в восемь раз [Доклад Роспотребнадзора ... 2013]. Причем подавляющее большинство обращений было связано с банковскими услугами (см. рис. 1).

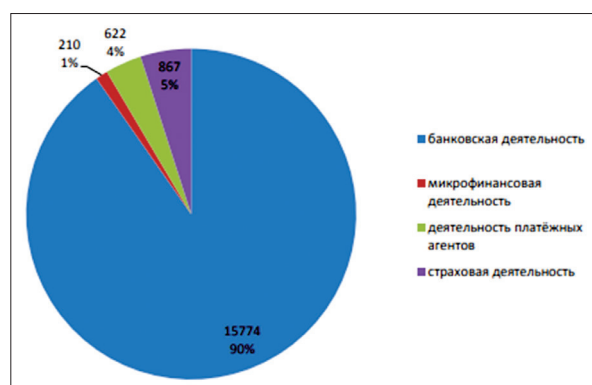

Рис. 1. Распределение по сферам жалоб пострадавших от мошеннических схем на рынке финансовых услуг

Наличие проблем в сфере финансовых услуг отражали и проводимые социологические исследования. Согласно опросу НАФИ, проведенному в 2012 году, 52 % респондентов считают, что права потребителей финансовых услуг практически не защищены. В большей степени в этом были уверены представители молодого поколения. Показательно, что 91 % опрошенных вообще не представляли себе какие организации занимаются защитой прав потребителей в финансовой сфере [Доклад Роспотребнадзора ... 2013]. Как свидетельствуют данные исследования ВЦИОМ от 2007 года, почти 50 % россиян хранили свободные денежные средства дома, и только немногим более трети (33 %) на счетах в банке, что неудивительно. Абсолютное большинство тех, кто хранил деньги дома (67 %), – это люди с небольшими доходами и низким уровнем жизни¹.

ОТ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ К ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Безусловно, такая ситуация не могла остаться без внимания государства, гражданского общества. За предшествующие годы был принят целый ряд мер по повышению уровня финансовой грамотности населения.

Так, начиная с 90-х годов был принят целый ряд нормативно-правовых актов по улучшению работы в сфере защиты прав потребителей, в том числе и потребителей финансовых услуг.

В 2011 году Правительством Российской Федерации было принято решение о реализации Минфином России совместно с Международным банком реконструкции и развития проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», который определил стратегию развития финансовой грамотности населения России. Были намечены контуры системного подхода к решению этой проблемы. В частности, была создана сеть методических центров по подготовке специалистов в области финансовой грамотности, разработаны учебные программы, методические и учебные пособия для учащихся различного уровня, начаты пилотные проекты по повышению финансовой грамотности различных категорий населения в регионах и т. д.

Проведенная системная работа позволила обеспечить прирост уровня финансовой грамотности и позитивные изменения финансового поведения россиян. По данным исследования,

¹Россияне о банках и страховании. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-bankakh-i-strakhovanii-vkladov>

проведенного в 2017 году Организацией экономического сотрудничества и развития, Россия по уровню финансовой грамотности населения заняла девятое место среди стран G20. А российские школьники оказались в пятерке в международном рейтинге ОЭСР.

Однако в целом уровень финансовой грамотности в Российской Федерации оставался пока еще недостаточно высоким. Поэтому в сентябре 2017 года Правительство РФ утвердило предложенную Минфином России Стратегию повышения финансовой грамотности населения в Российской Федерации до 2023.

Целью данной Стратегии было определено создание основ для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счет использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества¹.

В результате реализации стратегии к 2022 году более 97 % школ были охвачены программами финансовой грамотности. Во Всероссийских олимпиадах по финансовой грамотности и финансовой безопасности приняли участие почти 2 млн школьников и студентов. Были реализованы крупномасштабные проекты по повышению финансовой грамотности пенсионеров. Информационные материалы на актуальные с точки зрения финансовой грамотности темы распространялись в сети интернет и т. д.

Свой вклад в развитие финансовой грамотности населения, повышения защищенности граждан от недобросовестных действий на рынке финансовых услуг внесли и институты гражданского общества. Только за последние десятилетия были создан и показал свою эффективность целый ряд общественных организаций и объединений, занимающихся информационно-просветительской деятельностью в этой области, защитой прав потребителей, проведением экспертиз, урегулирование споров в судебном и в досудебном порядке и другими вопросами. Согласно данным Минюста России, в Российской Федерации в настоящее время зарегистрировано более 1000 общественных объединений и организаций, работающих в этом направлении.

Весь комплекс мероприятий, проводимых государственными организациями и институтами гражданского общества по повышению финансовой грамотности населения, дал положительные результаты.

В 2022 году Институт фонда «Общественное мнение» провел очередное исследование

состояния финансовой грамотности населения. В опросе приняли участие более 4 тыс. человек в возрасте от 14 до 22 лет. Исследование показало, что в 2022 году (в сравнении с 2017 годом), финансовое поведение граждан стало более осознанным. Так, в частности, выросло количество граждан способных принимать взвешенные решения, связанные с деньгами, более грамотно оценивать возможные варианты при выборе финансовых услуг и др.².

По данным Министерства финансов РФ, ключевой показатель эффективности программ по финансовой грамотности – уровень знаний граждан в области финансов с 2012 по 2022 год вырос с 40 % до 60 %³.

Можно было бы привести еще целый ряд данных, подтверждающих эффективность реализации всего комплекса мер по повышению финансовой грамотности населения в Российской Федерации. Однако это, по справедливому замечанию заместителя министра финансов РФ Кадочникова, не повод останавливаться на достигнутом. Динамика рынка финансовых услуг, появление на нем новых инструментов и технологий требует не только наращивания усилий по повышению эффективности работы в этом направлении, но и перехода к новому качественному этапу.

Кроме того, согласно опросу, проведенному в 2022 году при участии автономной некоммерческой организации «Международный учебно-методический центр финансового мониторинга», большинство (82 %) россиян продолжают сталкиваться с попытками мошенничества в сфере финансовых отношений, а каждый второй россиянин в возрасте от 14 до 35 лет полагает, что ему знаний об основах финансовой безопасности, ему не хватает⁴.

Это нашло отражение в принятой в октябре 2023 «Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года».

При разработке Стратегии учитывались программы и планы, нашедшие отражение в принятых ранее документах, в той или иной степени имеющих отношение к вопросам повышения финансовой грамотности и формирования финансовой

¹Стратегия повышения финансовой грамотности населения в Российской Федерации на 2017–2023 годы. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/02/main/25.09.2017_N_2039-r.pdf.

²Краткая версия аналитического доклада о ходе реализации Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы (за 2022 год). URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/155983/doklad_r.pdf.

³Окружная конференция «Повышение финансовой грамотности в Центральном федеральном округе: тренды, задачи, перспективы». URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/events/okruzhnyh-konferencij-po-voprosu-razvitiya-finansovoj-gramotnosti-v-cfo/>

⁴Финансовая безопасность: чему и как обучать молодежь. URL: <https://nafl.ru/analytics/finansovaya-bezopasnost-chemu-i-kak-obuchat-molodezh/>

культуры граждан. Это, прежде всего, такие государственные документы, как:

- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025;
- Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года;
- Стратегия государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года;
- Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации и др.

Целью Стратегии является формирование к 2030 году у большинства населения России базовых элементов финансовой культуры, способствующих финансовому благополучию гражданина, семьи и общества¹.

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К сожалению, в настоящее время не сформировался более-менее общепринятый подход к трактовке содержания финансовой культуры. В чем в основном схожи ученые и практики, занимающиеся данной проблематикой, так это в том, что, финансовая культура является отражением общей культуры общества в целом и отдельных его социальных групп. Национальные, этнические, религиозные и другие культурные особенности могут влиять на финансовое сознание и поведение индивида. Они способны в значительной мере определить, например, в какой степени такие характеристики финансового поведения, как готовность к разной степени риска, стремление заработать, используя различные возможности и т. п., принимаются обществом и могут как способствовать вовлеченности в финансовую деятельность, так и препятствовать этому.

На это обратил внимание еще М. Вебер в труде «Протестантская этика и дух капитализма». Он утверждал, что европейская цивилизация добилась экономического успеха благодаря своему менталитету, который привнесла протестантская культура [Вебер, 1905].

Подтверждается это и более современными исследованиями.

Специалисты, занимающиеся вопросами финансовой культуры, считают, что решение проблем формирования финансовой культуры должно носить комплексный характер с точки зрения принимаемых мер в этом направлении и охватывать

все уровни от личности до государства как основы общественных отношений.

Следует отметить, что комплексность мер по формированию финансовой культуры нашла отражение в Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года. Показательно, что сама Стратегия основывается на целом ряде законодательных актов и государственных программ, начиная от Конституции РФ и заканчивая Концепцией подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года. Кроме того, элементы формирования финансовой грамотности включены в федеральные государственные образовательные стандарты на всех уровнях образования, утверждена единая рамка компетенций по финансовой грамотности, для различных категорий населения.

В организации и проведении мероприятий по формированию финансовой грамотности широко используется цифровой формат и онлайн-формат (онлайн-уроки, обучающие вебинары, онлайн-зачеты по финансовой грамотности и др.). Миллионные аудитории насчитывают порталы «Финансовая культура» и «Мои финансы», созданные Министерством финансов и Центральным банком Российской Федерации совместно с партнерами.

Активную роль в формировании финансовой культуры начинает играть и Министерство культуры РФ. Совместными усилиями Минкульта и финансовых организаций был реализован ряд культурных проектов, направленных на формирование финансовой грамотности населения. Так, вопрос разумного финансового поведения нашел отражение в анимационном сериале «Простоквашино». Новые серии по финансовой грамотности появились в сериале для подростков «Хочу все знать». В рамках проекта «Пушкин знает!» создана серия видеоподкастов, посвященных принципами грамотного финансового поведения.

Необходимое условие комплексного решения задач по формированию финансовой культуры заключается в том, чтобы оно не оставалось только на официальном уровне (государство, школа и т. д.), но и перешло на уровень семьи.

Отдельное место в системе формирования финансовой культуры общества занимает формирование соответствующей законодательной базы. Кроме создания основы цивилизованного функционирования различных финансовых институтов и деятельности всех участников финансового рынка и финансовых отношений, это должно способствовать и решению такой проблемы, как повышения уровня доверия к ним населения. Именно доверие населения к соответствующим финансовым институтам,

¹Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s32ZQoUgqP7fd.pdf>.

структурам и инструментам, многие специалисты рассматривают как важнейший показатель финансовой культуры общества.

Еще одним объединяющим фактором в представлениях о финансовой культуре, который зафиксирован в официальных документах и подтверждается практикой как отечественных, так и зарубежных исследований, является представление о том, что в основе финансовой культуры личности лежит финансовая грамотность. В качестве основных показателей финансовой грамотности в основном рассматриваются знания, поведение и установки. В некоторых случаях исследователи вместо поведения оценивают такой показатель, как навыки. Индикаторы, при помощи которых исследователи оценивают знания, поведение (навыки) и установки, разнятся в зависимости от сфер финансовой деятельности, финансовых услуг, цели и задач исследования.

Однако существуют и другие точки зрения на соотношение понятий «финансовая культура» и «финансовая грамотность». Так, автор одного диссертационного исследования считает, что финансовую грамотность следует рассматривать как сочетание финансового поведения и финансовой культуры, проявляющееся в их взаимовлиянии [Моисеева, 2017].

Естественно, возникает вопрос о том, кроме финансовой грамотности, входит в понятие финансовой культуры. Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что, как уже отмечалось, само понятие «финансовая культура» следует рассматривать применительно к различным уровням: от личности до общества в целом.

Если говорить о финансовой культуре личности, то, как показал проведенный анализ, многие авторы рассматривают финансовую культуру личности достаточно упрощенно, сводя ее к совокупности финансовых знаний, финансовых установок и финансового поведения, что по сути аналогично трактовке понятия «финансовая грамотность».

Более обоснованным, на наш взгляд, является представление о финансовой культуре как совокупности финансовой грамотности и культурных ценностей. Такой точки зрения придерживается декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Александр Аузан, заместитель министра финансов Михаил Котюков и некоторые другие ученые и практики. При этом подчеркивается, что культурные ценности являются определяющими по отношению к финансовым установкам и финансовому поведению¹. Попыток определить сами эти культурные ценности не так много.

Так, Александр Аузан считает, что одной из основных культурных ценностей финансовой культуры, является доверие к институтам, регулирующим финансовую сферу и организациям, осуществляющим там свою деятельность.

С доверием непосредственно связана такая культурная ценность, как интерес людей к использованию возможностей, предоставляемых государством, финансовыми организациями, для самосовершенствования, повышения уровня финансовой безопасности и благосостояния.

Еще одной культурной ценностью, которую еще только предстоит сформировать, по мнению некоторых авторов, является принципиально новое отношение к деньгам, которые следует рассматривать не как самоцель, а средство для саморазвития, средство сделать свою жизнь ярче и содержательнее.

Также новым элементом финансовой культуры должно стать и такое качество, как креативность. Она будет определять не только уровень личностной финансовой успешности человека, но и станет драйвером экономического и территориального развития.

Применительно к финансовой культуре организаций, будут актуальны такие культурные ценности, как клиентоориентированность и этичность финансовых отношений, направленных на их долгосрочность и взаимовыгодность.

В качестве показателей финансовой культуры государства возможно рассматривать систему норм, обеспечивающих цивилизованное функционирование всей финансовой системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научной литературы о финансовой грамотности позволяет сделать следующие выводы:

1. Современный уровень развитости финансовых отношений, степень вовлеченности в них населения страны диктуют необходимость не только постоянно повышать уровень финансовой грамотности, но и переходить к новому этапу формирования этих отношений, который может быть определен как финансовая культура.

2. Само понятие «финансовая культура» достаточно многогранно. С одной стороны, финансовая культура – это часть общей культуры человека, семьи и страны в целом. С другой – она имеет собственное содержательное наполнение выражающееся, прежде всего, в установках и

поведения состоялась в рамках Петербургского международного экономического форума. URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/na-pmef-obsudili-vliyanie-kulturnogo-koda-na-finansovoe-povedenie-grazhdan-i-razvitie-ekonomiki-strany/>

¹Круглый стол, подготовленный НИФИ Минфина, о влиянии культуры на формирование рациональных установок финансового

ценностях, определяющих отношения в финансовой сфере.

3. Формирование финансовой культуры должно носить комплексный характер и с точки зрения принимаемых мер в этом направлении, и с точки зрения охвата всех уровней: от личности до государства как основы общественных отношений.

4. Важным условием решения задачи формирования финансовой культуры является

осуществление постоянного социологического мониторинга ее состояния на всех уровнях. И если в оценках финансовой грамотности населения уже наработан определенный опыт, существуют международные и отечественные методики исследований в этом направлении. Однако исследований такой составляющей финансовой культуры, как социальная ценность, практически нет. И в этом плане социологии еще предстоит сказать свое слово.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад Роспотребнадзора «О состоянии защиты прав потребителей в финансовой сфере». М., 2013.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. 1905. URL: https://chisineu.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/09/biblioteca_protestanskaya_etiketa_weber.pdf
3. Моисеева Д. В. Финансовая грамотность населения российского региона: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2017.

REFERENCES

1. Doklad Rospotrebnadzora «O sostoyanii zashchity prav potrebitelej v finansovoj sferE» = Rospotrebnadzor report "On the state of consumer protection in the financial sector". (2013). Moscow (in Russ.)
2. Veber M. Protestanskaya etika i dukh kapitalizma. 1905. 352s. URL: https://chisineu.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/09/biblioteca_protestanskaya_etiketa_weber.
3. Moiseyeva, D. V. (2017). Finansovaya gramotnost' naseleniya rossiyskogo regiona: ekonomiko-sotsiologicheskij analiz: abstract of PhD Sociology Volgograd: VolgGTU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саблуков Александр Валентинович

доктор социологических наук, профессор

профессор кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sablukov Aleksander Valentinovich

Doctor of Sociological Sciences (Dr. habil.), Professor

Professor, Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.06.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 316.662.23; 316.74:80

Учитель иностранного языка: социальный портрет на фоне изменений в школьном образовании

Ю. А. Смирнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, novyuliaalex@yandex.ru

- Аннотация.** В статье на основе данных социологических исследований и официальной статистики создается социальный портрет современного учителя иностранного языка. На фоне изменений, происходящих в сфере школьного образования в период 2021–2024 годы, проанализированы основные социально-демографические характеристики, особенности профессиональной деятельности, социального статуса и социальной роли школьного учителя, а также основные проблемы и вызовы его педагогической деятельности.
- Ключевые слова:** социальный портрет, учитель иностранного языка, вторичная занятость учителей иностранных языков, репетиторство
- Благодарности:** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Лингвистические услуги как социальный феномен в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России» государственного задания Минобрнауки России, регистрационный номер НИОКТР 124012200217-0.
- Для цитирования:** Смирнова Ю. А. Учитель иностранного языка: социальный портрет на фоне изменений в школьном образовании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 128–136.

Original article

Social Portrait of a Foreign Language Teacher in the Context of Changing School Education

Yulia A. Smirnova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
novyuliaalex@yandex.ru

- Abstract.** The article describes the social portrait of a modern foreign language teacher based on data of sociological research and official statistics. In the context of changes in school education in 2021–2024, the main socio-demographic characteristics, features of professional activity, social status and social role of a school teacher, as well as the main problems and challenges of his pedagogical activity are analyzed.
- Keywords:** social portrait, foreign language teacher, secondary employment of foreign language teachers, tutoring
- Acknowledgements:** The article was prepared as part of the project “Linguistic services as a social phenomenon in the context of modern political, economic and cultural realities of Russia’s development” of state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, R&D registration number 124012200217-0.
- For citation:** Smirnova, Yu. A. (2024). Social portrait of a foreign language teacher in the context of changing school education. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 128–136. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Изменение роли иностранного языка в обществе на протяжении последних десятилетий отмечается большинством исследователей. «Из простого учебного предмета он превратился в базовый элемент современной системы образования, в средство достижения профессиональной реализации личности» [Войтович, 2012, с. 7]. Увеличение роли иностранного языка в современной системе образования обусловлено тем, что иностранный язык является «механизмом межкультурной коммуникации, средством взаимопонимания и толерантности народов, саморазвития и обогащения внутреннего мира личности, непосредственного знакомства с достижениями зарубежной литературы, культуры и техники» [Трубина, 2017, с. 85].

В связи с этим возрастает роль учителя иностранного языка в современной общеобразовательной школе. Изучение школьниками иностранных языков является важной частью процесса их социализации, поскольку оно связано с формированием компетенций в области межкультурных коммуникаций и, в определенной мере, с формированием вторичной языковой личности.

Актуальность создания социального портрета современного учителя иностранного языка, с одной стороны, как уже отмечалось выше, обусловлена выполняемой им важной ролью в процессе образования и воспитания подрастающего поколения, а, с другой стороны, проблемами, снижающими уровень его удовлетворенности работой в школе. Среди них: низкая заработная плата в целом ряде регионов, увеличенная учебная нагрузка, наличие обязанностей, не связанных напрямую с преподаванием, недостаточная техническая оснащенность учебных классов, снижение мотивация учеников и т. д. Подобные проблемы способствуют включению учителей в отвлекающую их от основной деятельности вторичную трудовую занятость, зачастую носящую неформальный характер – например, в виде репетиторства.

Данная проблематика находится в исследовательском фокусе, ей посвящен целый ряд работ: в частности, по вопросам «учительства как социально-профессиональной общности» [Засыпкин, Зборовский, Шуклина, 2015]; «профессионально-коммуникативным компетенциям учителей иностранных языков» [Коренев, Михайлова, 2019; Чернишкина, Подгорская, Резник, 2019]; развитию в процессе обучения «вторичной языковой личности» [Образцов, Половнев, 2022; Флеров, Алямкина, 2018] и др.

Задачей данной статьи является создание социального портрета современного учителя

иностранных языков, включающего его профессиональную деятельность, личностные характеристики и социальный статус. Кроме того, в статье осуществлен сравнительный анализ динамики компонентов социального портрета учителей за период 2021–2024 годы.

Методы. При подготовке материала использованы результаты:

1) авторского исследования «Оценка форм и мотивов вовлеченности учителей иностранных языков во вторичную прекарную занятость» (октябрь–декабрь 2021 года), онлайн-анкетирование путем адресной емейл-рассылки среди учителей иностранных языков общеобразовательных учреждений Российской Федерации (N=880, $\Delta=\pm 3,3\%$);

2) исследования «Удовлетворенность трудом и степень включенности учителей иностранных языков во вторичную прекарную занятость» (апрель–май 2024 года), проведенного Аналитическим центром НАФИ по заказу Социологической лаборатории МГЛУ, онлайн-анкетирование среди учителей иностранных языков общеобразовательных учреждений Российской Федерации (N=400, $\Delta=\pm 4,9\%$);

3) вторичного анализа данных социологических и междисциплинарных исследований, в том числе, исследования «Карьерные пути педагога: нагрузка, вознаграждение и перспективы», проведенного Институтом образования НИУ ВШЭ совместно с онлайн-школами Фоксфорд, Skyeng, (апрель 2022 года).

Результаты. Социальный портрет современного учителя иностранного языка будет рассмотрен по его социально-демографическим характеристикам, особенностям профессиональной деятельности, социального статуса и социальной роли школьного учителя, а также основным проблемам и вызовам его педагогической деятельности.

Социально-демографические характеристики. Согласно официальным статистическим данным Министерства просвещения Российской Федерации¹, начиная с 2021 года, наблюдается снижение численности учителей иностранных языков (рис. 1).

Так, на начало учебного года 2023 / 2024 в школах насчитывалось 119,2 тыс. учителей иностранных языков. При этом численность обучающихся, которым преподается иностранный язык, наоборот, демонстрирует тенденцию к росту. Таким образом, на одного учителя с каждым годом

¹Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования». URL: <https://docs.edugov.ru/#activity=8> (дата обращения: 30.05.2024).

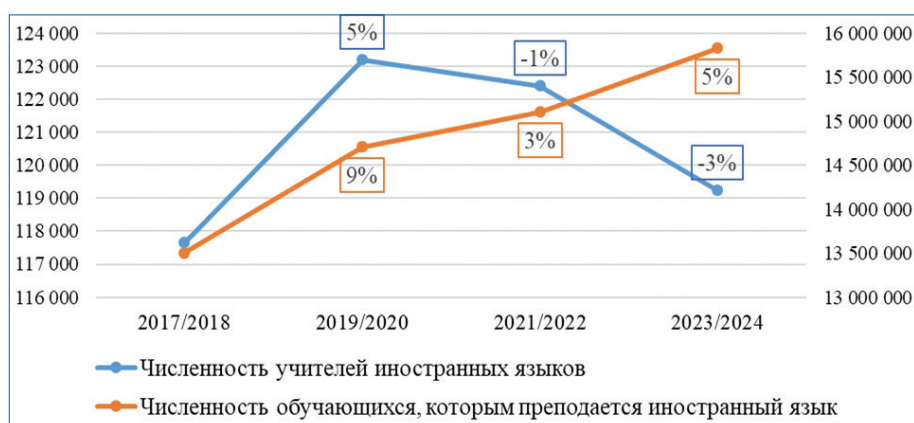

Рис. 1. Динамика численности учителей иностранных языков и обучающихся, которым преподается иностранный язык (2017–2023)

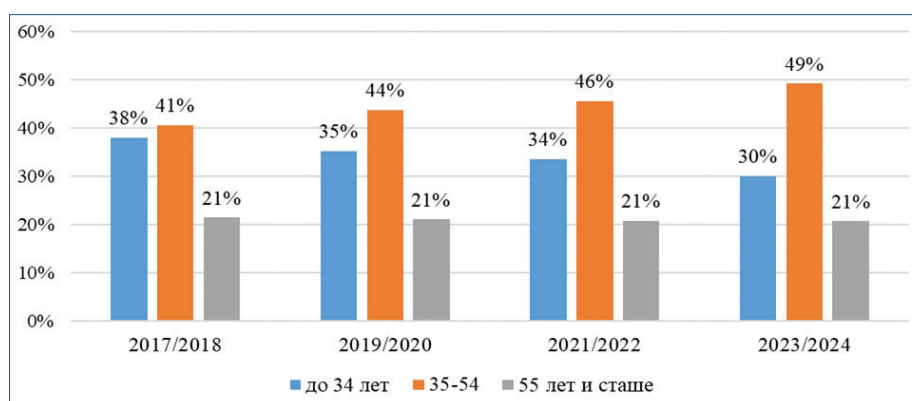

Рис. 2. Динамика численности учителей иностранных языков по возрастным группам (2017–2023), % от общего числа учителей иностранных языков

приходится все больше учеников, а для учителей иностранных языков проблема увеличения численности языковых групп непосредственно связана со снижением качества обучения.

Подобная динамика численности учителей иностранных языков связана, в том числе, с изменениями ФГОС основного общего образования, согласно которым с 2021 года второй иностранный язык перестал быть обязательным для изучения.

Возрастная структура численности педагогов по иностранным языкам характеризуется старением кадрового состава и дефицитом молодых специалистов (рис. 2).

Так, доля молодых учителей в возрасте до 34 лет включительно за последние несколько лет снизилась с 38 % в 2017/2018 учебном году до 30 % в 2023/2024. Средний возраст учителя вырос с 41,5 до 42,4 лет, соответственно.

По словам президента Российской академии образования Ольги Васильевой в настоящее время

проблема нехватки школьных педагогов сохраняется. К 2029 году прогнозируется не более 6 % учителей в возрасте до 30 лет. Остро стоит вопрос, как привести молодого педагога – выпускника вуза в школу. По статистике, только 30 % от общего числа поступивших на педагогические направления подготовки, доходит до школ и останется в них работать. «Заметим, что основная причина нехватки учителей, очевидно, связана не с нехваткой бюджетных мест, выделяемых в вузах по направлению подготовки "Образование и педагогические науки", – их немало. <...> Главная беда как раз в том, что выпускники не идут работать в школу. А это очевидным образом связано с непривлекательностью условий»¹. Исследование НИУ ВШЭ показывает, что именно молодые педагоги чаще сталкиваются

¹Остро стоит вопрос, как привести молодого педагога в школу. URL: <https://skillbox.ru/media/education/tsitata-nedeli-ostro-stoit-vopros-kak-privesti-molodogo-pedagoga-v-shkolu/>

с выгоранием [Заир-Бек, Анчиков, 2022]. Среди учителей со стажем менее пяти лет доля тех, кто считает, что ошиблись с выбором профессии, выше, нежели среди более опытных педагогов (рис. 3).

Самооценка материального положения учителей сохраняется на среднем уровне: по данным на 2024 года 41 % учителей иностранных языков могут без труда купить крупную бытовую технику, но не могли бы купить автомобиль; 28 % педагогов денег хватает на продукты и одежду, но покупка телевизора, стиральной машины, мебели является проблемой. Еще 20 % учителей оценивают свое материальное положение выше среднего, а 6 % «еле сводят концы с концами». Чем выше возраст педагога, тем выше он оценивает свое материальное положение.

Неслучайно поэтому 26 % педагогов совмещает основную работу в школе с различными формами вторичной занятости: из них 74 % занимаются самостоятельным репетиторством по иностранному языку, 19 % работают в частной языковой школе / на языковых курсах, еще 14 % трудоустроены по совместительству в другом образовательном государственном / негосударственном

учреждении по преподаванию иностранных языков и т. д.

Профессиональная деятельность и социальный статус. Данная группа показателей будет рассмотрена с точки зрения образовательного капитала учителей иностранных языков, педагогического стажа, опыта работы, а также удовлетворенности трудом.

Итак, 93 % учителей иностранных языков имеют высшее профильное образование: 51 % – уровня специалитета и по 21 % – бакалавриата и магистратуры, соответственно. Порядка 43 % современных учителей имеют действующие сертификаты о сдаче каких-либо международных экзаменов для определения / подтверждения уровня владения иностранным языком.

Около 40 % учителей имеют более 20 лет педагогического стажа, при этом молодых учителей со стажем менее 3 лет всего 12 %.

Заметна тенденция к сокращению числа преподаваемых в школах иностранных языков – в 54 % школ, согласно данным опроса учителей, сейчас преподается только один иностранный язык – преимущественно, английский (рис. 4).

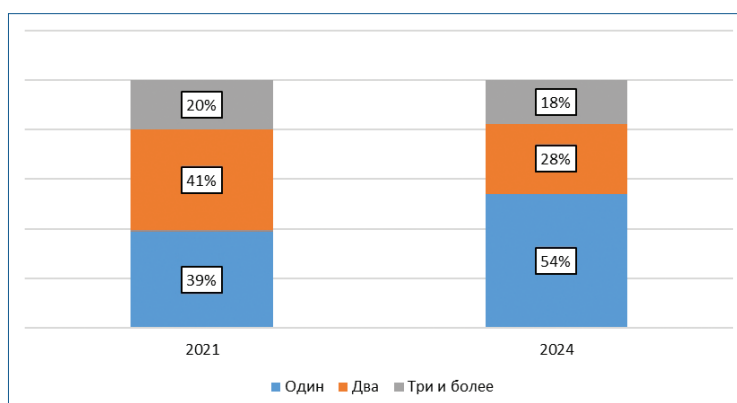

Рис. 3. Отношение к выбранной профессии учителей школ в разрезе величины педагогического стажа (в % от численности ответивших)

Рис. 4. Число иностранных языков, преподаваемых в школе (в % от общего числа ответивших)

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ,
ИЗУЧАЮЩИХ 2-й, 3-й И БОЛЕЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Учебный год	Иностранные языки			
	Английский	Французский	Немецкий	Другие
2019/2020	650 918	541 508	1 706 017	186 002
2021/2022	589 451	548 979	1 778 090	197 509
2023/2024	216 063	229 508	601 311	113 651

Данная тенденция подтверждается и данными Росстата¹ (см. табл. 1), отражающими значительное сокращение обучающихся, которым преподаются второй и третий иностранные языки в школе.

Профессиональная деятельность педагогов характеризуется также *чрезмерной нагрузкой* – около 44 % учителей работает от 19 до 27 часов еженедельно, еще 40 % более 28 часов, что значительно превосходит 18-часовую нормативную нагрузку. По данным исследования ВШЭ, школьные учителя, в среднем, работают на 1,5 ставки (27 часов)².

Учителя в большинстве своем совмещают преподавание иностранных языков с классным руководством (44 %), ведением внеклассной работы (кружки, конкурсы, вечера и т. п.) (40 %), ведением платных групповых занятий по иностранному языку в школе (16 %). Кроме того, по данным проведенных исследований, около 26 % учителей иностранных языков вовлечены во вторичную занятость. Более 70 % из них занимаются самостоятельным репетиторством, зачастую в прекарных формах. Педагоги, вовлеченные во вторичную занятость (частное репетиторство, подработка на онлайн-платформе), имеют нагрузку более 40 часов в неделю.

Данная группа педагогов в значительной степени подвержена риску профессионального выгорания, – подтверждает главный научный сотрудник Института образования, профессор И. В. Абанкина: «Это связано с тем, что главное дело учителя – это его ученики, а не его предмет. Педагог сегодня

вынужден совмещать в своей работе в дополнение к педагогической деятельности и роль воспитателя, и классного руководителя, и роль тьютора, и роль консультанта для родителей. И все это в условиях возрастания бюрократической нагрузки и отчетности. Значительная часть педагогов, имеющая большой опыт работы и стаж, находится в стадии профессионального выгорания»³.

Однако большинство учителей иностранных языков (68 %) не готовы полностью оставить свое основное место работы, обеспечивающее определенную стабильность и социальные гарантии, ради частной практики репетиторства или преподавания на онлайн-платформе (см. рис. 5).

Почти половина педагогов потенциально могут стать «комбинаторами», совмещающими занятость в школе, преподавание на онлайн-платформах и прекарную занятость в формате репетиторства.

Удовлетворенность учителей работой в школе в период 2021–2024 годов повысилась (рис. 6): так, общий индекс удовлетворенности работой в школе⁴ увеличился с 0,25 в 2021 году до 0,45 в 2024 году. Наибольший рост индексов удовлетворенности наблюдается по таким аспектам трудовой занятости педагогов, как: соотношение между временем на работу и другими сторонами жизни (+0,37), условия труда (+0,36) и – Удовлетворенность учителей иностранных языков аспектами трудовой занятости в школе продолжительность рабочего дня (+0,32). Рост индексов может быть связан как с реальными улучшениями условий педагогической деятельности, так и с тем фактом, что первая волна (2021) исследования проводилась в условиях работы подавляющего большинства педагогов в дистанционном

¹Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования». URL: <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (дата обращения: 30.05.2024).

²Исследование «Карьерные пути педагога: нагрузка, вознаграждение и перспективы», проведенное Институтом образования Высшей школы экономики совместно с онлайн-школами Фоксфорд и Skyeng, апрель 2022 г. URL: <https://docs.google.com/presentation/d/1xzTs-R3pUA9qk1u-Wp9Y3HQ1AeSWQkD3/edit#slide=id.p1>

³Нагрузка учителей онлайн прирастать будет – только 16 % преподавателей готовы продолжать работать в школе без подработок. URL: <https://ioe.hse.ru/news/606138911.html>

⁴Индекс рассчитан как среднее по порядковой шкале и измеряется в границах от –1 до +1, где +1 – это максимальная, –1 – минимальная удовлетворенность аспектами трудовой занятости.

Рис. 5. Где видят свою работу в будущем преподаватели иностранных языков (доля в % по группе)

Рис. 6. Удовлетворенность учителей иностранных языков аспектами трудовой занятости в школе

формате, связанным с пандемией COVID-19 и выступавшим в качестве мощного стресс-фактора.

Наиболее значимыми для учителей иностранных языков факторами работы в школе по-прежнему остаются:

- 1) *материальные факторы*: уровень оплаты труда (9,1); необходимость материального обеспечения своей семьи (8,9); техническая оснащенность рабочего места (8,5);
- 2) *социально-значимые*: возможность заниматься любимым делом (9,1); возможности для личного развития, самореализации (8,6); возможность заниматься педагогической деятельностью, работать с детьми (8,6), а также хороший коллектив коллег-единомышленников и благоприятная морально-психологическая атмосфера (9,0).

Личностные характеристики и социальная роль. Наиболее значимыми личностными и профессиональными качествами, составляющими образ идеального учителя, по мнению самих

педагогов, являются: хорошее знание предмета, умение доступно излагать материал, педагогический такт и мастерство, стрессоустойчивость и знание методик ведения деятельности (см. рис. 7).

Таким образом, социальная роль учителя иностранных языков многообразна и включает следующие аспекты:

- образование, воспитание и развитие: учитель по-прежнему является одним из ключевых субъектов в образовательном процессе;
- трансляция культуры и межкультурная коммуникация: учитель иностранного языка формирует вторичную языковую личность у обучающихся, помогая им не только освоить язык, но и понять иностранную культуру, традиции и обычаи;
- развитие коммуникативных навыков: социальная роль учителя иностранных языков важна для формирования лингвистической компетенции учеников и подготовки к межкультурному общению;

Рис. 7. Топ наиболее значимых личностных и профессиональных качеств, составляющих образ идеального учителя, по мнению педагогов по иностранным языкам (в % от количества ответивших)

- мотивация и поддержка: учитель может играть роль мотиватора, вдохновляя учеников к изучению иностранного языка. Он также поддерживает учеников в процессе обучения, помогая им преодолевать трудности и достигать поставленных целей.

Проблемы и вызовы. По мнению учителей иностранных языков, наиболее актуальными проблемами, с которыми они и их коллеги сталкиваются

в школе, – это, в первую очередь, низкая мотивация школьников к изучению иностранных языков (которая в то же время стимулирует родителей обращаться к дополнительным услугам репетиторов и онлайн-школ), низкий уровень оплаты труда педагогов, высокий уровень загруженности их дополнительной работой, а также несоответствие учебных программ современным требованиям (см. табл. 2).

Таблица 2

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ,
ПО МНЕНИЮ ПЕДАГОГОВ, ТОП-2 ВАРИАНТОВ ОТВЕТОВ
(% тех, кто отметил, что проблема «очень актуальная» и «скорее актуальная»)

Проблемы обучения иностранным языкам в школе	2021 г., в %	2024 г., в %
Низкая / недостаточная мотивация школьников к изучению иностранных языков	87	74 ▼
Низкий / недостаточный уровень оплаты труда педагогов, преподающих иностранные языки в школе	83	73 ▼
Высокий уровень загруженности педагогов дополнительной работой, не связанной с преподаванием иностранных языков	81	71 ▼
Учебные программы по иностранным языкам не отвечают современным требованиям (в т. ч. недостаточно учитывают изменения в контингенте обучающихся)	75	63 ▼
Отсутствие / недостаточная оснащенность специализированных аудиторий для изучения иностранных языков в школе	78	57 ▼
Низкое качество учебных и учебно-методических материалов литературы для преподавания иностранных языков	68	55 ▼
Отсутствие / дефицит необходимой современной учебной и учебно-методической литературы для преподавания иностранных языков	57	52 ▼
Низкий / недостаточный статус учителя иностранного языка в школе	65	48 ▼
Небольшой спектр / сокращение числа иностранных языков, изучаемых в школе	35	46 ▲
Недостаточное количество некомплект учителей иностранного языка в школе	58	45 ▼
Отмена / приостановка введения обязательного характера ОГЭ и ЕГЭ по иностранному языку	43	42 Δ
Отмена обязательного изучения в школе второго иностранного языка	42	40 Δ
Отсутствие централизованной платформы для сбора домашних заданий	42	40 Δ
Недостаточный уровень квалификации педагогов, преподающих иностранные языки в школе	51	37 ▼

Обозначения: Δ – стабильное состояние без изменений (в пределах ошибки выборки); ▼ – снижение; ▲ – повышение значений актуальности

Снижение остроты ряда проблем может быть связано как с улучшением условий педагогического труда, так и с различиями ситуаций преподавания в дистанционном и очном формате.

Многие проблемы, тем не менее, сохраняют свою актуальность. При этом обостряются проблемы, связанные с сокращением числа иностранных языков, изучаемых в школе. Как следствие изменений в статусе и роли иностранных языков в системе школьного образования заявляет о себе отказ от планировавшегося обязательного характера сдачи ОГЭ и ЕГЭ по иностранным языкам, отмена обязательного изучения в школе второго иностранного языка и, таким образом, утрата языкового многообразия.

Все перечисленные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются учителя иностранных языков, неизбежно приводят работников к выгоранию и все большему вовлечению во вторичную

занятость, которая зачастую реализуется в формате precarious занятости в виде самостоятельного репетиторства по иностранным языкам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, социальный портрет учителя иностранных языков представляет собой комплексный образ профессионала, который обладает глубокими знаниями, высокими коммуникативными и педагогическими навыками, а также играет важную роль в образовательном и культурном развитии общества. Государству важно осуществлять меры поддержки данной общественно значимой категории работников для сохранения высокого социального статуса учительств в смысле не только в престижа и признания данной профессии, но также достойного материального обеспечения и организации комфортных условий трудовой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Войтович И. К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования: монография / под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012.
2. Трубина Г. Ф. Иностранный язык как социальный ориентир в образовании современной школы // Наука и перспективы. 2017. № 3. С. 82–87.
3. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 113–122.
4. Коренев А. А., Михайлова А. М. Профессионально-коммуникативная компетенция учителя английского языка в классе: описание и развитие // Иностранные языки в школе. 2019. № 3. С. 16–28.
5. Чернишкина Е. К., Подгорская О. Н., Резник Т. П. Интегративная модель иноязычной коммуникативной компетенции учителя иностранного языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 14–17.
6. Образцов И. В., Половнев А. В. Вовлеченность школьников в дополнительное образование и занятия иностранным языком // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 101–113.
7. Флеров О. В., Алямкина Е. А. Вторичная языковая личность и её развитие в учебном процессе // Психология и Психотехника. 2018. № 3. С. 138–153.
8. Заир-Бек С. И., Анчиков К. М. Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2022. Мониторинг экономики образования. № 15 (32).

REFERENCES

1. Voitovich, I. K. (2012). Inostrannyye yazyki v kontekste nepreryvnogo obrazovaniya = Foreign languages in the context of continuing education: monograph. Ed. by T. I. Zelenina. Izhevsk: Publishing house "Udmurt University". (In Russ.)
2. Trubina, G. F. (2017). Foreign language as a social guideline in the education of a modern school. Science and Prospects, 3, 82–87. (In Russ.)
3. Zasyppkin, V. P., Zborovsky, G. E., Shuklina, E. A. (2015). Teaching as a socio-professional community. Sociological Studies, 2(370), 113–122. (In Russ.)
4. Korenev, A. A., Mikhailova, A. M. (2019). Professional'no-kommunikativnaya kompetenciya uchitelya anglijskogo yazyka v klasse: opisanie i razvitie = Professional and communicative competence of an English teacher in the classroom: description and development. Inostrannyye yazyki v shkole, 3, 16–28. (In Russ.)

5. Chernichkina, E. K., Podgorskaya, O. N., Reznik, T. P. (2019). Integrativnaya model' inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii uchitelya inostrannogo yazyka = Integrative model of foreign language communicative competence of a foreign language teacher. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 6(139), 14–17. (In Russ.)
6. Obraztsov, I. V., Polovnev, A. V. (2022). Involvement of schoolchildren in additional education and foreign language classes. Sociological research Studies, 6, 101–113. (In Russ.)
7. Flerov, O. V., Alyamkina, E. A. (2018). Secondary linguistic personality and its development in the educational process. Psychology and Psychotechnics, 3, 138–153. (In Russ.)
8. Zair-Bek, S. I., Anchikov, K. M. (2022). Shkol'nye uchitelya v izmenyayushchihsya usloviyah: adaptivnost' i gotovnost' k innovatsiyam: informacionnyj byulleten' = School teachers in changing conditions: adaptability and readiness for innovation: newsletter. Monitoring the Economics of education, 15 (32). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Юлия Александровна

кандидат социологических наук

старший научный сотрудник Социологической лаборатории

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Yulia Alexandrovna

PhD (Sociological Sciences)

senior researcher at the Sociological laboratory

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.06.2024
05.07.2024
06.07.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Переводческая социология: новая отрасль социологической науки или перспективное направление исследований?

А. Ю. Станевич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lluviaconsol1@gmail.com

Аннотация. На основе анализа книги Э. Биельсы «Переводческая социология: междисциплинарный взгляд на политику и общество» (2023) в статье излагаются ответы на вопросы, связанные с соотношением понятий: переводческая социология и социология перевода. Автор приходит к выводу о появлении в последние десятилетия на Западе значительного объема литературы по проблемам переводческой деятельности и выделение данной проблематики в отдельное междисциплинарное исследовательское направление, претендующее на статус отраслевой социологии.

Ключевые слова: переводческая социология, перевод и переводоведение, социология языка, социолингвистика, рецензия, социологическая литература

Благодарности: Работа выполнена в рамках реализации проекта «Лингвистические услуги как социальный феномен в условиях современных политических, экономических и культурных реалий развития России» государственного задания Минобрнауки России, регистрационный номер НИОКТР 124012200217-0.

Для цитирования: Станевич А. Ю. Переводческая социология: новая отрасль социологической науки или перспективное направление исследований? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 137–142.

Original article

Translation Sociology: a New Branch of Sociological Science or a Promising Area of Research?

Anastasia Yu. Stanevich

Moscow State Linguistic University, Russia
lluviaconsol1@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of E. Bielsa's book "A Translational Sociology: Interdisciplinary Perspectives on Politics and Society" (2023), the article attempts to find answers to the questions related to the correlation of the following notions: translation sociology and sociology of translation. It is concluded that in recent decades a considerable amount of literature on the problems of translation activity has appeared in the West, and that this problematic has become a separate interdisciplinary research area, claiming the status of branch sociology.

Keywords: translation sociology, translation studies, sociology of language, sociolinguistics, review, sociological literature

Acknowledgments. The study was carried out as part of the project "Linguistic services as a social phenomenon in the conditions of modern political, economic and cultural realities of the development of Russia". State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the registration number of the NIOKTR 124012200217-0.

For citation: Stanevich, A. Yu. (2024). Translation sociology: a new branch of sociological science or a promising area of research? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(856), 137–142. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современная социологическая литература обогатилась монографией доцента департамента социологии Автономного университета Барселона Эсперансы Биельсы «Переводческая социология: междисциплинарный взгляд на политику и общество» [Bielsa, 2023]. Это издание является знаковым в том плане, что представляет собой своеобразную вершину айсберга – значительного объема литературы по социологическим проблемам переводческой деятельности, изданной за последнее десятилетие за рубежом. Так, например, данная работа является первой в новой серии изданий «Перевод, политика и общество» (Translation, Politics and Society)¹ британского международного издательского дома «Рутледж» (Routledge). А ее автор Э. Биельса – редактором и соредактором двух справочных изданий другой книжной серии этого же издательства, но уже по «переводческим исследованиям» (Handbooks in Translation and Interpreting Studies)² [Bielsa, 2022; Bielsa, Kapsaskis, 2024], насчитывающей с 2017 года уже более 30(!) выпусков по использованию переводческих практик в различных областях и сферах связанных с глобализацией, СМИ, миграцией, этническими и гендерными отношениями, религией, урбанизмом и др. И это не считая многочисленных публикаций по данной проблематике в научной периодике.

К сожалению, этот «айсберг» в значительной мере оказывается трудноразличимым не только в переводческой отрасли, но и, особенно, в отечественной социологии. Одна из главных тому причин – низкий уровень развития социологии языка [Макушева, 2012; Арефьев, 2018], ключевые работы по которой написаны лингвистами и в основном содержат интерпретацию западных теорий данной области в ее сочетании с социолингвистикой [Швейцер, 1971; Вахтин, Головкин, 2004; Социолингвистика, 2012]. Работ же, непосредственно посвященных социологическому анализу переводческой деятельности, и того меньше [Соловьев, Минакова, 2012].

В этой связи монография Э. Биельсы представляет научный интерес в плане репрезентации достижений, динамично развивающейся на Западе «переводческой социологии». При ее анализе необходимо решить ряд вопросов методологического характера. Во-первых, определиться с соотношением терминов: переводческая социология, социология перевода и переводческие исследования. Во-вторых, обозначить исследовательский

ареал «переводческой социологии», его возможные пересечения с предметной областью социологии языка. И, в-третьих, определить ее статус либо в качестве формирующейся отраслевой социологии либо как нового междисциплинарного и перспективного исследовательского направления.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

То, что сам перевод устной речи и / или письменных текстов с одного иностранного языка на другой язык, и собственно переводческая деятельность как вид последовательных (алгоритмизированных) трудовых действий, связанных с этим процессом, могут быть объектами социологического анализа, не вызывает сомнений. Только вот терминология, используемая для обозначения этой исследовательской области, имеет определенные различия.

Один из первых подходов к социологизации процесса перевода был предложен Мишелем Каллоном в 1984 году в виде «социологии перевода» (sociology of translation). Он, в частности, утверждал, что перевод представляет собой не «неизменную сущность», а противоречивый и «бесконечный» процесс – «репертуар переводов», поскольку каждый последующий актор может добавить свою интерпретацию переводимого текста и «отрицать репрезентативность предыдущих вариантов». Задача социологов, по его мнению, состоит в «балансировке»: описании того, как «немногие получают право выражать свое мнение и представлять многих молчаливых участников социального мира» [Callon, 1984, с. 224].

У данного подхода множество современных последователей, например, в лице М. Вольф, рассматривающей перевод в качестве «вида социальной практики» и «символически наполненного взаимодействия» [Wolf, Fukari, 2007, с. 31]. Определяя предметное поле социологии перевода, Вольф включает в него три ключевых компонента: *социологию агентов*, которые производят перевод, *социологию процесса перевода* и *социологию культурного продукта* или изучения «конструирования социальных идентичностей» [Wolf, Fukari, 2007, с. 13–18]. С ней солидарен Ж. Женг, полагающий, что данная интерпретация подразумевает всесторонне изучение перевода: на микро-, мезо- и макро-уровнях социологического анализа [Zheng, 2017, с. 28–29]. Еще один исследователь Ж.-М. Гуанвик центральным вопросом социологии перевода считает поиск условий единой рефлексии при переводе в соответствии с социальной практикой. В своих научных размышлениях он опирается на концепцию «двойной рефлексивности» П. Бурдьё, которая применительно

¹URL: <https://www.routledge.com/Translation-Politics-and-Society/book-series/TPS>

²URL: <https://www.routledge.com/Routledge-Handbooks-in-Translation-and-Interpreting-Studies/book-series/RHTI>

к социологии перевода состоит в том, что, с одной стороны, предмет социологии перевода обращен к тексту (переводу), а с другой стороны – к переводчику как к агенту [Gouanvic, 2007, с. 91].

Более зауженный подход предлагает Д. Симеони, использующий термин «*социально-переводческие исследования*» (socio-translation studies), который отражает «социальный взгляд» на процесс перевода в целом, и, в частности, ограничивает предмет его исследования «акторами – теми, кто переводит» [Simeoni, 2007, с. 201]. Следует отметить развитие данного подхода в рамках такого уже сформировавшегося направления научной деятельности как «переводческие исследования» (translation studies), в российской интерпретации – *переводоведение*.

В своей работе Э. Биельса, как мы видим, принципиально использует термин «*переводческая социология*» (translational sociology), ставя на первое место «перевод», который, по ее мнению, выступает «посредником в преодолении языковых различий во всех аспектах социальной жизни» [Bielsa, 2023, с. 1]. Она подвергает критике своих оппонентов, в частности, называя теорию Каллона «переводом без участия языка», поскольку сам язык при данном подходе «засовывают в черный ящик» [там же, с. 58].

Вместе с тем, она и против рассмотрения перевода в качестве утилитарного «лингвистического средства» (linguistic mean) – как процесса замены слов. По ее мнению, он является *метаморфозой* (от греч. μεταμορφωσις, превращение) – средством изменения или трансформации одних вещей, процессов, явлений в другие, и в этом плане роль перевода неизмеримо возрастает – он может вмешиваться и оказывать влияние на общественную жизнь, международные события и глобальные научные области. Таким образом, перевод – это и агент, и объект метаморфоз в меняющемся мире – материал, «позволяющий глубже заглянуть в природу социальных проблем». С помощью перевода становятся возможны общественные трансформации: «Перевод стимулирует наше сознание и воображение для того, чтобы метаморфоза состоялась» [там же, с. 39, 42].

Предметную область переводческой социологии она определяет весьма расплывчато – в виде некоего континуума, на одной стороне которого находится «лингвистическое многообразие», а на другой – социальные процессы, а между ними – «разрыв» (неизвестность), на изучение которого(ой) и должна направить свои усилия переводческая социология [там же, с. 58].

Во-первых, этот разрыв она видит в «неравенстве языков», их выстраивании в определенной

иерархии: от периферийных до «гиперцентрального» английского языка. В этой связи популярные англоязычные тексты должны переводиться на периферийные языки, а для произведений на периферийных языках невероятно важен перевод на английский язык для попадания во всемирное литературное пространство. Но местные традиции, агенты и институты могут до неузнаваемости модифицировать оригинальные тексты в процессе перевода, тогда переводные тексты становятся популярнее оригинала и начинают жить «отдельной жизнью» [там же, с. 47].

Во-вторых, процесс лингвистической трансформации зачастую учитывает лишь значения слов. К переводу необходим «*материальный подход*»: важно сосредотачиваться не на том, что следует переводить, а на том, какие парадоксы и значения могут возникать при трансформации текста с одного языка на другой. Переводить следует и «означающее» (чистое содержание), и «означаемое» (понятийное содержание). Исследователь подчеркивает здесь значимость социологического воображения, с помощью которого можно «докопаться» до социокультурного ядра и контекстов, зачастую опускаемых в ходе перевода.

Еще одна проблема обращает на себя внимание, а именно, Биельса в своей работе для обозначения «переводческой социологии» использует термин “translational”, который традиционно относится к *письменному переводу*. Дело в том, что в зарубежной литературе принято четкое разделение исследований в области письменного (translation studies) и устного (interpreting studies) переводов, «автономной дисциплинарности» этих двух сфер переводческой деятельности [Röschhacker, 2023]. Но какие-либо объяснения по этому поводу в работе Биельсы отсутствуют. При этом она считает переводческую социологию «альтернативным подходом к языку и переводу», который не замалчивает, а продуктивно взаимодействует с пропастью, возникающей между различными способами существования национальных культур [Bielsa, 2023, с. 50].

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ vs СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Возникает резонный вопрос о том, в какой мере новомодный подход в виде «переводческой социологии» соотносится со ставшей уже классической социологией языка. Биельса определяет последнюю в качестве «пограничной области», охватывающей различные дисциплины, «наиболее явно лингвистику и социологию», сходящиеся вокруг вопроса о происхождении языка [там же, с. 120],

но ее взаимосвязь с переводческой социологией она не раскрывает.

Попробуем установить эту связь, обратившись к предметной области социологии языка. Один из современных отечественных походов к ее писанию демонстрирует полный отрыв от реальности, иначе чем тогда можно объяснить сведение социологии языка к «зафиксированному в языке и речевой практике знанию о социальных структурах» [Макушева, 2012, с. 226]. По этой логике, например, психология языка связана с «зафиксированными» знаниями о человеке и его психике. Определения социологии языка, зафиксированные в лингвистических словарях и энциклопедиях, по сути, транслируют взгляды одного из основоположников социолингвистики и социологии языка Дж. Фишмана: «социально-моделированное поведение в связи с сохранением языка, переходом от одного языка к другому, языковой национализм, языковое планирование и т.д.» [Язык и общество, 2016, с. 457].

Поэтому обратимся непосредственно к первоисточнику. Следует отметить, что взгляды Дж. Фишмана на соотношение социолингвистики и социологии языка прошли сложную эволюцию, в конце концов, обретая следующую форму: *микро-социолингвистика* (социолингвистика) занимается изучением влияния общества на язык, *макро-социолингвистика* (социология языка) – влиянием языка на общество. Характеризуя социологию языка, он отмечал, что она «фокусируется на всем спектре тем, связанных с социальной организацией *языкового поведения* [выделено нами – А.С.], включая не только использование языка как таковое, но также и языковые установки, и открытое (демонстративное) поведение по отношению к языку и его пользователям» [Fishman, 1997, с. 25].

Структурно он подразделяет социологию языка на *дескриптивную* (описательную), исследующую нормативное использование языка («кто говорит или пишет, на каком языке, кому, когда и с какой целью?») и *динамическую*, объясняющую различные темпы изменений в социальной организации (модели) использования языка и поведении различных социальных общностей и групп по отношению к языку [Fishman, 1997, с. 26–27]. Фишман был глубоко заинтересован в изучении и понимании лингвистической и дискурсивной динамики языков, находящихся в контакте. Результаты таких исследований, по его мнению, могли бы способствовать межкультурному диалогу и поддержанию языкового разнообразия, что «приближало бы социологию языка к языковой политике», т.е. реализацию ее управленческой функции.

Таким образом, можно зафиксировать, что именно *языковое* или *речевое поведение* (имея

в виду устную и письменную речь) личностей, социальных групп и общностей, а также обществ, основанных на культурно-языковых основаниях, и является собой предмет социологии языка. А все «манипуляции» с языком от коммуникативных и проективных (по его развитию и распространению) до образовательных и переводческих являются составными частями этого «языкового поведения». Следовательно, переводческая социология оказывается органично включенной в ареал социологии языка¹, в этой связи претензии на придание ей статуса отраслевой социологии не имеют под собой оснований.

А интенсивно развивающиеся в последнее десятилетие на Западе междисциплинарные (на стыке лингвистики, семиотики, социологии, политологии, культурологии, и др.) исследования проблем перевода хорошо вписываются в устоявшееся понятие «*переводческие исследования*» (translation studies).

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИОЛОГИИ ЯЗЫКА

Помимо несомненных достижений работа Э. Биельсы также содержит отдельные сложные для восприятия и понимания проблемы и дискуссионные вопросы, которые автор безапелляционно возводит в ранг аксиом.

Одна из них – проблема *идентичности переводчика*. Биельса, как мы видели, отводит переводу большую роль в современной политике и общественной жизни, и, исходя из этого, констатирует возрастание роли переводчика. В этой связи она ставит вопрос: а должна ли при переводе чего-либо учитываться идентичность самого переводчика? И отвечает на него утвердительно, приводя в тексте несколько кейсов из общественной и политической жизни.

В частности, автор приводит в пример инаугурацию Джо Байдена в январе 2021 году, на которой молодая афроамериканка Аманда Горман продекламировала собственное стихотворение «Холм, по которому мы взбираемся» («The hill we climb»). Как только речь зашла о переводе этого произведения на другие языки, возникло множество проблем. Некоторые представители общественности заявили, что адекватно перевести его на другие языки может только... «юная чернокожая девушка». Попытки перевода на голландский и испанский языки потерпели неудачу, а сами профессиональные переводчики уволились. Американская ассоциация литературных переводчиков (The

¹Кроме того, специфика трудовой деятельности переводчика может также рассматриваться в рамках социологии труда.

American Literary Translators Association) опубликовала заявление «О расовом равенстве в художественном переводе», в котором объявила, что подобная постановка вопроса – «подстраивание» под идентичность переводимого автора – нанесла бы ущерб переводу как профессии и практике, но в то же время констатировала нехватку чернокожих специалистов в области перевода – таковых в США оказалось всего 2 %¹.

На наш взгляд, здесь на первом месте все же должны стоять не расово-этнические, гендерные, возрастные и какие-либо другие социально-демографические характеристики переводчика, а его профессионализм (по отношению к художественным произведениям, а, особенно, поэтическим – еще и несомненный литературный и поэтический

таланты). И, конечно, «универсальных» переводчиков нет, и быть не может – каждая сфера деятельности помимо освоения профессиональной лексики предполагает глубокое понимание переводчиком сущностных и содержательных закономерностей конкретной предметной области (политики, финансовой сферы, медицины, техники и пр.). Так что если и вести речь об «идентичности переводчика», то, прежде всего, о его *профессиональной идентичности*.

Развитие в нашей стране социологии языка и переводческой проблематики как ее составной части на протяжении долгого периода продолжает оставаться в зачаточном состоянии. Видимо, настало время социологам в тесном сотрудничестве с лингвистами обратить пристальное внимание на данную область исследований, открывающую большие возможности в решении проблемы единой языковой идентичности как основы для сплочения многонационального русского народа.

¹ALTA Statement on Racial Equality in Translation. URL: <https://literarytranslators.wordpress.com/2021/03/22/alta-statement-on-racial-equity-in-literary-translation/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bielsa E. A Translational Sociology: Interdisciplinary Perspectives on Politics and Society. London: Routledge, 2023.
2. Bielsa E. (ed.) The Routledge Handbook of Translation and Media. London: Routledge, 2022.
3. Bielsa E., Kapsaskis D. (eds.) The Routledge Handbook of Translation and Globalization. London: Routledge, 2024.
4. Макушева М. О. Предметное поле социологии языка // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 216–228.
5. Арефьев А. Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. 2-е изд. М.: ЮРАЙТ, 2018.
6. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л.: Наука, 1971.
7. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб: Гуманитарная Академия, 2004.
8. Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012.
9. Соловьев С. С., Минакова Н. В. Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ. М.: МГЛУ, 2012.
10. Callon, M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // The Sociological Review, 1984. № 32 (1). С. 196–233.
11. Wolf M., Fukari A. (eds.). Constructing a Sociology of Translation. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
12. Zheng J. An Overview of Sociology of Translation: Past, Present and Future // International Journal of English Linguistics. 2017. № 7(4). С. 28–32.
13. Gouanvic J.-M. "Objectivation, réflexivité et traduction" // Constructing a Sociology of Translation. / Wolf M., Fukari A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins. 2007. С. 79–92.
14. Simeoni D. "Between Sociology and History. Method in Context and in Practice". // Constructing a Sociology of Translation / Wolf M., Fukari A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins. 2007. С. 187–204.
15. Pöschhacker F. Pioneering Interpreting Studies: The Extraordinary Case of Ingrid Kurz // International Journal of Research and Practice in Interpreting. 2023. №25(2). С. 159–185.
16. Язык и общество. Энциклопедия / под ред. В. Ю. Михальченко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
17. Fishman J. A. The Sociology of Language // Sociolinguistics: A Reader. / Coupland N., Jaworski A. (eds.). New York: Macmillan Education. 1997. С. 25–30.

REFERENCES

1. Bielsa, E. (2023). A Translational Sociology: Interdisciplinary Perspectives on Politics and Society. London: Routledge.
2. Bielsa, E. (ed.) (2022). The Routledge Handbook of Translation and Media. London: Routledge.

3. Bielsa, E., Kapsaskis, D. (eds.) (2024). The Routledge Handbook of Translation and Globalization. London: Routledge.
4. Makusheva, M. O. (2012) The Subject Field of the Sociology of Language. Bulletin of the Institute of Sociology, 5, 216–228. (In Russ.)
5. Arefiev, A. L. (2018) Sociologiya yazyka. Nacional'nye i inostrannye yazyki v sisteme obrazovaniya = Sociology of the Language. National and Foreign Languages in the Education System. 2nd ed. Moscow: YURAYT. (In Russ.)
6. Schweitzer A. D. (1971) Voprosy sociologii yazyka v sovremennoj amerikanskoj lingvistike = Issues in the sociology of language in contemporary American linguistics. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
7. Vakhtin N. B., Golovko E.V. (2004) Sociolingvistika i sociologiya yazyka= Sociolinguistics and Sociology of Language. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya. (In Russ.)
8. Vakhtin N. B. (ed.) (2012). Sociolingvistika i sociologiya yazyka: khrestomatiya =Sociolinguistics and the Sociology of Language: textbook. St. Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo Universiteta. (In Russ.)
9. Soloviev S.S., Minakova N.V. (2012) Sostoyanie i osnovnye tendencii rynka perevodcheskikh uslug v sovremennoj Rossii: Sociologicheskij analiz = State and Main Trends of the Translation Services Market in Modern Russia: Sociological Analysis. Moscow: MGLU. (In Russ.)
10. Callon, M. (1984) Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. The Sociological Review, 32(1), 196–233.
11. Wolf M., Fukari A. (eds.). (2007). Constructing a Sociology of Translation. Amsterdam: John Benjamins.
12. Zheng J. (2017) An Overview of Sociology of Translation: Past, Present and Future. International Journal of English Linguistics, 7(4), 28–32.
13. Gouanvic, J.-M. (2007) "Objectivation, réflexivité et traduction". In Wolf, M., Fukari, A. (Eds.), Constructing a Sociology of Translation (pp. 79–92). Amsterdam: John Benjamins.
14. Simeoni D. (2007) "Between Sociology and History. Method in Context and in Practice". In Wolf, M., Fukari, A. (eds.). Constructing a Sociology of Translation (pp. 187–204). Amsterdam: John Benjamins.
15. Pöschhacker F. (2023). Pioneering Interpreting Studies: The Extraordinary Case of Ingrid Kurz. International Journal of Research and Practice in Interpreting, 25(2), 159–185.
16. Mikhaltchenko V. Yu. (2016) Language and Society. Encyclopedia. Moscow: Izdatel'skiy Tsentr «Azbukovnik». (In Russ.)
17. Fishman J. A. (1997). The Sociology of Language. In Coupland, N., Jaworski, A. (Eds.), Sociolinguistics: A Reader (pp. 25–30). New York: Macmillan Education.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станевич Анастасия Юрьевна

кандидат социологических наук

доцент кафедры социологии

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanevich Anastasia Yurievna

PhD (Sociological Sciences)

Associate Professor of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.06.2024
28.06.2024
10.07.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow State Linguistic
лингвистического университета	University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 3 (856)	Issue 3 (856)

Ответственный редактор выпуска
кандидат политических наук М. В. Пупышева

Редактор *В. А. Геронимус*
Компьютерная верстка: *А. В. Алымов*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 03.10.2024
Усл. печ. л. 17,9. Формат 60х90/8
Заказ № 77/24

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание обязательна.